

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕОЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССVІ.

1896.

АВГУСТЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ 59

- Опытъ каталога ученическихъ библіотекъ ореднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго про-
свѣщенія (лл. 3, 4 и 5).

А. П. Веселовскій. Малкія замѣтки къ былинамъ 235

Р. Ю. Випперъ. Политическія теоріи во Франціи въ эпоху рели-
гіозныхъ войнъ 278

И. Д. Чечулинъ. Политика Россіи въ Польшѣ предъ первымъ
раздѣломъ 314

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Д. Д. Гришичъ. А. Гусаковъ. Деликты и договоры какъ источники
обязательствъ въ системѣ цивильнаго права древняго Рима.
Москва. 1896 370

И. Соколовъ. Книга бытія мосго. Дневникъ и автобіографическія
записки епископа *Норфурія Успенскаго*. Часть II. Годы
1844 и 1845. Изданіе Императорской Академіи Наукъ на
иждивеніе Императорскаго Палестинскаго Общества подъ
редакціей И. А. Сырку. С.-Пб. 1895 398

— Книжныя новости 410

— Отчетъ графа П. А. Капниста о поѣздкѣ, совмѣстно
съ профессоромъ Шварцемъ, лѣтомъ 1894 года въ Гер-
манію и Францію для ознакомленія съ нѣкоторыми учеб-
ными заведеніями этихъ странъ (*продолженіе*) 63

— Объ окончательныхъ визаменахъ въ реальныхъ учили-
щахъ въ 1863 году 88

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Пятидесятилѣтіе Императорскаго Русскаго Географиче-
скаго общества (*окончаніе*) 13

А. Г. Писомо изъ Рима 36

Л. П. Майковъ. Е. Е. Замысловскій (*некрологъ*) 53

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. Ф. Эрманъ. Легенда о римскихъ царяхъ (*продолженіе*) 49

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

Н. А. Любимовъ. Исторія фивянъ 515

ПОЛИТИКА РОССИИ ВЪ ПОЛЬШѢ ПРЕДЪ ПЕРВЫМЪ РАЗДѢЛОМЪ.

23-го января 1762 г. канцлеръ гр. М. В. Воронцовъ въ докладѣ своемъ императору Петру Теодоровичу о политическомъ положеніи Европы вообще и объ отношеніяхъ Россіи къ другимъ государствамъ писалъ о Польшѣ: „Польша, будучи погружена во внутреннихъ раздорахъ и беспорядкахъ, упражняется всегда оными, и пока сохранить она конституцію свою, то и не заслуживаетъ почитаема быть въ числѣ европейскихъ державъ. Но причинѣ лигѣ пребыванія и частыхъ переходовъ руссійскихъ войскъ, происходили нерѣдко великіе крики, но скоро умолкли опять“. ¹⁾ Такимъ образомъ въ глазахъ канцлера графа Воронцова отношенія польскія не имѣли особаго значенія; онъ не обнаруживалъ ни малѣйшей склонности обратить на эти отношенія сколько-нибудь исключительное вниманіе и ими воспользоваться въ интересахъ Россіи. Новое правительство Екатерины, напротивъ, поставило эти отношенія на первый планъ, обратило на нихъ особенное вниманіе и достигло въ Польшѣ очень важныхъ результатовъ. Въ настоящей статьѣ мы предлагаемъ читателямъ изслѣдованіе русско-польскихъ отношеній предшествовавшихъ первому раздѣлу Польши, причемъ мы воспользовались русскою дипломатическою перепискою, изданною за послѣдніе годы Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ и никакъ еще для изслѣдованія русско-польскихъ отношеній не утилизированною.

¹⁾ *Архивъ князя Воронцова*, VII, 540.

I.

Первыя сношенія новаго русскаго правительства съ Польшею вращались около дѣлъ курляндскихъ; энергическимъ образомъ дѣйствій, блестящимъ формулированіемъ въ дипломатической перепискѣ своихъ взглядовъ и основаній, русское правительство достигло въ курляндскомъ дѣлѣ полного успѣха;—возстановивъ тамъ герцогомъ Э. I. Бирона, оно фактически вполне подчинило Курляндію русскому вліянію. Отношенія, касавшіяся непосредственно Россіи и Польши, получили большой интересъ послѣ того, какъ въ Варшаву прибылъ (въ концѣ 1762 г., назначенъ онъ былъ на это мѣсто 8-го августа) русскій посолъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Германъ Карлъ Кейзерлингъ, старый опытный дипломатъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ въ петербургскихъ правящихъ сферахъ; онъ замѣнилъ генерала Воейкова, который командовалъ русскими войсками, находившимися въ Польшѣ во время Семилѣтней войны, и въ царствованіе Петра Ѳеодоровича временно завѣдывалъ и дипломатическими дѣлами. Кейзерлингу поручено было: покончить курляндскія дѣла согласно съ видами русскаго правительства, добиться признанія Польшею императорскаго титула русскихъ государей, сдѣлать сильнѣйшія представленія въ пользу православныхъ подданныхъ польскихъ, которые, вопреки не только вѣчному миру съ Польшею 1686 г., но и въ противность собственнымъ польскимъ правамъ и конституціямъ, подвергались разнымъ преслѣдованіямъ и обидамъ, упорядочить пограничныя отношенія, такъ „чтобы, наконецъ, пограничные жители, подданные каждой стороны, знали, что кому и куда принадлежитъ“, добиться возвращенія русскихъ бѣглыхъ и устранить разныя притѣсненія, какія приходилось терпѣть русскимъ людямъ, когда они имѣли дѣла въ польскихъ судебныхъ и присутственныхъ мѣстахъ. Была указана Кейзерлингу еще задача—подготовить въ Польшѣ русскую партію: ему поручено было „склонность и преданность доброжелательныхъ къ нашему двору польскихъ вельможъ сколь возможно нитать; а потому старыхъ (то-есть прежнихъ) доброжелательныхъ, изъ которыхъ прежде главныя бывали князья Чарторижскіе съ ихъ фамиліею, также и другихъ, обладеживать императорскою нашею милостію и благоволеніемъ“; при этомъ, въ виду преклоннаго возраста и слабаго здоровья короля Августа III, Кейзерлингъ долженъ былъ „тамошнихъ магнатовъ, особливо же доброжелательныхъ нашему двору, въ разговорахъ искуснымъ образомъ зонди-

ровать, кто бы по ихъ мнѣнію преемникомъ быть могъ польской короны, въ случаѣ кончины нынѣшняго короля ¹⁾). Вотъ всѣ инструкціи, данныя Кейзерлингу. Онѣ очень умѣренны. Въ это время русское правительство не предъявляло еще въ Польшѣ никакихъ особенныхъ притязаній; оно имѣло въ виду два основные, давно уже извѣстные пути, которыми можно было дѣйствовать на слабое польское правительство: оно выдвигало вопросы о диссидентахъ, о пограничныхъ неурядицахъ и о притѣсненіяхъ русскихъ подданныхъ въ Польшѣ, но и только; въ этой инструкціи Кейзерлингу нѣтъ еще и намека на тѣ настойчивыя, почти нескрываемыя и во всякомъ случаѣ совершенно несомнѣнныя притязанія получить сильное вліяніе на всѣ внутреннія дѣла Польши, притязанія, которыя впоследствии были осуществляемы съ такимъ постоянствомъ, съ такою энергіею и смѣлостью. Но довольно скоро оказалось возможнымъ для русскихъ дѣятелей болѣе рѣшительно и смѣло идти къ своей цѣли...

Въ августѣ Екатерина приказала русскому резиденту въ Варшавѣ Ржачевскому во что бы то ни стало разорвать происходившій въ то время сеймъ, который могъ принять нежелательныя для Россіи рѣшенія по курляндскому дѣлу; Ржачевскій издержалъ 1507 червонцевъ и сеймъ былъ разорванъ на третьемъ засѣданіи ²⁾). Курляндское дѣло шло къ развязкѣ, желательной въ Петербургѣ; польское правительство не приняло въ этомъ спорѣ ни одной сколько-нибудь энергичной мѣры. Притѣсненія православныхъ продолжались, даже кажется усилились; во всякомъ случаѣ, при вниманіи къ этому вопросу не трудно было найти нѣсколько фактовъ, доказывавшихъ, что православнымъ въ Польшѣ жилось тяжело. Такъ могилевскій плебанъ Михаилъ Зеновичъ съ согласія одного епископа напечаталъ и распространилъ одинъ старинный, 1619 года, декретъ короля Сигизмунда III, которымъ предписано было всѣмъ православнымъ церкви обратиться въ унию; хотя этотъ декретъ короля и не имѣлъ законной силы, какъ изданный безъ соблюденія всѣхъ обязательныхъ формъ и хотя многочисленными позднѣйшими конституціями королей и сеймовъ признано было въ Польшѣ существованіе православныхъ церквей, тѣмъ не менѣе требованіе Зеновича, чтобы въ силу королевскаго декрета всѣ православныя церкви обращаемы были въ унию, произвело въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чрезвы-

¹⁾ *Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества*, т. XLVIII, 59—66; т. LXVII, 19, 80.

²⁾ *Сборникъ*, т. XLVIII, 99, 149, 488, *Раутер*, *Polens Untergang*, 15.

чайное смущеніе и безпокойство. Затѣмъ этотъ же Зеновичъ подалъ въ литовскій трибуналъ обвиненіе православнаго епископа Георгія Конисскаго въ разбоѣ, за то, что онъ будто бы силою не допускаетъ въ Могилевъ католическихъ проповѣдниковъ и принуждаетъ католиковъ къ переходу въ православіе; Георгій Конисскій приносилъ въ Петербургъ и Москву много и другихъ жалобъ на разные новыя притѣсненія и обиды православнымъ ¹⁾). Пограничныя отношенія со стороны Польши не были упорядочены; напротивъ, русское правительство получало отъ своихъ подданныхъ все новыя и новыя жалобы и даже добыло свѣдѣнія, что кн. Михайлъ Чарторижскій, занимавшій высокое мѣсто литовскаго канцлера, самъ предписывалъ пограничнымъ властямъ не обращать вниманія на русскія требованія, хотя бы и законныя, основанныя на договорахъ ²⁾). Это извѣстіе идетъ, правда, съ русской стороны; но этотъ же канцлеръ литовскій старался затруднить и урегулированіе границъ съ Пруссіей; Фридрихъ отвѣтилъ на это энергично: онъ началъ захватывать то тотъ, то другой участокъ по границѣ и на жалобы противъ очевидной несправедливости отвѣчалъ, что всѣ подобныя споры будутъ рѣшены при урегулированіи границъ ³⁾). Наконецъ, и со стороны Россіи принято было подобное же крайнее рѣшеніе: 12-го августа 1763 г. въ Сенатѣ, послѣ неоднократныхъ обсужденій этого вопроса, рѣшено было отправить въ польскіе предѣлы военныя команды, чтобы онѣ силою захватили и вывели какъ можно болѣе русскихъ бѣглыхъ; впрочемъ, эта мѣра не была приведена въ исполненіе, по личному желанію императрицы, которая не захотѣла давать повода къ жалобамъ со стороны Польши, гдѣ какъ разъ въ это время начиналась агитація по поводу избранія короля ⁴⁾).

Такимъ образомъ, въ поводахъ для вмѣшательства Россіи въ дѣла Польши недостатка не было; образованіе партіи изъ лицъ, готовыхъ дѣйствовать согласно съ видами Россіи, пошло быстрѣе и легче, чѣмъ, повидному, ожидали: очень многіе польскіе вельможи немедленно же проявили готовность войти въ сношенія съ русскимъ правительствомъ, испрашивая себѣ только ордена или чаще депъги; Екатерина сошлась съ Кейзерлингу сколько возможно сблизаться съ Чарторижскими.

¹⁾ *Сборникъ*, т. XLVIII, 150, 271, 317, 377, 579 и др.

²⁾ *Сборникъ*, т. XLVIII, 373, 470, 570 и др.

³⁾ *Herrmann*, *Geschichte des russischen Staats*, V, 384.

⁴⁾ *Поли. Собр. Законовъ*, № 11.894; *Дубровинъ*, *Пугачевъ и его сообщники*, I, 350—351.

Въ это именно время ей представлено было перлюстрированное письмо отъ маркиза Польми, французскаго посла въ Варшавѣ, къ барону Бретейлю, послу Франціи въ Петербургѣ. Въ этомъ письмѣ сообщаются самыя неблагопріятныя свѣдѣнія о поведеніи Чарторижскихъ. Польми пишетъ, что слышалъ собственными ушами, какъ Чарторижскіе требовали чрезвычайныхъ милостей и огромныхъ пожалованій тремъ лицамъ изъ своихъ сторонниковъ и заявили, что если ихъ удовлетворять, то они станутъ лучшими друзьями правительства, а если нѣтъ, то послѣдствія будутъ ужасны для короля Августа и его ближайшаго министра графа Брюля; конечно, съ полнымъ правомъ Польми называетъ постыднымъ со стороны Чарторижскихъ, что теперь, не успѣвши въ своемъ требованіи, они стали добиваться, чтобы было признано незаконнымъ рѣшеніе, въ силу котораго графъ Брюль получалъ нѣкоторыя привилегіи польскаго дворянина, хотя они сами же и провели это постановленіе 13 лѣтъ тому назадъ. Польми указываетъ, что Чарторижскіе слишкомъ громко трубятъ повсюду о покровительствѣ имъ со стороны императрицы и что вмѣстѣ съ тѣмъ, по общему мнѣнію, они покупаютъ у русскихъ для себя возможность получить особенное вліяніе въ своемъ отечествѣ цѣною какихъ-нибудь значительныхъ и важныхъ уступокъ; по его словамъ, Чарторижскіе своимъ плохо сдерживаемымъ честолюбіемъ наносятъ ущербъ себѣ и своимъ покровителямъ ¹⁾. Сообщая Бретейлю эти невыгодныя для Чарторижскихъ свѣдѣнія, Польми, конечно, имѣлъ основаніе надѣяться, что его сообщенія помогутъ Бретейлю разъяснить въ Петербургѣ истинное положеніе дѣлъ въ Польшѣ и отклонить русское правительство отъ связей съ Чарторижскими; но въ послѣднемъ онъ ошибся. Императрица и Панинъ читали его письмо, узнали—если только это не было уже извѣстно имъ ранѣе—жесткую правду о поведеніи Чарторижскихъ—и ничуть не измѣнили своего образа дѣйствій относительно нихъ. Объясняется это тѣмъ, что въ Петербургѣ вовсе и не увлекались Чарторижскими, вовсе и не обманывались на ихъ счетъ; въ дальнѣйшемъ изложеніи мы встрѣтимъ не разъ положительнѣйшія доказательства этого. Съ ними сблизались какъ съ наиболѣе сильною и вліятельною партіею ²⁾; старались получить ихъ

¹⁾ *Сборникъ*, т. XLVIII, 178—184.

²⁾ Старшими представителями фамиліи Чарторижскихъ была князь Михаилъ, великій канцлеръ литовскій, и Августъ, воевода русскій; вмѣстѣ со своими приверженцами они носили спеціальное названіе „фамиліи“; они могли рассчитывать

согласіе содѣйствовать видамъ Россіи въ ихъ отечествѣ, но единственно изъ желанія черезъ нихъ имѣть возможно большее вліяніе въ дѣлахъ Польши. Только тѣмъ, что въ Петербургѣ нимало не обманывались на счетъ Чарторижскихъ, и объясняются многократно разрывы и новыя сближенія съ ними; никакое, самое горячее увлеченіе, самое полное довѣріе, не вынесло бы столькихъ разрывовъ, сколько происходило у петербургскаго правительства съ Чарторижскими, столькихъ доказательствъ неискренности ихъ, сколько имѣлось въ Петербургѣ. Но довѣрія къ Чарторижскимъ, тѣмъ болѣе увлеченія, ими, никогда въ Петербургѣ и не было ¹⁾. Не разъ изъ Петербурга предписывали посламъ придерживаться Чарторижскихъ, какъ самыхъ опытныхъ и умныхъ между поляками, и въ то же время требовали, чтобы послы составляли свою, независимую отъ нихъ партію. Чарторижскими пользовались, какъ удобнымъ орудіемъ для дѣйствій въ Польшѣ. Когда это орудіе отказывалось служить—его бросали; какъ только снова видѣли готовность ихъ содѣйствовать видамъ русской политики—ихъ снова брали. Въ Петербургѣ постоянно была одна главная цѣль—усиленіе русскаго вліянія въ Польшѣ; условія, на которыхъ соглашались служить этой цѣли Чарторижскіе, уступки,

приблизительно на четвертую часть мелкаго дворянства Польши. Князь Августъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ людей Польши; благодаря своимъ замѣчательнымъ хозяйственнымъ способностямъ онъ не раззорялся, какъ большинство польскихъ вельможъ, а богатѣлъ; въ 1796 году въ областяхъ, отошедшихъ къ Россіи, у сына князя Августа, ин. Адама, было болѣе 43.000 душъ крестьянъ—*Русскій Архивъ*, 1873, 2315. Но бережливый вообще, онъ умѣлъ быть щедрымъ, когда это представлялось необходимымъ. Князь Михаилъ былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ всѣхъ тонкостей польскаго государственнаго устройства и всей путаницы польскихъ законовъ; онъ обладалъ обширною памятью, живымъ умомъ, энергіею и чрезвычайною способностью привлекать сердца поляковъ; говорили, что онъ зналъ въ лицо и по именамъ до 100.000 польскихъ дворянъ—см. *Beer, Die erste Theilung Polens*, I, 114—115. Въ Петербургѣ даже и въ тѣ моменты когда съ Чарторижскими были явно не въ ладахъ, признавали ихъ за людей, изъ всѣхъ поляковъ наиболѣе способныхъ руководить дѣлами—*Сборникъ*, т. LXVII 258, т. LXXXVII, 206, 222, 375 и др.

¹⁾ Сольмсъ писалъ однажды (въ ноябрѣ 1768 года), что Панинь ему сказалъ, что Чарторижскіе никогда не были двуличными и никогда не обѣщали того, чего не намѣревались исполнить—*Сборникъ*, т. XXXVII, 177. Но если Панингъ и сдѣлалъ такое заявленіе, то оно стоитъ въ полнѣйшемъ противорѣчій съ тѣмъ, что многократно читаемъ мы въ его депешахъ, и объясняется, конечно, затрудненіями и безпомощствами, въ какихъ онъ находился въ моментъ начала турецкой войны.

какія иногда приходилось дѣлать въ ихъ пользу—все это имѣло второстепенное значеніе и оцѣнивалось только по сравненіи съ главною цѣлью. Къ достиженію ея русское правительство и шло, сначала осторожно и медленно, затѣмъ все смѣлѣе и смѣлѣе.

Польскіе магнаты, принимавшіе русскую поддержку, очень торопились; они желали какъ можно скорѣе дѣйствій со стороны Россіи; они желали и надѣялись ея средствами достигнуть своихъ цѣлей, усилиться, получить для своихъ сторонниковъ важнѣйшія должности, богатія староства; они готовы были на сверженіе умирившаго короля. Неоднократно передавалъ Кейзерлингъ въ Петербургъ промеморіи Чарторижскихъ, составленныя въ этомъ духѣ. Уже въ началѣ декабря 1762 г. Чарторижскіе просили активной поддержки, обѣщая устроить сильную конфедерацію. Екатерина потребовала болѣе точныхъ указаній на цѣль конфедераціи и наименованія ея предводителей, а также и опредѣленія необходимыхъ для ея поддержки средствъ. Въ началѣ февраля 1763 г. Чарторижскіе объявили, что конфедерація будетъ направлена противъ злоупотребленій правительства, а не противъ короля лично, что ея начальниками будутъ люди, вполне пользующіеся довѣріемъ императрицы, и что Россія должна дать не менѣе 50.000 червонцевъ; кромѣ того Чарторижскіе просили, чтобы вблизи польскихъ границъ заготовлено было оружіе на корпусъ тысячъ въ пять-шесть и чтобы до 500 человекъ русскихъ гусаръ и артиллеристовъ были немедленно отданы въ ихъ, Чарторижскихъ, распоряженіе¹⁾. Въ началѣ марта они повторили свою просьбу о присылкѣ имъ 50.000 червонцевъ, просили также ускорить заготовку въ Кіевѣ и Смоленскѣ оружія; они сообщали, что есть планъ заключить ихъ въ Кенигштейнъ (государственную тюрьму въ Саксоніи), а это, по ихъ словамъ, угрожало полнымъ разстройствомъ русской партіи въ Польшѣ и прежде всего неблагопріятнымъ исходомъ курляндскихъ дѣлъ. Какъ выгоды для Россіи отъ содѣйствія ея ихъ видамъ, Чарторижскіе обѣщали благопріятный исходъ курляндскаго дѣла, признаніе императорскаго титула русской государыни и водвореніе согласія между Россіей и Польшей. Соловьевъ возмущается²⁾ и смѣлостью Чарторижскихъ представлять такія притязанія и ограничиваться такими обѣщаніями, и рѣшимостью Кей-

¹⁾ Изложеніе промеморій Чарторижскихъ у *Соловьева*, Исторія Россіи, в. V, 1421—1422.

²⁾ *Соловьесъ*, в. V, 1423.

зерлинга принять и переслать въ Петербургъ такія промеморіи. Но удивляться нечего; въ Петербургѣ нимаю и не думали подаваться на эти просьбы, поскольку онѣ выходили за предѣлы, поставленные себѣ пока петербургскимъ кабинетомъ; подобныя просьбы принимались, потому что трудно было отклонить ихъ представленіе, желая сохранить согласіе съ партією Чарторижскихъ; но исполнять ихъ и не думали. Русское правительство имѣло свою цѣль, даже, въ общихъ чертахъ, свой планъ, и ждало времени, когда удобно будетъ ихъ объявить. Въ отвѣтъ на просьбы и тревожныя сообщенія Чарторижскихъ императрица предписывала Кейзерлингу по возможности поддерживать всякія домогательства членовъ русской партіи передъ польскимъ правительствомъ, оружіе заготовить обѣщала, но отдать русскихъ солдатъ въ распоряженіе конфедераціи находила невозможнымъ, замѣчала, что необходимо, чтобы вообще наши друзья дѣйствовали соотвѣтственно только нашимъ намѣреніямъ и кстати; на сообщеніе Чарторижскихъ, что имъ грозитъ Кенигштейнъ, предписывала отвѣчать, что населить Сибирь тѣми, которые осмѣлятся тронуть ея друзей, и спустить на Польшу гайдамаковъ. Чарторижскіе вскорѣ, въ апрѣлѣ 1763 г., дали требуемое отъ нихъ обѣщаніе „удержать свое нетерпѣніе пользоваться возстановленіемъ порядка и благополучія ихъ отечества“; но снова указывали на опасность, грозящую лично имъ, а слѣдовательно и русской партіи, и заводили снова рѣчь о низложеніи короля. Панинъ написалъ по этому поводу, въ докладѣ своемъ, руководясь которымъ Екатерина и отвѣчала Кейзерлингу, что если благоразумная политика требуетъ, чтобы новый король польскій былъ выбранъ подъ вліяніемъ Россіи, то она же запрещаетъ перемѣнять королей, потому что тѣ, которые извлекаютъ изъ такой перемѣны наибольшія для себя выгоды, осуждаемы не будутъ, „а вся злоба, ненависть, досада и осторожность всѣхъ державъ на насъ однихъ обратятся“¹⁾; Панинъ считалъ поэтому достаточнымъ только давать деньги. Въ маѣ 1763 г. Чарторижскіе доказывали русскому послу, что для нихъ примиреніе съ дворомъ невозможно безъ явнаго поворота для себя и безъ утраты русскою партією всего своего вліянія въ Польшѣ; они снова настаивали на необходимости начать рѣ-

¹⁾ Вотъ соображенія, какими руководствовался Панинъ; между тѣмъ Сольмсъ, донося въ Берлинъ о его рѣшеніи, толковалъ его дѣйствія какъ уступку въ пользу польскаго двора, на которую склонилъ императрицу Бестужевъ подвліяніемъ Мерси—Сборникъ, т. XXII, 111.

шительныя дѣйствія, немедленно ввести русскія войска въ Польшу и образовать конфедераціи по всему королевству; теперь они просили уже не 50.000 червонцевъ, а 200.000. Но Кейзерлингъ со своей стороны писалъ въ Петербургъ, что такое поспѣшное образованіе конфедераціи вовсе не необходимо, что возможно устроить съ королемъ полюбовное соглашеніе и получить для приверженцевъ Россіи нѣкоторыя высшія должности¹⁾; въ Петербургѣ также находили, что нѣтъ надобности прибѣгать къ такому крайнему средству, какъ конфедерація, тѣмъ болѣе, что, открывшись при жизни короля, она могла затянуться на слишкомъ долгое время и потребовать слишкомъ большихъ денежныхъ затратъ со стороны Россіи; въ одномъ изъ писемъ къ Кейзерлингу Екатерина высказываетъ даже мысль, что тогъ „деспотизмъ“, на который часто жаловались Чарторижскіе, есть вовсе не твердость власти, развитіе которой въ Польшѣ было-бы опасно для сосѣднихъ державъ, а та же самая анархія, обусловливаемая всѣмъ польскимъ государственнымъ устройствомъ и для сосѣдей Польша скорѣе полезная, чѣмъ опасная; поэтому императрица вполне раздѣляла взглядъ, что для Россіи нѣтъ никакихъ основаній начинать энергически дѣйствовать въ Польшѣ. И этотъ отказъ исполнить настоятельныя просьбы Чарторижскихъ получаетъ тѣмъ больше значенія въ нашихъ глазахъ, что тогда въ Польшѣ уже находился отрядъ русскихъ войскъ²⁾, введенный подъ предлогомъ замѣны другихъ отрядовъ, охранявшихъ русскіе магазины, остававшіеся еще послѣ Семилѣтней войны; этихъ войскъ было совершенно достаточно для того, чтобы обезпечить возникновеніе конфедераціи; но въ Петербургѣ понимали, что „наши друзья въ Польшѣ, имѣя свой собственный интересъ и свои виды, желаютъ скорѣйшихъ дѣйствій“, но думали, что „намъ особливо должно остерегаться въ томъ, что можетъ быть разнаго между нашими и ихъ намѣреніями. Мы терминомъ польскихъ дѣлъ опредѣляемъ кончину королевскую“³⁾. — такимъ образомъ, ясно, что независимо отъ того, удобный или не-

¹⁾ Такъ изложена дѣяніе Кейзерлинга отъ 12 (23) мая 1768 г. въ *Сборникъ*, т. XLVIII, 546; поэтому мы не знаемъ, на чемъ основываясь, Соловьевъ говорить, что Кейзерлингъ „прямо былъ за конфедерацію, ими (Чарторижскими) предлагаемую“—Исторія Россіи, кн. V, 1423; въ *Сборникъ*, по крайней мѣрѣ, не указано нигдѣ ранѣе подобныхъ предложеній Кейзерлинга.

²⁾ *Aktenausz.*, Die letzte polnische Königswahl, 14, прим. 1.

³⁾ *Сборникъ*, т. XLVIII, 247—249, 348, 407—415, 546, 549, 562, 563, 592, 595, 617, 622 и др.

удобный планъ дѣйствій былъ составленъ въ Петербургѣ, тамъ очень хорошо отличали свои, русскіе интересы, отъ всѣхъ другихъ, какіе стремилась связать съ русскими партіи Чарторижскихъ. и очень хорошо понимали, что только при избраніи новаго короля представится возможность достигнуть серьезныхъ выгодъ для Россіи. Уклоняясь по такимъ соображеніямъ отъ рѣшительныхъ дѣйствій, на необходимости которыхъ настаивали Чарторижскіе, въ объясненіе дѣйствій Россіи Панинъ съ обычнымъ своимъ искусствомъ указывалъ такія основанія, которыми, дѣйствительно, можно было руководиться и возражать противъ которыхъ было очень трудно, но которыми на самомъ-то дѣлѣ онъ ни мало не руководился: въ письмахъ своихъ Кейзерлингу, повторяя указанія Панинымъ соображенія, Екатерина поручала послу внушать благорасположеннымъ къ Россіи полякамъ, что для нихъ несравненно выгоднѣе примириться съ дворомъ не прибѣгая къ конфедераціи, чтобы большинство націи видѣло, что „они подъ покровительствомъ нашимъ пахотились въ силахъ начать конфедерацію, слѣдовательно гражданскую брань, но что они избытку силъ предпочли общій покой и благосостояніе отечества“; это должно было, по словамъ Екатерины, „доставить имъ любовь націи“, а сила русской партіи и покровительство ей Россіи должны были „пріобрѣсти ей довѣріе и почтеніе“; такимъ образомъ подготавливалась вѣроятность избранія въ короли кого-нибудь изъ русской партіи, а чрезъ это благонамѣренные, — то есть, преданные Россіи — поляки получили-бы возможность исправить впослѣдствіи недостатки, видѣвшіеся въ государственномъ устройствѣ ихъ отечества.

Но въ то время, когда русской партіи въ Польшѣ совѣтовали только благоразуміе и умѣренность, въ Петербургѣ рѣшено уже было относительно польскихъ дѣлъ довольно многое. Въ самомъ началѣ февраля 1763 г. въ Петербургѣ получены были очень тревожныя извѣстія о состояніи здоровья Августа III польскаго (свѣдѣнія эти впослѣдствіи оказались сильно преувеличенными); 8-го февраля собрана была при дворѣ особая конференція, на которой по Высочайшему повелѣнію присутствовали: канцлеръ гр. М. И. Воронцовъ, вице-канцлеръ кн. А. М. Голицынъ, Н. И. Панинъ, гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ и кн. М. Н. Волконскій. Выслушавши обзоръ дѣйствій Россіи въ Польшѣ въ 1733 г., предъ избраніемъ Августа III, конференція обсуждала вопросъ: „полезнѣе ли для здѣшнихъ интересовъ къ тому (т. е. на польскій престолъ) избрать изъ чужестранныхъ принцевъ или пастовъ?“ Изъ чужестранныхъ принцевъ

не нашли удобнаго человѣка, поэтому рѣшено было избрать изъ пнястовъ, т. е. изъ польской аристократіи. Въ конференціи же составлены были рескрипты по этому дѣлу въ Варшаву, Парижъ, Вѣну, Лондонъ, Лейпцигъ (къ посланнику при королѣ прусскомъ) и Константинополь, указы въ Сенатъ, чтобы имѣлась въ наличности сумма до милліона рублей, необходимая для польскихъ дѣлъ, и въ Военную Коллегію, чтобъ приготовлено было до 30.000 войска. Во всѣхъ рескриптахъ, кромѣ рескрипта въ Варшаву, повторено то же самое утвержденіе, что „выборъ нашъ по рѣшенъ“ и что мы намѣрены предоставить въ немъ полную свободу полякамъ, лишь бы не было и никакого другаго давленія; нѣсколько обширнѣе рескриптъ къ кн. Долгорукову, посланнику нашему при королѣ прусскомъ; тутъ высказана мысль, что если избраніе короля польскаго должно будетъ произойти ранѣе, чѣмъ Фридрихъ закончитъ свои мирные переговоры съ Австріей, то, конечно, онъ не въ состояніи будетъ принять въ немъ сколько-нибудь значительное участіе, если же послѣ, то интересы прусскаго короля привлекутъ, конечно, къ этому избранію все его вниманіе; впрочемъ, по мнѣнію конференціи, для Россіи и Пруссіи въ этомъ случаѣ не трудно согласовать свои интересы. Кейзерлингу въ Варшаву въ одномъ рескриптѣ сообщены были соображенія, въ свѣту которыхъ не признано было удобнымъ избраніе иностраннаго принца и затребовано было его мнѣніе о выборѣ пята вообще; въ другомъ же, подписанномъ одновременно со всѣми прочими—8-го февраля 1763 г.—императрица собственноручно вписала въ оставленное пустымъ мѣсто: „мы со своей стороны назначиваемъ быть выбраннымъ въ короли стольника литовскаго гр. Понятовскаго или кн. Адама Чарторижскаго“¹⁾. Это былъ вопросъ, рѣшенный еще, повидимому, на конференціи 3-го февраля, потому что въ частномъ письмѣ оцѣ отъ 4-го февраля Екатерина сообщала объ этомъ рѣшеніи Кейзерлингу²⁾; это письмо и есть, сколько намъ извѣстно, первое заявленіе въ дипломатической перепискѣ русскаго правительства, что кандидатомъ на польскій престолъ со стороны Россіи является графъ Станиславъ Августъ Понятовскій³⁾. И съ

¹⁾ Напечатанное разрядкою вписано императрицей собственноручно.

²⁾ Сборникъ, т. XLVII, 298—313, особ. 300.

³⁾ Впрочемъ, уже въ письмахъ Екатерины къ Понятовскому отъ 2-го августа н. ст. 1762 г., подлинникъ котораго въ Россіи неизвѣстенъ, но которое напечатано въ изданіи „Mémoires secrets et inédits de Stanislas Auguste, comte Poniatowski, dernier roi de Pologne“, Leipzig, 1862, 22—23, читаемъ: J'envoie incessam-

того момента, когда русское правительство поставило себѣ цѣлью дать Польшѣ короля по своему выбору и рѣшенію—русско-польскія отношенія получили величайшую важность для обоихъ государствъ. Многие современники думали, что Екатерина желаетъ доставить Понятовскому польскую корону въ силу прежнихъ близкихъ отношеній, въ какихъ стояла она къ нему, еще будучи великой княгиней; такъ думалъ и самъ Понятовскій, такъ думали министры Людовика XV и австрійскій представитель въ Петербургѣ ¹⁾; до послѣдняго еще времени держатся такого взгляда нѣкоторые изслѣдователи, излишне склонные искать объясненій государственнымъ событіямъ въ чисто личныхъ, особенно въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ ²⁾. Но на самомъ дѣлѣ императрица Екатерина руководилась совершенно иными соображеніями. Не только свидѣтельствуешь объ этомъ она сама, сказавши въ примѣчаніяхъ своихъ на книгу аббата Денны: Станиславъ Понятовскій былъ избранъ Россіей на польскій престоль „потому что изъ всѣхъ искателей оныхъ имѣлъ наименѣе шансовъ и слѣдовательно, наиболѣе долженъ былъ чувствовать благодарность къ Россіи“—но и вся дипломатическая переписка по этому дѣлу, всѣ предъявленныя Понятовскому условія съ несомнѣнностью доказываютъ что избраніе его было рѣшено единственно въ тѣхъ видахъ что такимъ путемъ въ Петербургѣ надѣялись достигнуть выгодъ для

ment la comte Keyserling ambassadeur en Pologne, pour vous faire roi, apres le desir de celui ci, et en cas, qu'il ne puisse réussir pour vous, que ce soit pour le prince Adam.

¹⁾ „Mémoires secrets et inédits de St.-Aug. Poniatowski“, 37—48; *Сборникъ*, т. XLVI, 87, 186; 2-го февр. н. ст. 1768 г. англійскій представитель писалъ изъ Варшавы, что тамъ ожидаютъ избранія въ короли Ст. Понятовскаго или Ад. Чарторижскаго; въ декабрѣ того же года изъ Вѣны англійскій посоль намекалъ, что Екатерина предпочтетъ Понятовскаго, подъ вліяніемъ своего романтическаго ума—*Kaizer*, Beiträge zur neueren Geschichte, III, 315, 339. Букингамъ доносилъ изъ Петербурга осенью 1762 г., что немедленно по вступленіи на престоль Екатерина отправила къ Понятовскому курьера, чтобы отклонить его прибытіе въ Петербургъ—*Сборникъ*, т. XII, 40.

²⁾ Напр., *Смита*, Суворовъ и паденіе Польши, II, 76, говоритъ: Екатерина рѣшила „возвести на польскій престоль такого короля, въ преданности и благодарности котораго она могла бы быть утѣрена. Она исполнила это и Станиславъ Понятовскій сдѣлался королемъ“; странно, что такого же мнѣнія придерживается *Askenazy*, Die letzte polnische Königswahl, 4,—вообще здраво смотрящій на многіе спорные, или лучше сказать критически не изученные вопросы русско-польскихъ отношеній при Екатеринѣ.

Россіи ¹⁾. Если прежнія отношенія Екатерины къ Понятовскому и повлияли на рѣшеніе, принятое въ Петербургѣ, то развѣ только тѣмъ, что, выставляя кандидатуру Понятовскаго, тамъ и думали встрѣтить наименѣе сопротивленія, въ расчетѣ—который и оправдался—что кандидатура эта будетъ понята не въ истинномъ своемъ значеніи, а какъ слѣдствіе личной склонности императрицы.

6-го октября 1763 г., въ 6 часовъ утра, получена была въ Петербургѣ вѣсть о смерти короля польскаго Августа III, послѣдовавшей 24-го сентября въ Дрезденѣ ²⁾; утромъ того же дня созвана была при дворѣ чрезвычайная конференція, на которой присутствовали: гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ, дѣйствительные тайные совѣтники И. И. Неплюевъ и Н. И. Панинъ, вице-канцлеръ кн. А. М. Голицынъ, гр. Г. Г. Орловъ, тайный совѣтникъ А. В. Олсуфьевъ и потомъ приглашенъ былъ генераль-аншефъ гр. З. Г. Чернышевъ. Рѣшено было предписать Кейзерлингу, чтобы онъ обладеживалъ благонамѣренныхъ покровительствомъ императрицы, и старался увеличить ихъ число и заявилъ бы, что императрица, желая со своей стороны, чтобы вольность и права республики были сохранены, надѣется, что „сами поляки, удаляясь отъ всякихъ зловредныхъ каверзей и раздоровъ, поступаютъ въ томъ не только въ силѣ законовъ, но и съ такимъ единодушіемъ, какое общему отечеству и ихъ собственному благосостоянію прилично, и что въ противномъ случаѣ, ежели кто изъ нихъ съ пренебреженіемъ

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не разъ будемъ имѣть случай привести этому несомнѣннымъ доказательства; здѣсь ограничимся только слѣдующею выпискою изъ того же рескрипта отъ 8-го февраля 1763 г., въ которой и сообщается Кейзерлингу о рѣшеніи императрицы возвести на престолъ Понятовскаго: „а какъ всѣ сія принимаемая мѣры имѣютъ въ виду единственно пользу интересовъ нашихъ и сопряжены съ великимъ истощеніемъ казны нашей, то справедливость требуетъ обладежиться напередъ отъ новаго кандидата нѣкоторыхъ для имперіи выгодъ“—дальше говорится, что вопросы о диссидентахъ и о пограничныхъ неурядицахъ должны быть рѣшены согласно желаніямъ Россіи, и это „накрѣпко узаконено и въ дѣйствительность приведено“.—*Сборникъ*, т. XLVIII, 304. *Восточная Европа*—Послѣдніе годы Речи Посполитой, I, 98,—совершенно вѣрно замѣчаетъ, что Екатерины были отлично извѣстны недостатки Понятовскаго и что они скорѣе помогли, чѣмъ препятствовали ей въ ея планахъ; еще ранѣе замѣтилъ *Раумеръ*, *Polens Untergang*, 20: „nachdem der Reiz dieser personlicher Bekanntschaftе völlig geschwunden war, ward in Katharina der Wunsch wohl erst recht lebendig, in ihrem abgedankten Lielhaber den Polen einen schwachen, ihr gehorsamen König zu geben“.

²⁾ Какъ здѣсь, такъ и далѣе, мы постоянно считаемъ числа мѣсяца по старому стилю.

всего того поступать на предпріятія, съ законами, съ общемою пользою и съ сосѣдственною со здѣшнимъ дворомъ дружбою несогласныя, Ея Императорское Величество спокойно на то смотрѣть не изволитъ". На помощь гр. Кейзерлингу, чловѣку уже старому и часто хворавшему, рѣшено было послать въ качествѣ полномочнаго министра генераль-маіора кн. Н. В. Репнина; императрица объявила на конференціи, что по партикулярной своей перепискѣ съ королемъ прусскимъ, она имѣетъ всѣ основанія надѣяться, что онъ не будетъ противодѣйствовать нашимъ видамъ, но что тѣмъ не менѣе она напишетъ еще Фридриху и Маріи Терезіи; вице-канцлеръ долженъ былъ переговорить по поводу предстоящаго избранія съ посланниками прусскимъ, австрійскимъ и англійскимъ въ томъ же духѣ, въ какомъ будутъ написаны письма съ императрицы; рѣшено было отправить отъ имени императрицы письма и къ знатнѣйшимъ вельможамъ польскимъ; распоряженія военныя положено было поручить непосредственно гр. З. Г. Чернышеву, президенту Военной Коллегіи, чтобы производство ихъ обыкновеннымъ порядкомъ не повело къ ихъ прождевременному разглашенію ¹⁾). Въ концѣ засѣданія допущенъ былъ къ присутствію гр. З. Г. Чернышевъ, который прочелъ свой проектъ мѣропріятій по дѣламъ польскимъ; по словамъ протокола „великую сего проекта для здѣшняго государства пользу по многимъ обстоятельствамъ и увѣреніямъ болѣе желать, нежели дѣйствительно оной исполненія легко чаять можно“, однако положено „не выпуская этого проекта изъ виду“, первыи движенія войскъ сдѣлать согласно съ нимъ.

Проектъ этотъ былъ вложенъ въ пакетъ, на которомъ собственною рукою императрицы написано было: „Секретный планъ, поднесенный отъ графа Чернышева. С. К. К. П. (то-есть, случай кончины короля польскаго). Окромѣ меня никому не распечатывать“.

Содержаніе этого секретнаго предложенія было слѣдующее. Графъ Чернышевъ указывалъ на необходимость пріобрѣсти отъ Польши, въ видахъ округленія границъ, польскую Лифляндію, воеводства полоцкое и витебское, и изъ мстиславскаго часть по сую сторону Днѣпра. „А для того, чтобы—говоримъ словами проекта—такое пріобрѣтеніе для государственной полезности отъ сосѣдей своихъ прикрыть справедливостію, чтобы не показалось, что завоеваніе сіе дѣлается однимъ только преимуществомъ силъ, а не спра-

¹⁾ Сборникъ, т. LI, 5—8, 497, 499, 507—509.

ведливостію", представляется наиболее удобнымъ случаемъ смерть короля польскаго и избраніе на его мѣсто новаго; гр. Чернышевъ совѣтуетъ съ наступленіемъ этого момента немедленно двинуть войска и занять намѣченныя области, при избраніи же короля, или още прежде, представить свои претензіи на упомянутыя мѣста, указывая на то, что съ польской стороны никогда не были справедливо рѣшаемы пограничные споры, никогда не выдавались бѣглецы, собирались произвольныя и незаконныя пошлины съ русскихъ, попадавшихъ въ Польшу по торговымъ или какимъ-либо другимъ частнымъ дѣламъ; надо было заявлять, что занятіе пограничныхъ округовъ дѣлается единственно изъ желанія устранить всѣ такія несправедливости, а вовсе не изъ желанія приобрѣтеній, ибо земель у Россіи и безъ того много; далѣе гр. Чернышевъ излагалъ разныя стратегическія соображенія и указывалъ нѣкоторыя мѣры, какими надо будетъ новоприобрѣтенныя области связать съ Россіей.

Этотъ планъ Чернышева, очевидно, имѣетъ громадное значеніе. То обстоятельство, что онъ обсуждался и въ общихъ чертахъ былъ принятъ въ первой же конференціи послѣ смерти короля польскаго, какъ только настала „терминъ“ участія Россіи въ польскихъ дѣлахъ, доказываетъ съ полною очевидностію, что мысль о приобрѣтеніяхъ отъ Польши была у правительства Екатерины съ первыхъ, можно сказать, дней его существованія; прошелъ лишь годъ съ небольшимъ послѣ ея воцаренія, а планъ этотъ уже лежитъ у нея. Существованіе уже у петербургскаго правительства мысли о приобрѣтеніяхъ отъ Польши необходимо имѣть постоянно въ виду при обсужденіи всѣхъ дальнѣйшихъ событій въ Польшѣ, происшедшихъ при участіи Россіи.

Съ чрезвычайною поспѣшностію были приведены въ исполненіе всѣ предположенныя на конференціи мѣры; письма отъ императрицы были отправлены къ примасу и 60-ти другимъ знатнѣйшимъ членамъ Польши; къ представителямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ посланъ циркулярный рескриптъ, съ заявленіемъ, что единственнымъ предметомъ стараній императрицы будетъ—чтобы выборы состоялись вполнѣ свободныя; въ то же время Кейзерлингу предписано было во что бы то ни стало приобрѣсти на нашу сторону примаса; Екатерина разрѣшала употребить на это до 100.000 р. ¹⁾; не знаемъ, можетъ быть и не деньгами, но примаса на русскую сторону привлекли; из-

¹⁾ Сборникъ, т. II, 17.

слѣдователь, изучившій подлинный неизданный дневникъ тогдашняго примаса, гр. Лубенскаго, вынесъ впечатлѣніе, что примасъ былъ человѣкъ неподкупный, но крайне суетный, котораго было легко привлечь на свою сторону, если льстить этой его слабости ¹⁾; преемникъ Лубенскаго, Подосскій, постоянно получалъ отъ русскаго правительства по 1000 червонцевъ въ мѣсяць ²⁾. Въ то же время готовили въ Петербургѣ обстоятельную инструкцію для гр. Кейзерлинга и кн. Репнина, которая и была подписана 11-го ноября; въ промежутокъ времени до этого Екатерина написала нѣсколько писемъ Кейзерлингу въ отвѣтъ на его сообщенія о ходѣ дѣлъ въ Польшѣ; письма эти, впрочемъ, не представляютъ особаго интереса, кромѣ одного, отъ 27-го октября: въ этомъ письмѣ императрица говоритъ, что вполне раздѣляетъ мнѣніе посла о невозможности для Россіи допускать отъ мѣну *liberum veto* и вообще какія-либо измѣненія въ государственномъ устройствѣ Польша и военной ея организаціи ³⁾. Письмо это важно въ томъ отношеніи, что имъ исправляется изложеніе Фридриха II, который въ одномъ изъ своихъ сочиненій говоритъ, что это онъ именно обратилъ вниманіе русскаго правительства, предъ самымъ избраніемъ Попятовскаго, на важность для сосѣдей Польша сохранить существовавшее въ Польшѣ государственное устройство ⁴⁾; приведенное нами письмо доказываетъ, что Екатерина имѣла на этотъ счетъ вполне опредѣленный взглядъ еще за годъ до избранія Попятовскаго и тогда же дала соотвѣтствующія наставленія Кейзерлингу ⁵⁾.

27-го октября коллегія иностранныхъ дѣлъ получила слѣдующій указъ: „Указъ нашему тайному дѣйствительному совѣтнику Никитѣ Панину. По теперешнимъ не безтруднымъ обстоятельствамъ разсудили мы за благо во время отсутствія нашего канцлера препоручить вамъ исправленіе и производство всѣхъ по Иностранной Коллегіи дѣлъ, чего ради и повелѣваемъ вамъ, до возвращенія канцлера, присутствовать въ оной Коллегіи старшимъ членомъ, поколику дозволяютъ Вамъ

¹⁾ *Askenazy*, 37—38.

²⁾ Донесенія Волконскаго, отъ 19-го (30-го) апрѣля 1771 г.—Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Сношенія съ Польшою. III, 1771, связка 29.

³⁾ *Сборникъ*, т. II, 52—54, 65.

⁴⁾ *Mémoires de 1763—1765*, 14.

⁵⁾ Соловьевъ, довѣря показанію Фридриха, впадаетъ въ ошибку и принимаетъ отказъ въ допущеніи преобразованій въ Польшѣ преимущественно вліянію Фридриха—книга VI, 64.

другія ваши должности“¹⁾). Съ этого времени Н. И. Панинъ является уже и de jure руководителемъ иностранной политики Россіи; не нося званія канцлера, онъ подписывался всегда выше вице-канцлера кн. А. М. Голицына²⁾); возвращеніе же канцлера гр. М. И. Воронцова не состоялось: въ сентябрѣ 1764 г. на предложеніе его возвратиться ранѣе истеченія двухъ-лѣтняго его отпуска, такъ какъ здоровье его поправилось, Екатерина посовѣтовала ему для полного возстановленія силъ воспользоваться всѣмъ отпускомъ³⁾); послѣ этого гр. Воронцовъ вернулся уже прямо въ отставку. Моментъ призванія Панина къ официальному руководительству русскою иностранною политикою еще разъ подтверждаетъ высказанное уже нами выше мнѣніе объ истинномъ характерѣ взаимныхъ отношеній его и императрицы; въ такую минуту столь высокое назначеніе могло выпасть, конечно, на долю только того человѣка, которому Екатерина исполнѣ довѣряла; не только вредно въ государственномъ смыслѣ, но и крайне неудобно лично для императрицы было бы имѣть въ такое время дѣло съ человѣкомъ, не только не пользующимся безусловно ея довѣріемъ, но даже просто съ человѣкомъ, уму и талантамъ котораго она не вѣрила бы въ самой высокой степени.

Наконецъ готова была и инструкція гр. Кейзерлингу и кн. Репнину.

Въ этомъ документѣ прежде всего указано на важность наступившаго момента. „Опорожненный польскій престолъ, — такъ начинается инструкція, — и избраше на него новаго короля есть случай наиважнѣйшій существительнаго интереса нашей имперіи,

¹⁾ *Сборникъ*, т. LI, 67. Въ *Сборникѣ* указъ этотъ помѣченъ 27-го октября ст. ст.; по сообщенію *Курда ф.-Шлецера*—Friedrich der Grosse und Katharina II, 150, 27-го октября (7-го ноября н. ст.) послѣдовало объявленіе дипломатическому корпусу отъ вице-канцлера кн. Голицына о томъ, что Панину поручается завѣдываніе иностранными дѣлами, а указъ вышелъ черезъ 8 дней.

²⁾ Кажется, отношенія Панина и вице-канцлера опредѣлялись такъ, что Панинъ управлялъ русскою иностранною политикою, а Голицынъ—Коллегією иностранныхъ дѣлъ; но крайней мѣрѣ, мы никогда не видимъ, чтобы Панинъ занимался вопросами ея внутреннихъ порядковъ, а участіе Голицына въ вопросахъ политическіхъ ограничивается участіемъ его въ обсужденіи дѣлъ, касавшихся кабардинцевъ и китайцевъ, но за то онъ, напротивъ, докладывалъ императрицѣ, что въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ не было въ известную минуту денегъ, ему императрица предписывала потребовать счетовъ отъ Марудди въ Венеціи и т. н. См. *Сборникъ*, т. XCVII, 258, 374 и др.

³⁾ *Сборникъ*, т. II, 489.

въ разсужденіи какъ безопасности ея границъ, такъ и наипаче еще ея особливыхъ выгодъ для знатнаго участія въ политической системѣ всей Европы и въ ея генеральныхъ дѣлахъ“, и потому Кейзерлингу и Репнину поручается, по словамъ инструкціи, „наиважнѣйшая часть интересовъ русской политики“. Далѣе посламъ повторяется предписаніе, чтобы они добились признанія отъ Польши императорскаго титула русскихъ государей, утвержденія Бирона въ достоинствѣ герцога курляндскаго, уступокъ диссидентамъ, уничтоженія пограничныхъ неурядицъ. Это требованія, извѣстныя намъ и по прежнимъ подобнымъ документамъ; но и въ изложеніи ихъ эта инструкціи обстоятельнѣе и рѣшительнѣе прежнихъ; такъ, тутъ именно находятся замѣчательныя слова, что „польза имперіи“ требуетъ имѣть въ Курляндіи „владѣтеля, отдѣленнаго отъ дома польскихъ королей и намъ однимъ обязаннаго“, а также разсужденіе, что до сихъ поръ не удавалось добиться со стороны Польши достаточнаго вниманія къ русскимъ требованіямъ потому, что съ русско-польскими отношеніями смѣшивались вопросы объ отношеніяхъ Россіи къ королю польскому, какъ курфирсту саксонскому, изъ чего и выводится заключеніе, что Россія выгоднѣе, чтобы Польша имѣла короля не изъ какого-нибудь иностраннаго дома, такъ какъ „тогда Россія можетъ свободнѣе свои интересы производить въ дѣйство, равно средствомъ дружбы, какъ и средствомъ силъ своихъ“; поэтому заявляется твердая воля, чтобы на престолъ былъ возведенъ полякъ, а равно — чтобы не были допущены отиѣна *liberum veto* и прибавка войскъ. „Мы опредѣлили,—читаемъ въ инструкціи,—непоколебимо рѣшительное наше намѣреніе въ избраніи нынѣ въ Польшѣ короля пята, намъ угоднаго и интересамъ имперіи полезнаго, словомъ такого, который-бы кромѣ насъ ни откуда никакой надежды къ достиженію сего достоинства имѣть не могъ. Въ стольникѣ литовскомъ графѣ Станиславѣ Понятовскомъ¹⁾ мы находимъ предпочтительнѣе всѣмъ другимъ знатнымъ полякамъ сіи качества намъ угодныя и для того твердо хотимъ возвести его на престолъ“. Кандидату Россіи должно было быть сообщено это рѣшеніе и твердая рѣшимость добиться успѣха, хотя-бы употребляя „въ самомъ дѣлѣ и всѣ намъ отъ Бога дарованныя силы“. Но за этимъ, конечно, весьма пріятнымъ обѣщаніемъ слѣдовали ужасныя условія, которыя должны были обратить на себя все вниманіе всякаго, сколько-

¹⁾ Слова послѣ точки вписаны собственноручно императрицею.

нибудь серьезнаго ума, и раскрыть ему и истинныя цѣли русской политики и ту жалкую роль, которая предназначалась для поляка, рѣшавшагося стать орудіемъ этой политики; но ни Понятовскій, ни даже Чарторижскіе не придали заявленіямъ русскаго правительства того значенія, какое они имѣли, они не поняли, или не хотѣли понять ихъ истиннаго смысла, вступили въ союзъ съ силою, преслѣдовавшею ужасныя для всякаго поляка цѣли, — и этимъ обрекли себя на тяжелое, даже на унижительное положеніе и дали наложить на дѣла Польши свою твердую руку людямъ, въ которыхъ они не разглядѣли своихъ опаснѣйшихъ въ ту минуту враговъ. Вотъ что долженъ былъ услышать кандидатъ на польскую корону, выставленный Россіею: такъ какъ онъ получитъ престолъ лишь благодаря Россіи и ея силамъ, то „требуется самая его честность и благодарность, чтобы онъ наши справедливыя интересы и притязанія, о которыхъ подробно выше вамъ отъ насъ изъяснено, взялъ искренно на сердце, яко самое основаніе безопасности, мира, сосѣдственной дружбы и добраго согласія между польскою республикой и нашею имперіей и насъ бы теперь точно обнадежилъ въ первый знакъ соотвѣтствія нашимъ благодѣяніямъ, что онъ по повышеніи на престолъ стараться будетъ, дабы всѣ между нами и Польшею пограничныя дѣла по справедливости и къ нашему собственному удовольствію окончились, какъ и во все время своего государствованія интересы нашей имперіи собственными своими почитать, ихъ остерегать и имъ всѣми силами по возможности поспѣшествовать будетъ, пелицемѣрною и непремѣнною сохранить къ намъ преданность и во всякомъ случаѣ наши справедливыя намѣренія подкрѣплять не отречется“. Вотъ откровенное, скажемъ—страшно откровенное—изложеніе цѣлей русской политики; и Понятовскій, и Чарторижскіе знали эти цѣли и тѣмъ не менѣе вступили съ Россіей въ соглашеніе. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что эти требованія были имъ дѣйствительно сообщены; помимо того, что невозможно допустить со стороны пословъ неисполненіе высочайшей воли въ такомъ важномъ пунктѣ, и впоследствии ни разу не встрѣчаемъ со стороны поляковъ жалобъ или упрековъ, что имъ предъявляютъ требованія, о которыхъ прежде не было рѣчи; къ тому-же въ дипломатическихъ кругахъ Варшавы въ общемъ русскія требованія были извѣстны¹⁾. И въ согласіи, хотя-бы молчаливомъ, наиболѣе вліятельной въ Польшѣ партіи на такія требованія—

¹⁾ См. *Rauter*, *Beitrage*, III, 315. 317.

неотвратимый и ужасный приговоръ всему дальнѣйшему существованію польскаго государства. Во главѣ его долженъ былъ стать человекъ, который, увлекаясь блескомъ короны, мечталъ, что императрица всероссійская дѣлаетъ его польскимъ королемъ, чтобъ выйти за него замужъ, который думалъ, что имѣетъ право передъ своимъ народомъ добиваться для него выгодъ; принимая на себя положеніе супруга монархини могущественнѣйшаго государства¹⁾, и не видѣлъ въ этомъ величайшаго оскорбленія достоинству своего народа! Наибольше сильная партія въ странѣ вступаетъ въ тѣсныя, ближайшія сношенія съ могущественнымъ сосѣдомъ, извѣстнымъ соперникомъ ихъ отечества, сосѣдомъ, который предъявляетъ такія притязанія; почти никто не стыдится выпрашивать у другихъ правительствъ себѣ денежные подачки — и почти никто не считаетъ себя обязаннымъ исполнить данныя за эти деньги обѣщанія²⁾ — все это ясно свидѣтельствовало, что государство польское быстрыми шагами идетъ къ своей конечной гибели. Когда въ государствѣ, съ такимъ ужасующимъ количествомъ глубоко вѣдрившихся недостатковъ, опредѣляются двѣ партіи³⁾, изъ которыхъ одна борется противъ всякаго посторонняго вмѣшательства — но съ тѣмъ, чтобы сохранить безъ малѣйшихъ измѣненій весь, явно непригодный для дальнѣйшаго развитія, государственный организмъ, а другая — думаетъ объ исправленіи внутреннихъ недостатковъ, но находятъ, что достигнуть этого можно лишь силами другаго государства⁴⁾, хотя бы и имѣющаго къ ихъ отечеству притязанія, подобныя вышеуказаннымъ — такое государство не можетъ болѣе существовать...

Насколько серьезно думали въ Петербургѣ о тѣхъ выгодахъ, какія рассчитывали получить отъ возведенія на польскій тронъ русскаго кандидата — всего лучше видно изъ слѣдующаго: когда уже

¹⁾ *Mémoires secrets et inédits...* 37—38, 40.

²⁾ *Beor*, Die erste Theilung Polens, I, 254: Man schämte sich nicht, bei den auswärtigen Mächte num Gold zu betteln, betrachtete es aber als eine Schande für den Adeln, sich den Anordnungen eines Fremden zu fügen⁴.

³⁾ Ср. *Rauter*, Polens Untergang, 17—18.

⁴⁾ Насъ, конечно, болѣе всего интересуютъ подобныя расчеты Польшы на Россію, и выше мы отмѣтили попытки Чарторижскихъ въ этомъ направленіи. Понятовскій со своей стороны еще до избранія вступалъ въ переговоры съ Генингомъ, тайнымъ агентомъ Франціи въ Варшавѣ, излагая ему свои планы провести реформы въ Польшѣ при содѣйствіи Франціи; секретная корреспонденція Людовика XV нѣкоторое время занималась этимъ вопросомъ, но затѣмъ онъ былъ совершенно оставленъ — *Askenasy*, Die letzte polnische Königswahl, 35.

кандидатура Понятовскаго была объявлена, русскіе послы должны были самымъ настойчивымъ образомъ увѣрять при разныхъ европейскихъ дворахъ, что „отнюдь не для того рекомендуемъ мы къ королю графа Понятовскаго, чтобы возвышеніемъ его для интересовъ имперіи нашей пользоваться“¹⁾). Въ инструкціи-же не ограничились только указанными выше соображеніями по вопросу объ избраніи короля: посламъ поручено было стремиться къ созданію удобнаго пути для русскаго вмѣшательства вообще въ польскія дѣла: по словамъ, инструкціи гр. Койзорлингъ и кн. Репнинъ могли заслужить „верхъ славы и монаршей милости“, если успѣли-бы довести „чтобы сеймомъ ото всей республики мы были прошены о торжественной гарантіи на всегдашнее время фундаментальной конституціи ихъ вольности“, а также, чтобы императрицѣ представлено было отъ магнатовъ „формальное прошеніе о дозволеніи имъ нашего покровительства въ свободномъ и полномъ выборѣ короля, а особливо въ недопущеніи, дабы оный отъ кого-либо препятствованъ или нарушенъ быть могъ, черезъ что — прямо сказано въ инструкціи — кромѣ собственныхъ нашихъ интересовъ, получимъ мы и нѣкоторое право принять прямымъ образомъ всякое, намъ угодное, участіе въ семъ для насъ важномъ дѣлѣ“. Заключается инструкція весьма знаменательною угрозою, вся серьезность и важность которой видна изъ того, что сообщена она посламъ съ предписаніемъ содержать ее „въ наиболѣе глубокомъ секретѣ“, „единственно для ихъ собственнаго свѣдѣнія“, а не для того, чтобы дѣлать изъ нея дипломатическое употребленіе: изъ этого несомнѣнно, что въ ней высказана дѣйствительная цѣль Россіи, а не дается только способъ для воздѣйствія въ желательномъ смыслѣ; угроза-же эта состояла въ томъ, что если ходъ дѣла заставитъ Россію обратиться къ силѣ и нести военныя издержки, то уже нельзя будетъ „удовольствоваться собственнымъ интересомъ имперіи предписанными въ предыдущихъ статьяхъ кондиціями“, то-есть обѣщаніями короля заботиться о выгодахъ Россіи и пр., но *оружіе не будетъ положено „покаместъ не присоединимъ онымъ къ имперіи всю польскую Лифляндію“*. Это замѣчательное выраженіе до сихъ поръ оставалось неизвѣстнымъ всѣмъ, пытавшимся разобратъся въ исторіи перваго польскаго раздѣла²⁾).

¹⁾ Сборникъ, т. LI, 454.

²⁾ Эта замѣчательная инструкція напечатана въ Сборникъ, т. LI, 92—101; на документѣ помѣта вице-канцлера, гласящая, что инструкція эта за подписав-

И Панинъ твердо преслѣдовалъ во всей своей дальнѣйшей дѣятельности цѣли, высказанныя въ этой замѣчательной инструкціи. Какъ онъ оцѣнивалъ важность для Россіи польскихъ отношеній, отлично видно изъ его замѣтки на одномъ донесеніи князя Д. М. Голицына изъ Вѣны о томъ, что князь Кауницъ доказываетъ равную важность польскихъ дѣлъ для Австріи и Россіи. Панинъ написалъ: „Князь Кауницъ суетно поставяетъ свои интересы равными съ нашими въ разсужденіи Польши. Нѣтъ политика, который бы не зналъ великой разницы: мы потеряемъ треть своихъ силъ и выгодъ, если Польша будетъ не въ нашей зависимости“¹⁾. Въ своей дальнѣйшей перепискѣ онъ не разъ снова заговаривалъ о важности для Россіи наступившихъ обстоятельствъ, о твердой рѣшимости добиться для Россіи преобладающаго значенія въ Польшѣ и сохранить безъ измѣненія внутреннее устройство Польши; онъ говоритъ о томъ, какъ важно „утвердить себѣ новое право инфлюенціи въ правительствѣ польскомъ“ и „свободу участвовать во всеѣхъ польскихъ дѣлахъ столько, сколько намъ самимъ когда угодно быть можетъ“; достигнуть въ этихъ пунктахъ желаннаго Роннинъ окажетъ, по словамъ Панина, императрицѣ и отечеству такую услугу, которая „пока Россійской Имперіи бытіе останется, всегда важною пребудетъ“;²⁾ въ одномъ письмѣ Панинъ снова говоритъ о намѣреніи силами и значеніемъ короля пользоваться въ видахъ Россіи: „какая намъ польза въ королѣ, который бы всего

ніемъ Ея Императорскаго Величества послана 11-го ноября, „а датумъ изъ оной инструкціи поставленъ „6“ того-же ноября“. Соловьевъ зналъ эту инструкцію (кн. V, 1502—1503), но принужденный пользоваться ею въ массѣ другаго рукописнаго матеріала, не придавалъ ей такого важнаго значенія, какое она, намъ кажется, имѣетъ; *Костомаровъ*, — Последние годы Речи Посполитой — не упоминаетъ о ней. *Вест*, — Die erste Theilung Polens, I, 130, 134, совершенно справедливо замѣчаетъ: „Aus diesem Schriftstücke weht uns ein realistischer, rücksichtloser Geist entgegen... Nicht bloß in den Hauptfragen klar und verständlich liess sie auch die Nebensachen nicht ausser Acht“; вообще Беръ отдаетъ должную справедливость простой, опредѣленной и практичной политикѣ Панина, которую конечно безъ всякаго другаго основанія, кромѣ развѣ недостаточнаго знакомства съ нею, проф. Ф. Ф. Мартенсъ называетъ доктринерскою. Странно, что Ашкенази, вообще склонный спорѣе особенно выдвигать значеніе Панина, въ ущербъ значенію личнаго участія въ политикѣ императрицы, также не посвятилъ этой инструкціи всего вниманія, какое она заслуживаетъ; онъ не замѣтилъ и послѣдней угрозы — отнять у Польши нѣкоторыя земли—ср. Die letzte polnische Königswahl, 1, 50, 51, 53—55.

¹⁾ *Соловьевъ*, кн. V, 1517.

²⁾ *Сборникъ*, т. LXVII, 303, 389, 397, 417 и др.

лишенъ былъ?"; въ примѣчаніи на одно донесеніе Репнина Панинъ написалъ: „когда мы являемся признанными республикою ея помощниками и покровителями, то всѣ наши дѣла обращаются ей одной въ одолженіе, а намъ остается справедливость требовать впродъ отъ нея всякихъ знаковъ признанія въ будущихъ распоряженіяхъ границъ и бѣглыхъ“. Подобныя заявленія, неоднократно повторенныя въ интимной перепискѣ русскихъ дѣятелей, конечно, не мѣшали въ то же самое время совершенно категорически утверждать предъ другими дворами сначала—что выборъ Россіи не рѣшенъ, а затѣмъ—что кандидатуру Понятовскаго Россія поддерживаетъ единственно въ виду замѣчательныхъ личныхъ качествъ его, а вовсе не съ цѣлью добиться чего-либо въ свою пользу ¹⁾).

Таковыми видами руководствовались тѣ, кто направлялъ русскую политику, посылая представителей Россіи въ Варшаву съ такими инструкціями, съ полумилліономъ почти денегъ ²⁾, съ двадцатью подписанными заранѣе императрицею чистыми бланкетами, окруженныхъ царскою пышностью ³⁾, наконецъ съ заготовленными уже по границамъ войсками и военными снарядами ⁴⁾. Далѣе мы рассмотримъ, что и какъ дѣлали они въ Польшѣ, преслѣдуя указанныя имъ цѣли; теперь же мы нѣсколько остановимся и рассмотримъ, въ какія отношенія стала Россія къ Пруссіи и отчасти къ Австріи, потому что съ момента энергическаго участія въ польскихъ дѣлахъ съ этими по-

¹⁾ *Сборникъ*, т. LI, 183, 207, 283, 318, 319, 357, 422, 454 и др.

²⁾ *Сборникъ*, т. LI, 150.

³⁾ На время междоцарствія Кейзерлингу было назначено на столъ, прибавку къ его посольскому жалованью—2.000 р. въ мѣсяцъ, и Репнину—1.000 руб. въ мѣсяцъ.

⁴⁾ Точными документальными данными вполне опровергаются такіе разказы русскихъ дѣйствій въ Польшѣ, какъ напримѣръ, слѣдующія слова Понятовскаго: „Lorsque nous croyions être sur le point de mettre la dernière main à l'ouvrage de notre confédération, il se fut un changement en Russie, qui arrêta notre entreprise. Panin... se montra jaloux des ordres, qu'elle donnait directement à Kayserling par rapport à nous. Il fit des remontrances rigoureuses à l'impératrice contre ce, qu'elle méditait en Pologne“ и т. д.—*Mémoires secrets et inédits*, 84. Мы знаемъ, что ничего подобнаго не происходило: всѣ дальнѣйшія дѣйствія русской политики въ Польшѣ стоятъ въ полномъ согласіи съ вышеуказанными идеями, какія высказалъ Панинъ при самомъ же началѣ дѣятельнаго участія Россіи въ дѣлахъ Польши, помимо того уже, что хронологически повѣствованіе Понятовскаго не вѣрно: Панинъ и официально получилъ значеніе руководителя непосредственно послѣ извѣстій о смерти Августа III. Но разказы, подобные разказу Понятовскаго, всегда имѣютъ какую-то особенную привлекательность для большинства читателей.

слѣдними преимущественно опредѣлялись отношенія Россіи къ другимъ государствамъ.

II.

На почвѣ дѣлъ польскихъ произошло и окончательное сближеніе Россіи и Пруссіи. Еще въ началѣ декабря 1762 года вице-канцлеръ въ разговорѣ съ англійскимъ посломъ высказался, что надо остерегаться, какъ бы, въ случаѣ смерти короля польскаго, прусскій король не соединился бы съ французами и не далъ съ нимъ Польшѣ короля, согласно своимъ интересамъ; избраніе короля польскаго, говорилъ онъ, очень важно для Россіи ¹⁾. Фридрихъ же со своей стороны сильно желалъ союза съ Россіей.

Когда Кейзерлингъ ѣхалъ изъ Аугсбурга въ Россію, въ Кенигсбергъ, въ іюнѣ 1762 г., одинъ изъ прусскихъ чиновниковъ, Домгардтъ, разсуждалъ съ нимъ, какъ выгодно было бы возстановить старинную дружбу между Россіей и Пруссіей; Кейзерлингъ отвѣчалъ, что король долженъ открыться на этотъ счетъ предъ русскимъ дворомъ черезъ довѣренное лицо; со своей стороны Кейзерлингъ какъ во время пребыванія своего въ Петербургѣ, до отъѣзда въ Варшаву, такъ и въ донесеніяхъ къ императрицѣ изъ Варшавы, говорилъ, что для достиженія цѣлей императрицы въ Польшѣ нѣтъ лучшаго средства, какъ тѣсная связь съ Пруссіей. Екатерина отвѣчала ему (3 января 1763 г.): „Ваши мысли мнѣ нравятся и я тѣмъ болѣе была бы рада придти къ соглашенію съ прусскимъ королемъ относительно скихъ дѣлъ, что такимъ образомъ этотъ король былъ бы вырванъ изъ рукъ Франціи;... я также очень желала бы, чтобы предложенія исходили отъ него“. Письмо это еще не успѣло дойти съ Варшавы какъ къ Кейзерлингу явился нѣкто баронъ Корфъ (8 января 1763 г.) съ письмомъ отъ Фридриха, отъ 27 декабря 1762 г., въ которомъ Фридрихъ писалъ, что, согласно заявленію Кейзерлинга Домгардту, онъ посылаетъ къ нему довѣренное лицо, съ выраженіемъ своей *rag-faute disposition pour seconder les vues salutaires de lui* (Кейзерлинга) *et bonnes dispositions d'entretenir au mieux cette heureuse intelligence qui régné actuellement entre S. M. l'Imperatrice et lui*“ (Фридрихомъ) ²⁾.

Совершенно ясно, что для новаго русскаго правительства прусскій союзъ представлялъ значительныя удобства. Мы видѣли при-

¹⁾ *Сборникъ*, т. XII, 64, 68.

²⁾ *Сборникъ*, т. XLVIII, 215, 249, 297, 308, 556.

чины, заставившія Панина отдаляться отъ вѣнскаго двора и отъ Франціи; мы видѣли, что Панинъ стремился вести самостоятельную политику, и естественнымъ ея объектомъ прежде всего могла сдѣлаться Польша, въ ней прежде всего могла Россія искать себѣ вліянія. Но ей приходилось тамъ неизбежно сталкиваться съ Австріей, которая была тѣсно связана съ домомъ царствующаго короля и родствомъ и союзомъ противъ Пруссіи; господствующую партію нельзя было тронуть, не расходясь съ Австріей, и установить свое вліяніе въ Польшѣ Россія могла только въ ущербъ Австріи. слѣдовательно, въ Польшѣ Россія никоимъ образомъ не могла разчитывать на содѣйствіе Австріи, непременно должна встрѣтить ея противодѣйствіе. Между тѣмъ Фридрихъ прусскій былъ во враждѣ со всею остальною Европою; онъ страстно желалъ хоть какъ-нибудь и хоть съ какой-нибудь стороны обезпечить себя отъ нападенія; именно этого онъ и искалъ отъ Россіи. И Россія вполнѣ могла встрѣтить его исканія благосклонно, могла даже разчитывать отчасти, что на этотъ разъ, вопреки всей своей предшествовавшей политикѣ, Фридрихъ исполнитъ свои союзническія обязательства, потому что изъ европейскихъ государствъ наибольшія основанія желать мира имѣетъ именно Фридрихъ, такъ какъ не могъ не чувствовать, что больше всѣхъ потерять можетъ онъ. потому что больше всѣхъ захватилъ, и страна его была совершенно истощена; онъ отлично помнилъ, какимъ счастливымъ случаемъ былъ спасенъ изъ очалннаго положенія, въ какомъ находился къ концу 1761 г. Въ Петербургѣ отлично понимали это „заботливое положеніе“ короля прусскаго и принимали его въ расчетъ при заключеніи съ нимъ союза. И дѣйствительно, во все время существованія прусскаго союза Россія Пруссіи не помогала дѣятельно, но имѣла случай пользоваться отъ нея субсидіями въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ.

Какъ мы сейчасъ видѣли, еще съ 1762 года въ Петербургѣ относились къ мысли о союзѣ Россіи съ Пруссіей довольно благосклонно; но Панинъ не пахотилъ нужнымъ торопиться съ заключеніемъ союза; онъ опасался, вѣроятно, что въ первое время новаго царствованія трудно будетъ получить союзъ выгодный; затѣмъ Пруссія приступила къ переговорамъ о мирѣ съ Австріей, причемъ Россіи не удалось принять участія въ замиреніи—этотъ моментъ, конечно, не былъ благопріятенъ для заключенія союза; Фридрихъ же такъ стремился получить хоть какой-нибудь союзъ, что началъ уси-

¹⁾ *Соловьевъ*, XXV, 315—316; XXVI, 88—89.

ленно добиваться союза съ Турціей¹⁾). Новый случай возобновить переговоры явился, когда Россія приступила къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ Польшѣ, поддержка которыхъ со стороны Пруссіи была, конечно, очень часто желательна; вмѣстѣ съ тѣмъ, отношенія Россіи къ иноземнымъ государствамъ установились такъ, что была полная надежда заключить союзъ по меньшей мѣрѣ равноправный.

Русское министерство въ іюлѣ 1763 года просило Фридриха не пропускать въ Польшу саксонскихъ войскъ, такъ какъ количество ихъ въ Польшѣ уже превышало то число, какое по закону могъ содержать тамъ король своихъ войскъ. Фридрихъ отвѣтилъ на это, что не имѣетъ никакого права слѣдить за соблюденіемъ со стороны короля польскаго его обязанностей по отношенію къ Речи Посполитой, потому что онъ не связанъ съ Польшею, подобно тому какъ связана императрица, никакимъ трактатомъ, и что онъ оказывать содѣйствіе видамъ императрицы можетъ лишь въ случаѣ, если бы она вступила съ нимъ въ какое-нибудь формальное соглашеніе. Между тѣмъ частная личная переписка Екатерины и Фридриха продолжалась, и они уже согласились дѣйствовать въ Польшѣ сообща при предстоявшемъ избраніи новаго короля. Когда Августъ III умеръ, Фридрихъ сдѣлалъ первый шагъ—онъ немедленно предписалъ своему представителю въ Варшавѣ, Бенуа, дѣйствовать насколько возможно согласно съ русскимъ посломъ. Но на приглашеніе поддерживать представленія Россіи болѣе дѣятельно, онъ отвѣчалъ совершенно основательно, что можетъ рѣшиться на это лишь послѣ формальнаго соглашенія съ Россіей. Онъ, быть можетъ, и преувеличивая опасность, во всякомъ случаѣ, однако, довольно правдоподобно указывалъ, что при первомъ его вмѣшательствѣ въ дѣла Польши, на него можетъ броситься Австрія, и онъ, естественно, желалъ имѣть хоть какое-нибудь обезпеченіе, что Россія его не оставитъ въ такомъ случаѣ одного противъ этого врага, чего Фридрихъ очень опасался; и онъ говорилъ, что при всемъ личномъ желаніи сдѣлать угодное императрицѣ, онъ не считаетъ себя въ правѣ для этого подвергать опасности спокойствіе и благосостояніе своихъ подданныхъ¹⁾).

Послѣ длинныхъ переговоровъ графа Сольмса съ Н. И. Панинымъ 31-го марта 1764 года подписанъ былъ союзный трактатъ на 8 лѣтъ, при немъ особая секретная конвенція изъ 8 пунктовъ, артикулъ сепаратный, артикулъ сепаратный секретнѣйшій и декларация о дис-

¹⁾ *Сборникъ*, т. XXII, 7, 15, 16, 83, 106, 121, 124, 127, 141, 150, 174—180, 189—195.

сидентахъ. Союзный трактатъ состоялъ изъ 14 статей несекретныхъ и 4 секретныхъ. Въ несекретныхъ статьяхъ высказано, что союзъ заключается въ видахъ сохраненія и поддержанія мира и гарантіи вѣдннй договаривающихся сторонъ; въ случаѣ если одна сторона подвергнется нападению, другая обязана оказать ей помощь корпусомъ въ 10.000 человекъ пѣхоты и 2.000 конницы; большая часть несекретныхъ статей посвящена опредѣленію порядка содержанія вспомогательнаго корпуса, его подчиненности, дѣлежъ добычи и т. д. Въ секретныхъ статьяхъ содержатся слѣдующія постановленія: если Россія подвергнется нападению со стороны Китая, Персіи или Турціи, а Пруссія на Рейнѣ, то вспомогательный корпусъ замѣняется субсидіею въ 400.000 рублей ежегодно въ теченіи войны; обѣ стороны обязуются поддерживать существующую форму правленія въ Швеціи и Польшѣ; Пруссія гарантируетъ Россіи голштинскія земли. Секретная конвенція вся посвящена дѣламъ Польши: во вступленіи говорится вообще о желаніи сохранить въ Польшѣ ея порядки; въ п. 1—о желаніи предоставить націи свободное избраніе паста; въ п. п. 2 и 3 король прусскій обѣщается содѣйствовать успѣху уже принятыхъ императрицею въ Польшѣ мѣръ и дать соотвѣтственныя наставленія своему министру въ Варшавѣ; далѣе договаривающіеся стороны обязуются заготовить необходимое количество войскъ, чтобы поддержать свои требованія, если не будетъ уважена декларация съ изложеніемъ ихъ желаній, которую они предварительно представятъ (п. 4, 5); въ п. п. 6, 7 и 8 постановляется, что, если декларация не подѣйствуетъ и возникнутъ междуусобія при избраніи короля, то и снимаетъ на себя потушить ихъ, императрица; король же прусскій долженъ только держать войско наготовѣ и употребить его въ дѣло, если какая-нибудь посторонняя держава вмѣшется въ дѣла Польши; въ артикулѣ сепаратномъ секретнѣйшемъ названъ кандидатъ на польскій престолъ, именно Станиславъ Понятовскій; декларация содержала заявленіе, что императрица и король прусскій будутъ поддерживать польскихъ двенадцать¹⁾.

Разсматривая союзный договоръ и конвенціи, очевидно составляющіе вмѣстѣ одно цѣлое, мы замѣчаемъ, что во 1) союзъ является не только оборонительнымъ, такъ какъ условлены въ немъ и нѣкоторыя активныя мѣропріятія; во 2)—онъ не отличается полною взаим-

¹⁾ Мартенсъ, VI, 5—37.

ностью: согласно секретнымъ его артикуламъ дѣйствовать въ Польшѣ должна была Россія; Пруссія обязывалась оказывать ей лишь косвенную поддержку, въ видѣ сосредоточенія корпуса войскъ, готоваго препятствовать вмѣшательству въ польскія дѣла другой державы, Но было бы совершенно невѣрно понять это такъ, что Фридрихъ успѣлъ заставить Россію вести все это трудное дѣло: изъ переписки Панина нельзя не убѣдиться, что именно Россія этого добивалась; Панинъ и Екатерина считали нужнымъ явиться главною дѣйствующею силою въ Польшѣ и дать Польшѣ короля, единственно Россіи обязаннаго своимъ избраніемъ; Панинъ говорилъ, какъ мы знаемъ, что интересы Россіи въ Польшѣ несравненно значительнѣе интересовъ тамъ всѣхъ другихъ государствъ и неоднократно указывалъ, какъ на выгодное для Россіи обстоятельство, что король прусскій предоставилъ намъ „первое мѣсто и свободныя руки“ въ Польшѣ и Панинъ въ перепискѣ своей не разъ высказывался, что именно себя, Россію, онъ считаетъ руководителемъ общихъ съ Пруссіею дѣлъ въ Польшѣ¹⁾; и по нашему мнѣнію, наиболѣе достоверные источники говорятъ намъ, что такъ и въ дѣйствительности было. За согласіе на это Россія и платила Фридриху столь цѣнною для него гарантіею ему его владѣній, въ томъ числѣ, значить, и недавно пріобрѣтенной имъ Силезіи. И документы переписки Панина, и нѣкоторые документы переписки Фридриха, прежде остававшіеся неизвѣстными, заставляютъ насъ раздѣлять то мнѣніе, котораго придерживаются Ранке, Беръ, и которое еще давно, въ началѣ столѣтія, высказано было Домомъ—что союзъ съ Россіей былъ заключенъ Фридрихомъ по необходимости, что онъ по необходимости его поддерживалъ и что Россія извлекла изъ него большія выгоды²⁾.

¹⁾ *Сборникъ*, т. LXXXVII, 13, 895.

²⁾ *Vogel*, Die orientalische Politik Oesterreichs, 22; *Ranke*, Sämmtliche Werke, Bl. 51—52, 388—389; *Dohm*, Denkwürdigkeiten meiner Zeit, IV, 256—260. *Г. Г. Мартенсъ* какъ-то колеблется; ему какъ-то странно кажется признать, что въ общемъ дѣлѣ съ Фридрихомъ, дарованія котораго онъ цѣнитъ необыкновенно высоко, не онъ, а Россія восторжествовала: „но если король прусскій, говоритъ онъ, воспользовался польскимъ дѣломъ для того, чтобы добиться союза съ Россіей, то съ другой стороны, императрица воспользовалась этимъ союзомъ для закрѣпленія Пруссіи въ интересамъ Россіи въ отношеніи Польши: императрица предложила подписать особую секретную конвенцію; Фридрихъ не могъ отказать подписать этотъ актъ“ и т. д. *Собраніе трактатовъ*, VI, 11, 34—35; мы не ясно понимаемъ такое положеніе, когда каждая изъ двухъ договаривающихся сторонъ другую принуждаетъ подчиниться своимъ настояніямъ; констатированіе

Съ заключеніемъ союза съ Пруссією, обезпечивъ себѣ согласіе державы, которая была главною соперницею Австріи, до тѣхъ поръ имѣвшей большое вліяніе въ Польшѣ, Екатерина и Панинъ начали энергически проводить свою политику вмѣшательства во внутреннія дѣла Польши, съ цѣлью достигнуть существенныхъ выгодъ для Россіи. Мы увидимъ далѣе, какъ достигала успѣховъ эта политика, конечно, эгоистическая, но простая, опредѣленная и твердая и не будемъ уже удивляться этимъ успѣхомъ, если взглянемъ на среду, на которую она дѣйствовала, и на силы, съ которыми ей приходилось бороться. Не станемъ здѣсь вдаваться въ разсужденіе о причинахъ того положенія, въ какомъ находилась тогда Польша, ни даже въ изображеніе ея; скажемъ только, что твердостью и деньгами въ Польшѣ оказывалось возможнымъ всегда провести что угодно; принятое рѣшеніе, вредное для народа, очель часто вызывало затѣмъ бурю непопулярій, было задерживасмо, парализуемо, — но новые щедрые расходы сламывали всегда всякую новую оппозицію и къ тому же средствами, узаконенными польскимъ государственнымъ устройствомъ¹⁾. Противодѣйствіе же со стороны Франціи и Австріи оказалось очень слабымъ и не систематичнымъ. Людовикъ XV со своею секретною политикою совершенно запутался въ отношеніяхъ къ Польшѣ. Въ 1762 г. онъ писалъ, что Польша есть главный объектъ его секретной переписки и ставилъ Престолю одною изъ главныхъ задачъ — устранить вмѣшательство Россіи въ ближайшіе выборы короля²⁾; но затѣмъ, мало по малу, отчасти подъ вліяніемъ трудностей борьбы съ энергическою

взаимныхъ уступокъ не всегда достаточно; надо иногда ихъ дѣлать. Соловьевъ, согласно своему воззрѣнію на роль Фридриха въ Петербургѣ, какъ на преобладающую, видитъ и въ союзномъ договорѣ усилѣхъ Фридриха, заставившаго Россію заключить союзъ, хотя въ Петербургѣ этого и не желали (XXV, 328); дѣйствительно, въ Петербургѣ не искали союза съ Пруссіей какъ какой-нибудь панацеи; но переписка Панина совершенно несомнѣнно доказываетъ, что на условіяхъ, опредѣляемыхъ въ Петербургѣ, противъ этого союза ничего не имѣли.

¹⁾ О внутреннемъ состояніи Польши много и очень убѣдительно говорятъ *Соловьевъ*, Исторія паденія Польши, 34, 149—155, *Костомаровъ*, Последніе годы Речи Посполитой, I, введенеіе, II—IV; *Мертманъ*, Geschichte des russischen Staates, V, 359—362, и донесенія Эссена—у Германа же, V, 576—584; *Раумеръ*, Beiträge, V, 549—552; См. еще *Сорель*, Европа и Французская революція, I, 400—403. Вообще недостатки польскаго внутренняго устройства, можно сказать—общее мѣсто для многихъ историческихъ трудовъ,—см. *Кармелъ*, Паденіе Польши въ исторической литературѣ.

²⁾ *Rambaud*, Recueil, IX, 214.

политикою Россіи, интересъ слабаго правительства Людовика XV къ Польшѣ сталъ ослабѣвать. Въ началѣ марта 1764 года, т. е. въ междуцарствіе, официальный представитель Франціи въ Варшавѣ, маркизь Польми, получилъ предписаніе сдѣлать предъ примасомъ декларацію, что король Франціи исполнитъ относительно Польши все, къ чему его обязываютъ справедливость, трактаты и взаимная дружба обонхъ государствъ и что если, противъ всякаго ожиданія, республика встрѣтитъ какія либо препятствія въ свободномъ пользованіи своими правами, онъ будетъ поддерживать Польшу всѣми силами ¹⁾). Слова „противъ всякаго ожиданія“ звучали очень странно, когда уже со стороны Россіи было объявлено очень твердо о рѣшеніи устранить всякаго иноземнаго кандидата; такъ, какъ говорилъ Людовикъ, можно было говорить только приготовившись дѣйствовать, на дѣлѣ поддержать и осуществить свои угрозы; между тѣмъ Франція не дѣлала ничего, что бы указывало на рѣшимость ея двинуться серьезно. Въ скоромъ времени, какъ увидимъ, Франціи и отошла совершенно отъ всякаго активнаго участія въ дѣлахъ Польши. Когда стало совершенно яснымъ преобладаніе въ ней Россіи и отчасти Пруссіи, въ Версали умѣли убѣдить себя софистическими соображеніями, что слабость Польши служитъ лучшею гарантіею, что между тремя ея сосѣдями—Россіей, Пруссіей и Австріей—никогда не состоятся никакого соглашенія или твердаго союза, опаснаго для вліянія Франціи въ Европѣ, потому что эти три сосѣда всегда будутъ сталкиваться между собою, претендуя каждый на преимущественное вліяніе въ Польшѣ ²⁾). Австрійскій министръ, князь Кауницъ-Ритбекъ, обнаружилъ въ отношеніи къ польскимъ дѣламъ странныя колебанія: занятый преимущественно своими страхами предъ Пруссіей, не забывши Силезіи, онъ строилъ планъ за планомъ, одинъ химеричнѣе другаго, принимая во вниманіе и Пруссію вообще, и вопросъ о Силезіи въ частности, и Россію, и Турцію, и союзъ свой съ Франціей; желая все это примирить и всегда, конечно, что нибудь тутъ для себя выиграть, онъ ни одного своего плана не проводилъ достаточно твердо и потому въ наступившія смуты не получилъ въ Польшѣ сколько нибудь замѣтнаго вліянія ³⁾). Изъ другихъ европейскихъ

¹⁾ *Rambaud*, Recueil, IX, 243; *Brogie*, Le secret du roi, II, 257—258.

²⁾ *Соловьевъ*, т. XXV, 393—338, XXVI, 84—87.

³⁾ *Beer*, Die erste Theilung Polens, I, 118, 125, 127, 130, 132, 151, 168, 169, 170, 180, 202. Въ сочиненіи *A. Wolf und Zwiedineck*, Oesterreich unter

правительство еще пожалуй римская курия имѣла поводъ вмѣшаться въ дѣла Польши, потому вопросъ о расширеніи правъ диссидентовъ могъ казаться покушеніемъ на господствующее положеніе католичества; но римская курия занята была въ это время движеніемъ противъ іезуитовъ, поднявшимся въ Испаніи и Франціи, да къ тому-же ловкимъ приемомъ на первомъ сеймѣ Россія достигла того, что папское правительство отвеслось къ кандидату Россія довольно безразлично ¹⁾).

Въ Польшѣ скоро обозначились партіи, имѣвшія кандидатовъ на престолъ. Прежде всего претендентомъ являлся старшій сынъ покойнаго короля новый курфирстъ саксонскій Христианъ - Фридрихъ, конечно, желавшій наследовать отцу и въ Польшѣ такъ же, какъ въ Саксоніи; самъ принцъ былъ слабый, болѣзненный человекъ съ апатичнымъ характеромъ и его приверженцы, саксонская партія, были руководимы его энергическою супругой, Маріей Антоніей, которая приняла на себя, можно сказать, вообще все веденіе дѣлъ съ тѣхъ поръ какъ вскорѣ послѣ смерти Августа, гр. Брюль, его главный министръ, удалился отъ управленія. Курфирстъ саксонскій пользовался особеннымъ сочувствіемъ двора вѣнскаго— по версальскому договору Австрія и Франція обязались взаимно возвести на польскій тронъ кого нибудь изъ саксонскихъ принцевъ. Австрія имѣла въ виду преимущественно его; кандидатами саксонской партіи являлись отчасти и два другіе сына покойнаго короля, принцы Ксаверій и Карлъ; изъ нихъ Ксаверію, генералу французской службы, наиболѣе благоволило французское правительство, а Карлъ, бывший герцогъ Курляндскій, пользовался наибольшими симпатіями въ Польшѣ ²⁾). Рядомъ съ саксонскою партіею стояла партія престарѣлаго гетмана кореннаго, гр. Браницкаго, который тоже мечталъ о коронѣ; вскорѣ между его партіею и партіею саксонскою

Maria Theresia, Joseph II und Leopold II, въ главѣ, посвященной характеристикѣ главнѣйшихъ дѣятелей этихъ трехъ царствонацій, князь Кауницъ характеризованъ такъ: „Kein Minister des XVIII Jahrhunderts hat so viel und so unermüdlich gearbeitet, als Kaunitz; man ist erstaunt über die Zahl, Gründlichkeit und Mannigfaltigkeit der Gutachten und Denkschriften, welche er Maria Theresia und Josef vorgelegt hat. Er zeigt sich darinn als ein klarer Denker, aber ebenso sehr als ein grosser Theoretiker; er liebte es, allgemeine Betrachtungen über die europäische Verhältnisse anzustellen, und seine Politik daraus zu berechnen. Nicht alles ist tief durchdacht und richtig—88; сужденіе авторовъ о степени и характерѣ участія Австріи въ польскихъ дѣлахъ слабо и необосновано—157.

¹⁾ *Askenazy*, Die letzte polnische Königswahl, 41, 125.

²⁾ *Askenazy*, 20—21.

состоялось соглашеніе, по которому обѣ партіи рѣшились дѣйствовать заодно, въ пользу принца саксонскаго, а если кандидатура его окажется безнадежною—то обѣ вмѣстѣ въ пользу Браницкаго. Серьезнѣйшими противниками этихъ партій являлись Чарторижскіе, со своими многочисленными приверженцами, въ числѣ которыхъ находился и племянникъ ихъ, графъ Станиславъ Понятовскій; возникла на короткое время химерическая кандидатура кн. Любомірскаго, не имѣвшаго никакой партіи, поговаривали о кандидатурѣ Лещинскаго, герцоговъ Брауншвейгскаго и Пармскаго ¹⁾; впоследствии Реннинъ замѣтилъ и сообщилъ Панину, что Адамъ Чарторижскій, повидимому, мечтаетъ о коронѣ для себя. Всѣ эти кандидаты, кромѣ кандидатуры саксонской партіи, не были, впрочемъ, кандидатами серьезными и почти не озабочивали русскаго правительства; сообщеніе Реннина о Чарторижскомъ повело только къ тому, что русскими представителями 27 іюля 1764 г. прямо былъ названъ приверженцамъ Россіи ея кандидатъ ²⁾ и послѣ этого князь Адамъ уже не выставилъ своей кандидатуры ³⁾. Такимъ образомъ Россіи приходилось бороться только съ

¹⁾ *Askenazy*, 43.

²⁾ Ашкенази говорятъ, что Кейзерлингъ былъ готовъ склониться на сторону князя Адама; Ашкенази не называетъ источника этого своего сужденія; мы готовы видѣть тутъ слѣшкомъ широкое толкованіе словъ Понятовскаго о разговорѣ съ нимъ Кейзерлинга — *Mémoires secrets*, 87—88, но по русскимъ источникамъ мы не знаемъ о подобномъ взглядѣ Кейзерлинга. Ашкенази продолжаетъ, 52 (см. еще 70—73); *Panin hingegen — und dieses Umstand verdient ganz besondere Beachtung—das durchaus dem Stolnik den Vorzug. Er hatte dazu die verschiedensten Gründe. Erstens machte er sich dadurch der Kaiserin ungenehm, die immerhin ein gewisser, wenn auch nicht zu überschätzendes, persönliches Interesse, eine gewisse Pique dieser Candidatur entgegenbrachte*, затѣмъ по словамъ Ашкенази, Панинъ, поддержкою Понятовскаго хотѣлъ досадить Орлову и т. д.; въ примѣчаніи Ашкенази говорятъ: *mit gewohntem Scharfblick hat dies Ruhlière, II, 68, 178 ff. erkannt...* и поясняетъ, что замѣчаніе Рюльера тѣмъ интереснѣе что въ немъ онъ столько же имѣлъ въ виду отношенія Шуазеля и Дюбарри, какъ Панина и Орлова (!?) — но въ нашихъ глазахъ именно это обстоятельство и имѣетъ замѣтку Рюльера уже всякаго значенія: мы не можемъ сомнѣваться, что Рюльеръ и вставилъ ее именно для того, чтобы сдѣлать намекъ на французское министерство, и вовсе не видимъ повода разыскивать такія же отношенія въ Петербургѣ.

³⁾ *Соловьевъ*, XXVI, 56, 62, 64; Ашкенази придаетъ повидимому какое то особое значеніе тому, что Реннинъ объявилъ кандидатуру Понятовскаго безъ прямого предписанія изъ Петербурга, и кажется видѣть въ этомъ эпизодъ нѣкакой то, по нашему мнѣнію не существовавшей, борьбы партій Кейзерлингъ — Чарторижскіе и Реннинъ—Понятовскій (70, 72—73); но во всякомъ случаѣ по-

партіями саксонской и Браницкаго. Курфирсть саксонскій и его супруга писали письма съ просьбою о содѣйствіи въ достиженіи польскаго трона Екатеринѣ, Фридриху, въ другіимъ дворамъ и ко многімъ польскимъ магнатамъ ¹⁾; Марія Антоія готова была предложить за поддержку притязаній ея мужа хотя-бы довольно значительную часть Польши, лишь бы получить остальное ²⁾. Изъ Петербурга на ея письмо послѣдовалъ холодный отвѣтъ; это не помѣшало саксонской партіи разглашать повсюду, что избраніе саксонскаго принца будетъ пріятно всѣмъ европейскимъ дворамъ ³⁾. Такъ какъ со смертью короля Августа нельзя было уже, по польскимъ законамъ, саксонскому дому держать въ Польшѣ даже и тотъ небольшой отрядъ собственныхъ войскъ — въ 1200 человекъ — какой разрѣшено было сеймовыми постановленіями держать послѣднему королю, то большая часть отряда этого была распущена; гетманъ Браницкій и нѣкоторые изъ Потоцкихъ немедленно приняли всѣхъ оставшихся саксонскія знамена на свою службу ⁴⁾.

6-го декабря (ст. ст.) 1768 г. умеръ новый курфирсть саксонскій

стиуовъ Репнина былъ встрѣченъ въ Петербургѣ съ полнымъ одобреніемъ. — *Сборникъ*, т. LI, 452, 473, 486. По словамъ Понятовскаго же Кейзерлингъ объявилъ его кандидатуру по прямому предписанію Панина, который рѣшился такъ приказать, хотя императрица колебалась — *Mémoires*, 40—42.

¹⁾ Письмо къ Екатеринѣ и отвѣтъ ей — *Сборникъ*, т. XXII, 184—187, письмо къ Фридриху — *Сборникъ*, т. XX, 175—176 и *Oeuvres*, XXIV, 47 о немъ см. выше; о письмахъ изъ Польшу — *Veber, die erste Theilung Polens*, I, 107—111 118—114, 117.

²⁾ *Aktenausz.*, 26, 30, пр.

³⁾ *Сборникъ*, т. LI, 52, 58.

⁴⁾ *Сборникъ* т. LI, 152. О партіяхъ въ Польшѣ см. вообще *Соловьевъ*, т. XXI, 315—317. Совершенно непонятныя неточности допускаетъ въ изложеніи этихъ вопросовъ *Костомаровъ*, *Послѣдніе годы Речи Посполитой*, I, 90: „По смерти Августа III, по поводу выбора новаго короля, въ Польшѣ возникли обычныя смуты. Двѣ партіи Чарторижскихъ и *Оливскихъ* (?) стали враждебно одна противъ другой (очевидно, слѣдовало сказать „Чарторижскихъ и *Браницкаго*“, Огинскій принадлежалъ къ партіи Чарторижскихъ — см. *Соловьевъ*, XXI, 308, *Нетомъ*, V, 368, наконецъ *Сборникъ*, т. XLVIII, 127, 132, 180, 355, 614, т. LI—развѣ). Обѣ заключили помощь у Россіи (?! совершенно невѣрно: противники Чарторижскихъ никогда у Россіи не заключили). Сильная партія Чарторижскихъ, во главѣ которой стояли два брата — канцлеръ Михаилъ и воевода русскій Августъ, отправила изъ Петербурга племянника по сестрѣ этихъ братьевъ, Станислава Понятовскаго“ (?? это послѣ смерти Августа ?!). Подобныя же неточности встрѣчаются, къ сожалѣнію, у Костомарова и далѣе — см. 95—97, 107.

послѣ него остался сынъ Фридрихъ Августъ, который, какъ малолѣтній — ему было всего 13 л. — не могъ уже являться кандидатомъ на польскую корону; кандидатура его дядей, Ксаверія и Карла, тоже вскорѣ сама собою пала, потому что они не имѣли достаточно средствъ, чтобы нести тѣ издержки, безъ которыхъ былъ совершенно невысмыслимъ какой либо успѣхъ въ Польшѣ. Серьезнымъ противникомъ русской партіи остался теперь Браицкій. Онъ, со своими главными сторонниками княземъ Радзивиломъ и графами Потоцкими, началъ теперь энергически дѣйствовать въ разныхъ концахъ Польши, чтобы обеспечить отправку на сеймъ преданныхъ ему депутатовъ. Эти могущественные магнаты, опираясь на войско, ими содержимое, — а одинъ Браицкій имѣлъ до 2000 солдатъ, тогда какъ во всей Польшѣ по законамъ было не болѣе 13000 чел., обыкновенное же число солдатъ не превышало 8000 ¹⁾) — начали въ воеводствахъ Кіевскомъ, Брацлавскомъ и на Волини разгонять сеймики, если находили, что составъ ихъ не соответствуетъ ихъ желаніямъ; князь Радзивиль въ Виленскомъ воеводствѣ разгонялъ каптурные суды и назначалъ въ нихъ новыхъ членовъ по своему произволу, между тѣмъ какъ значеніе этихъ судовъ было очень велико: они возникали на время междуцарствія, въ замѣну судебныхъ мѣстъ, существовавшихъ при королѣ; судьи, выбранные для присутствія въ нихъ, судили именемъ народа; при установившихся въ Польшѣ нравахъ эти суды являлись наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ производить давленіе въ пользу одной и противъ другой партіи ²⁾); Радзивиль произвелъ даже открытыя нападенія на членовъ противной партіи, между прочимъ, на перваго литовскаго сенатора, епископа виленскаго, князя Масальскаго ³⁾).

Первое время Екатерина думала вывести изъ Польши находившіеся тамъ русскіе отряды, о чемъ просилъ и преданный намъ примасъ; по законамъ польскимъ избраніе короля не могло состояться, пока въ страцѣ есть чужеземныя войска. Эти отряды рѣшено было удалить, если распущены будутъ саксонскія войска и отряды, принятые изъ ихъ состава на службу Браицкимъ и Потоцкими; но такъ какъ этого достигнуть Кейзерлингъ не успѣлъ, то и русскія войска остались въ Польшѣ. Но Екатерина и Панинъ не согласились

¹⁾ По самому широкому разчету республика не могла собрать болѣе 25000 — *Костомаровъ*, I, 15, 70; *Сборникъ*, т. LXVII, 101.

²⁾ *Beer*, Die erste Theilung, I, 106; *Herrmann*, V, 364.

³⁾ *Сборникъ*, т. LI, 240, 251.

на просьбы Чарторижскихъ, чтобы русскіе полки были распущены въ Польшѣ и затѣмъ поступили бы на службу къ нимъ, подобно тому, какъ это сдѣлано было съ саксонскими войсками; они находили, что неприлично намъ слѣдовать такому примѣру обхода законовъ, и что главное, русскія войска не бывають отдаваемы въ наемъ ¹⁾.

На частныхъ сеймикахъ между тѣмъ Чарторижскіе приобрѣли перевѣсъ приблизительно въ 45 голосовъ ²⁾; и было весьма вѣроятнымъ, что партія Чарторижскихъ провозгласить конфедерацію, о чемъ уже и заговорили послѣ нападенія Радзивила на князя Масальскаго; а такъ какъ во время конфедерацій дѣла на сеймахъ рѣшались уже не единогласно, а по большинству голосовъ, то становилось весьма вѣроятнымъ торжество кандидата Чарторижскихъ. Чтобы помѣшать этому партія Браницкаго рѣшила воспользоваться выборами пословъ на сеймъ отъ прусской провинціи. Дѣло въ томъ, что по закону число пословъ на сеймъ отъ Польской Пруссіи не было ограничено; при существованіи единогласія на сеймахъ это не имѣло существеннаго значенія; но если сеймъ долженъ былъ собраться при конфедераціи, то заботливо подобранный составъ прусскихъ депутатовъ могъ оказать существенное вліяніе на исходъ сейма. А такъ какъ въ Польской Пруссіи имѣлъ громадныя помѣстья Радзивиль, то партія Браницкаго и надѣялась отиправить отъ этой провинціи, надежныхъ депутатовъ въ такомъ количествѣ, что перевѣсъ, приобретенный Чарторижскими, будетъ вполне парализованъ. Выборы депутатовъ были заранѣе еще назначены на 16-ое марта 1768 г. въ Грауденцѣ; партія Браницкихъ привезла сюда множество преданныхъ

¹⁾ *Сборникъ*, т. II, 202; между тѣмъ Сольмсъ въ своихъ донесеніяхъ не разъ говоритъ о такой передачѣ русскихъ войскъ Чарторижскимъ какъ о дѣлѣ рѣшенномъ—*Сборникъ*, т. XXII, 210, 219—изъ этого примѣра еще разъ видно, какъ осторожно надо относиться къ сообщеніямъ иностранцевъ, когда они говорятъ о рѣшеніяхъ или намѣреніяхъ русскаго правительства.

²⁾ Мы принимаемъ цифру, даваемую Ашкенази, 76, который говоритъ, что взялъ цифру, сообщаемую Матушевичемъ, потому что съ этимъ показаніемъ сходятся свѣдѣнія, заключающіяся въ Дрезденскомъ архивѣ; такъ же изображаютъ результаты сеймиковъ свѣдѣнія, шедшія черезъ Сольмса, *Сборникъ* т. XXII, 204 250; см. *Соловьевъ*, XXVI, 56. Существуетъ однако и совершенно противоположныя указанія, говорящія о пораженіи партіи Чарторижскихъ—см. *Нергманн*, V, 364, 365; *Вестъ*, Die erste Theilung, I, 158 и др. Принимаемъ сообщеніе Ашкенази не только потому, что оно, повидимому, лучше обосновано, но и потому, что оно болѣе объясняетъ дальнѣйшіе поступки противной партіи.

ей лицъ и изъ другихъ воеводствъ, чтобы выставить ихъ кандидатами отъ прусской провинціи.

Въ Грауденцѣ давно уже стоялъ довольно значительный отрядъ русскихъ войскъ подъ предлогомъ охраны русскихъ магазиновъ—Браницкій, занимавшій мѣсто гетмана, давно еще имѣлъ неосторожность отказаться принять на себя отвѣтственность за цѣлость этихъ магазиновъ. 13-го марта командовавшій отрядомъ генералъ-маіоръ Хомутовъ вывелъ войска изъ города, чтобы не стѣснять свободы избранія; но немедленно начали окружать городъ отряды разныхъ магнатовъ, все сторонниковъ Браницкаго¹⁾; тогда Хомутовъ потребовалъ удаленія и этихъ войскъ и, получивъ отказъ, возвратился въ городъ со своимъ отрядомъ. Между поляками начались длинные споры и препирательства, взаимныя обвиненія въ нарушеніи законовъ страны, но, въ виду русскаго отряда, сторонники Браницкаго не рѣшились на открытое насиліе, сеймикъ былъ объявленъ не состоявшимся и разошелся, но избравъ пословъ.

Дѣйствуя противъ Россіи внутри страны, Браницкій искалъ поддержки и у другихъ державъ. Онъ послалъ въ Константинополь полковника Станкевича, который, при дѣятельной поддержкѣ французскаго посла Верження, старался возбудить Порту противъ Россіи; онъ внушалъ, что всякое вмѣшательство Россіи противузаконно, отвергая, что по нѣкоторымъ трактатамъ за Россіею до извѣстной степени признано право на вмѣшательство въ дѣла Польши; онъ утверждалъ, что Екатерина хочетъ выйти за Понятовскаго замужъ и соединить, такимъ образомъ, Россію и Польшу, что очень опасно для Турціи. Но Обрѣзковъ успѣшно возражалъ противъ этихъ внушеній. Онъ указывалъ, что если избраніе на престолъ поляка непріятно Австріи и Франціи, что было всѣмъ извѣстно, то именно потому, что Австрія желаетъ сохранить свое вліяніе въ Польшѣ и всегда имѣть въ ней союзника противъ Порты; что Австрія вообще противодействуетъ Россіи вслѣдствіе неудовольствія за то, что Россія оставила ея союзъ, а союзомъ съ Россіей Австрія дорожитъ именно для борьбы съ Турціей. Такія внушенія противъ Австріи дѣйствовали; Франціею же Порты была недовольна за сближеніе съ Австріей. Панинъ писалъ между прочимъ Обрѣзкову, что, конечно, желательно устроить наши

¹⁾ По русскимъ документамъ, вѣроятно, увеличивавшимъ число этихъ войскъ оно достигало 7000—*Сборникъ*, т. LI, 288; по другимъ, вѣроятно уменьшеннымъ, свѣдѣніямъ, число ихъ едва достигало 400 чех.—*Beet, die erste Theilung*, I, 158, 159.

дѣла въ Польшѣ помимо внимательства Турціи, но что рѣшено довести ихъ до конца во что бы то ни стало и разрѣшалъ Обрѣзкову даже угрожать Турціи, что если она будетъ противодействовать видамъ Россіи въ Польшѣ, то Россія снова соединится съ Австріею противъ Турціи ¹⁾).

Заступницею за саксонскую партію въ Петербургѣ явилась Австрія. Немедленно же послѣ смерти Августа III князь Кауницъ издалъ въ Варшавѣ декларацію по поводу предстоящаго избранія короля; но декларація эта была составлена такъ искусно, съ такими промахами противъ польскихъ законовъ и столь явно пристрастно въ пользу саксонскаго принца, что многіе поляки, не принадлежавшіе пока къ русской партіи, но недовольные Августомъ и особенно его всемогущимъ министромъ, гр. Брюлемъ, прямо примкнули къ сторонникамъ Чарторижскихъ ²⁾. Затѣмъ Кауницъ поручилъ австрійскому послу въ Петербургѣ кн. Лобковичу вступить съ русскими министрами въ объясненіе по поводу польскихъ дѣлъ; часть вопросовъ Лобковича изложена въ протоколѣ совѣщаній его съ Циннымъ и вице-канцлеромъ, часть была имъ продиктована, отвѣты даны были ему съ предварительнаго одобренія императрицы.

Кн. Лобковичъ сказалъ, что императрица-королева желаетъ вѣдать кому предпочтительно съ русской стороны прочтется корона польская, чтобы о томъ заблаговременно можно было согласиться; что деклараціи, сдѣланныя въ Варшавѣ русскимъ и прусскимъ послами объ исключеніи отъ избранія чужестранныхъ принцевъ, не согласуется съ увѣреніемъ, что республикѣ будетъ оставленъ вполне свободный выборъ, наконецъ, что, если Россія введетъ предъ избраніемъ короля въ Польшу войско, то и Австрія сдѣлаетъ то же, и что она вообще приметъ дѣятельное участіе въ событіяхъ, если увидитъ, что какая-либо держава хочетъ поставить въ Польшѣ короля противъ волиаго избранія націи. На это отвѣчали прежде всего указаніемъ, что ни одно правительство не можетъ отрицать, что „россійскій интересъ въ польской республикѣ въ срав-

¹⁾ *Сборникъ*, т. II, 141, 142, 227, 243, 320, 360, 429, 434 и др.; *Соловьевъ*, XXVI, 87—92; *Zinkeisen*, Geschichte des osmanischen Reiches, VI, 903—904; *Flassan*, Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française, VII, 82, 83. Замѣчательна эта угроза новымъ союзомъ съ Австріею противъ Турціи уже въ это время!

²⁾ *Beer*, Die erste Theilung, I, 118, 146—149.

неніи съ другими интересами гораздо болѣе и важнѣе“ и давали понять, что ждуть уступчивости со стороны Австрій: указывая, что „во многихъ прежде бывшихъ случаяхъ Россія уступала своимъ интересамъ и желаніями вездѣ, гдѣ она находила интересъ австрійскаго дома въ сравненіи своего важнѣе“, Панинъ высказывалъ надежду, что „такъ и вѣнскій дворъ, признавая здраво и справедливо разность важности между своего и російскаго интересовъ въ разсужденіи Польши, конечно, не захочетъ для какихъ-либо персональныхъ и временныхъ предилекцій положить камень претыканія по взаимнымъ дружескимъ отношеніямъ Россіи и Австрій“. Относительно будущаго короля ограничился повтореніемъ, что желаютъ короля пята, такъ какъ признаютъ вполнѣ доказательность соображеній въ пользу такого избранія, представленныхъ въ Петербургъ нѣкоторыми здравомыслящими поляками; что касается деклараціи, то указывали, что тамъ есть не „исключеніе“, а „совѣтъ исключить“, и поясняли: „исключать и совѣтывать исключеніе суть двѣ вещи совѣтмъ разныя; исключаетъ тотъ, кто въ томъ право имѣетъ, а совѣтовать каждому невозбранно“; на заявленіе, что Австрія введетъ свои войска и вообще не допуститъ являть Польшѣ короля, не избраннаго свободно, отвѣтили столь же прямымъ, даже болѣе твердымъ заявленіемъ, что русскій дворъ тоже, „согласуясь вѣнскому“, не допуститъ никакую постороннюю державу „противъ польнаго и свободнаго избранія дѣлать короля въ Польшѣ“, и прибавили еще оговорку, что Россія сумѣетъ сдѣлать различіе между дѣйствительно желаніемъ польскаго народа и желаніемъ какой-нибудь одной партіи, „которая всегда жертвуя, всѣ права и законы своего отечества собственному самоволію, на все поступить готова“. На второй конференціи Лобковичъ продиктовалъ свои вопросы и заявленія. Онъ напоминалъ, что императрица-королева согласна подкрѣплять избраніе только такого пята, котораго пожелаютъ сами поляки, но прежнему возражалъ противъ исключенія кого бы то ни было отъ избранія и затѣмъ спрашивалъ: „если вольное избраніе падетъ на одного изъ саксонскихъ принцевъ, то изволитъ ли ея императорское величество тѣмъ довольна быть или не станетъ ли со своей стороны противиться, и что хотя бы вѣнскій дворъ и охотно видѣлъ такое въ пользу саксонскаго долга вольное избраніе, однако не намѣренъ подкрѣплять его силою, въ надеждѣ, что и ея императорское величество своего кандидата силою подкрѣплять не будетъ“. На это отвѣчали, что при искреннемъ желаніи сохранить вольность избранія короля, „никто зазреть не можетъ російскому двору, когда

онъ непріятелямъ и несклоннымъ къ имперіи препятствуетъ, а друзей и благонамѣренныхъ подкрѣпляетъ, особенно, если при томъ того требуетъ сохраненіе внутренней тишины и конституціи сосѣдственной націи“; на вопросѣ о принцѣ саксонскаго дома Панинъ очень искусно ловилъ Кауница, отвѣчалъ, что изъ этого условнаго предложенія какъ бы выходитъ, что вѣнскій дворъ уже опредѣлилъ своего кандидата изъ дома саксонскаго и говорилъ, что императрица „еще себѣ дозволить не можетъ вѣрить этому“, такъ какъ такое рѣшеніе шло бы слишкомъ въ разрѣзъ съ условленными уже принципами; вмѣстѣ съ тѣмъ Панинъ распространялся о слабости саксонской партіи, говоря, что „колобродный Радзивицъ“, главное въ ней лицо, скорѣе всѣхъ отвращаетъ, чѣмъ привлекаетъ, своимъ поведеніемъ, а Браницкій—конечно, думаетъ о коронѣ для себя, а не для саксонскаго принца. Лобковичъ заключалъ свое сообщеніе призывомъ соблюдать волю избранія, повидимому желая намекнуть, что Россія ее нарушаетъ.— ему отвѣчали, что императрица именно этого и желаетъ, и ждетъ, что австрійскому послу въ Варшавѣ будетъ предписано „откровенно въ томъ содѣйствовать съ здѣшними тамъ министрами“¹⁾.

Несомнѣнно, что Кауницъ думалъ поставить своими вопросами русскую дипломатію въ неловкое положеніе, заставить высказаться, вызвать на какія-нибудь заявленія, которыя бы ее стѣснили; но Панинъ съ обычнымъ своимъ искусствомъ сумѣлъ избѣжать ловушки, отлично отпарировалъ всѣ скрытые удары и, ничѣмъ не связавши себѣ рукъ, не высказавши ничего лишняго, онъ еще нашелъ возможность сдѣлать австрійской дипломатіи нѣсколько неловкихъ для нея упрековъ и дать почувствовать, что рѣшенія Россіи тверды, что она ждетъ уступчивости отъ Австріи, а сама ни въ какомъ случаѣ не уступитъ. Повѣденіе въ этомъ случаѣ стоитъ въ полномъ согла-

¹⁾ Отвѣты Лобковичу, сообщенные съ высочайшей апробаціи 26-го марта 1764 г.—*Сборникъ*, т. LI, 234—238; конференціи, на которыхъ сдѣлали свои заявленія австрійскій посолъ, происходили 29-го января и 8-го февраля—*Солымсъ*, XXVI, 81—82. Солымсъ въ депешѣ отъ 6-го февраля 1764 г. сообщаетъ о конференціи Панина съ Лобковичемъ, бывшей 4-го февраля; отвѣтъ, полагаемый Солымсомъ въ уста Панина, совершенно вѣрно передаетъ смыслъ сказаннаго Панинымъ австрійскому послу, но значительно болѣе рѣшителенъ, пожалуй даже рѣзокъ; быть можетъ, разговаривая предварительно съ Солымсомъ, Панинъ сообщалъ ему, что онъ отвѣтитъ, но при этомъ не былъ остороженъ въ выраженіяхъ, какъ въ офціальномъ документѣ—*Сборникъ*, т. XXII, 212—213. Къ депешѣ Солымса отъ 4-го апрѣля 1764 г. приложенъ французскій переводъ отвѣта Панина—*Сборникъ*, т. XXII, 224—234, ср. *Сборникъ*, т. LI, 234—238.

сін съ тѣми мыслями о необходимости отклонять излишнія притязанія вѣнскаго двора, дать ему чувствовать, что Россія можетъ и желаетъ вести свою собственную политику, на которыя такъ жаловался графъ Мерси; въ Петербургѣ, къ тому же, имѣли свѣдѣнія, что Австрія только пробуетъ запугать, что она, быть можетъ, рѣшится даже на нѣкоторыя демонстраціи, но что если ихъ не испугаться, то австрийцы притихнутъ, такъ какъ войны вести они не въ состояніи ¹⁾.

III.

Сторонники русской партіи, видя, что большинство имъ на сеймѣ обеспечено, воспользовались насиліями, произведенными партією Браницкаго, особенно Радзивиломъ, для того, чтобы провозгласить конфедерацию. Въ мартѣ 1764 г. епископъ виленскій, князь Масальскій, обратился прямо въ Петербургъ съ просьбою содѣйствовать объявленію конфедерации; Панинъ отвѣтилъ ему, что Россія готова поддержать конфедерацию и предлагалъ условиться о подробностяхъ съ Кейзерлингомъ и Ренпиннымъ; изъ Петербурга былъ отпращенъ для того, чтобы состоять при Масальскомъ, нѣкій маіоръ Бандре. 29 марта сообщено было въ Петербургѣ иностраннымъ представителямъ о рѣшеніи, принятомъ русскимъ правительствомъ. 5 апрѣля (ст. ст.) началась въ Вильнѣ литовская конфедерация подъ покровительствомъ отряда князя Дашкова, 17 апрѣля она была облечена въ законную форму, представленіемъ въ мѣстный городскій судъ акта о конфедерации, имѣвшаго уже до 1.000 подписей. Въ концѣ апрѣля долженъ былъ вступить въ Польшу еще 6.000-ый русскій отрядъ; специально высланные русскими послами изъ Варшавы люди должны были указывать этому отряду деревни противниковъ Россіи, чтобы конфисковать доходы владѣльцевъ; при этомъ особенно пострадалъ князь Радзивиль; значительная часть его огромныхъ имѣній была передана его родственникамъ, еще большая часть конфискована и ему самому оставленъ лишь доходъ въ 3.000 червонцевъ въ годъ; самъ Радзивиль удалился въ Саксонію. Затѣмъ отряды Хомутова, князя Дашкова и Кашкина двинулись къ Варшавѣ, такъ какъ около нея сторонники Браницкаго собирали свои войска, чтобы оказать давленіе на сеймъ ²⁾.

¹⁾ *Сборникъ*, т. LI, 312—переписка Екатерины съ Кейзерлингомъ.

²⁾ *Сборникъ*, т. LI, 263, 276, 304, 309; т. LVII, 5; т. LXVII, 66; *Соловьевъ*, изд. 1, XXVI, 84; *Askenazy*, 79.

Противная партія была уже въ сборѣ въ Варшавѣ. Еще 2 апрѣля (ст. ст.) Браницкій съ 12 сенаторами, главнѣйшими своими приверженцами, явился къ примасу и требовалъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ ними подписалъ просьбу къ императрицѣ объ отозваніи изъ Польши всѣхъ русскихъ отрядовъ, или чтобы отложилъ сеймъ; примасъ не согласился. Тогда вожди этой партіи сами послали такого содержания письмо въ Петербургъ, а къ другимъ дворамъ—жалобы на образъ дѣйствія Россіи. Черезъ нѣсколько дней и Чарторижскіе со своими сторонниками отравили письма въ Петербургъ, Константинополь, Берлинъ, Парижъ и Вѣну; они, конечно, составлены были въ совершенно противоположномъ смыслѣ: Чарторижскіе просили о защитѣ русскими войсками вольности ихъ отечества отъ насилій партій; какъ однимъ изъ поводовъ къ этой просьбѣ воспользовались упомянутою выше декларациею Кауница; примасъ не подписалъ и этихъ писемъ ¹⁾. Въ Петербургѣ отнеслись къ письму партіи Браницкаго крайне неблагопріятно; тамъ нашли,—или, лучше сказать, показали видъ, будто нашли—письмо недостаточно почтительнымъ по тону, обвинили подписавшихъ письмо въ обманѣ за то, что они помѣтили письмо исходящимъ изъ дворца примаса, скрывъ, что примасъ не согласился его подписать, а также скрыли и то, что не подписавшій его писарь коронный также находился въ Варшавѣ. просьбу же литовской конфедераціи, конечно, приплыли благосклонно; въ Петербургъ пріѣзжалъ отъ литовской конфедераціи чашникъ литовскій графъ Осекерка; 10 мая онъ принятъ былъ на аудіенціи императрицею и въ запискѣ Панину императрица выразилась такъ: „а рѣчь его такова, что подданный болѣе сказать не могъ“ ²⁾; и въ маѣ въ Польшу былъ направленъ еще новый, значительный корпусъ войскъ, подъ начальствомъ князя М. Н. Волконскаго ³⁾.

26 апрѣля 1764 г. открылся сеймъ конвокаціи. Партія Браниц-

¹⁾ *Сборникъ*, т. LI, 825—831; 374—383; *Askenazy*, 90—91; *Beer*, Die erste Theilung, I, 146—149.

²⁾ *Сборникъ*, т. LI, 336, 365; т. VII, 359.

³⁾ *Сборникъ*, т. LI, 376—377. Фридрихъ тоже возмущался поступкомъ партіи Браницкаго и писалъ въ этомъ духѣ къ Сольмсу; но отношеніе петербургскаго двора къ этому эпизоду опредѣлялось совершенно самостоятельно: письмо Фридриха отъ 27 апрѣля н. ст., и еще отъ 24 апрѣля н. ст. Сольмсъ изъ Петербурга сообщалъ, что въ Петербургѣ уже составлено изложеніе всѣхъ этихъ событій—оно и напечатано въ *Сборникъ*, т. LI, 374—383 и отягчается очень твердымъ тономъ—ср. *Сборникъ*, т. XXII, 238—239 и 239—240.

каго протестовала противъ начала совѣщаній въ присутствіи русскихъ войскъ, явно покровительствовавшихъ противной партіи и 27-го, вечеромъ, въ количествѣ до 2.000 пословъ, сторонники Браицкаго покинули Варшаву. Законы польскіе не давали совершенно неоспоримаго указанія, можетъ ли и въ конвокаціонный сеймъ происходить при конфедерациі; Чарторижскіе со своими сторонниками объявили, что сеймъ этотъ законенъ и при конфедерациі, маршаломъ ея былъ избранъ князь Августъ Чарторижскій и совѣщанія были открыты ¹⁾.

Сеймъ прежде всего исполнилъ нѣкоторыя русскія требованія: былъ признанъ императорскій титулъ русскихъ государей, а также— королевскій титулъ за королемъ Пруссіи, герцогомъ курляндскимъ признанъ Биронъ; отъ имени республики выражена была императрицѣ благодарность за оказанную помощь и принесена просьба и впредь помогать привести въ послушаніе республикѣ войска, послѣдовавшія за Браицкимъ, который 1-го мая лишенъ былъ гетманства и оно передано князю Адаму Чарторижскому; наконецъ примасъ и маршалъ конфедерациі вручили русскимъ посламъ двѣ записки, въ которыхъ просили, чтобы императрица „по употребленному ею попеченію о снохоиствѣи всей республики, соизволила приложить стараніе о возстановленіи тишины въ Курляндіи“. Принести благодарность отъ имени республики отправленъ былъ въ Петербургъ писарь коронный, графъ Ржевусскій, другъ Станислава Понятовскаго. Всѣмъ этимъ были, конечно, довольны; особенно же пріятна была въ Петербургѣ просьба возстановить тишину въ Курляндіи и вотъ какое толкованіе придавали въ Петербургѣ этой просьбѣ: „сей поступокъ примаса и маршала конфедерациі, — писалъ Панинъ въ официальномъ рескриптѣ Кейзерлингу и Репнину отъ 2-го августа 1764 г., — обращая торжественно въ одолженіе республикѣ возстановленіе съ нашей стороны герцога курляндскаго, узаконяетъ притомъ покровительство наше всѣмъ республикѣ дѣламъ“ ²⁾. Нельзя, конечно, не видѣть, извѣстной натяжки въ этомъ объясненіи; но, за неимѣніемъ пока ничего болѣе подходящаго постарались хоть эти заявленія истолковать въ желательномъ для себя смыслѣ, — мы видѣли уже, что въ инструкціи Кейзерлингу и Репнину предписывалось стараться получить какой либо подобный поводъ къ вмѣшательству въ дѣла республики; не захотѣли упускать предлога къ этому, хотя и очень отдаленнаго.

¹⁾ *Соловьевъ*, т. XXVI, 60—61; *Herrmann*, V, 369—370; *Beer*, Die erste Theilung, I, 161—163; *Askenazy*, 99—101.

²⁾ *Сборникъ*, т. LI, 441.

Удовлетворивши такимъ образомъ русскія требованія, сеймъ сдѣлалъ нѣкоторыя постановленія относительно предстоящаго избранія короля польскаго. Рѣшено было, что выборъ можетъ быть только на поляка и католика; подѣ страхомъ конфискаціи имущества и объявленія прагомъ отечества запрещено было предлагать кандидатомъ чужеземныхъ принцевъ; во избѣжаніе двойныхъ выборовъ подѣ страхомъ тяжелыхъ наказаній запрещено епископамъ и архіепископамъ короновать кого либо вмѣсто примаза. Избирательный сеймъ назначенъ на 16-го августа (ст. ст.); далѣе—заявлена была торжественно преданность республики католицизму; примасу поручено было получить папскія утвержденія на шесть новыхъ польскихъ канонизацій и пять беатификацій, всѣ прежнія постановленія противъ диссидентовъ подтверждены. Наконецъ, Чарторижскіе, всѣмъ распорядившіеся на сеймѣ, провели на немъ безъ всякаго сопротивленія рядъ реформъ, повидному, не захватывавшихъ глубоко польскаго государственнаго строя, но въ сущности такихъ, которыя должны были передѣлать Польшу въ государство съ гораздо болѣе твердою властью, которую Чарторижскіе надѣялись направить такъ, чтобы поднять свое отечество во всѣхъ отношеніяхъ. Прежде всего опредѣлены были нѣкоторыя улучшенія въ устройствѣ суда, усилены доходы казны введеніемъ общей для всѣхъ мостовой пошлины и установленіемъ пошлины съ вывозимаго хлѣба. Затѣмъ проведены были еще болѣе важныя постановленія. Въ тогдашней Польшѣ всѣ войска и высшіе сановники были подчинены только сейму, а не королю; *de facto*, слѣд., они были вполне безконтрольны, потому что въ теченіи уже двухъ вѣковъ едва одинъ сеймъ въ 30 л. оканчивался благополучно и слѣд. могъ потребовать у нихъ отчета. Теперь четыре важнѣйшіе сановника, два гетмана и два подскарбія — т. е. завѣдывавшіе войскомъ и завѣдывавшіе финансами — были лишены своей прежней власти и всѣ ихъ дѣла переданы были въ вѣдѣніе комиссій военной и скарбовой; подобныя комиссіи были нерѣдко назначаемы сеймами для обслѣдованія того или другаго вопроса; теперь онѣ были объявлены постоянными; состояли онѣ каждая изъ 16 членовъ, которые въ промежутокъ между состоявшимися сеймами назначались королемъ; на сеймахъ рѣшеніе вопросовъ военныхъ и финансовыхъ подчинено „судебному порядку“. Этими постановленіями вносились въ польское государственное устройство коренныя, чрезвычайно важныя измѣненія: король, прежде лишенный всякаго значенія въ дѣлахъ управленія, такъ какъ главныя лица въ каждой отрасли управленія подчинены

были только сейму, получалъ по новымъ порядкамъ возможность очень сильно вліять на управленіе войскомъ и финансами черезъ назначаемыхъ имъ членовъ; такъ какъ сеймы обыкновенно срывались, то королевская власть могла почти навѣрно обѣ эти коммиссіи держать вполнѣ въ своей зависимости; „рѣшеніе дѣлъ судебнымъ порядкомъ“ означало рѣшеніе дѣлъ не единогласно, а по большинству голосовъ— слѣд. на конвокаціонномъ сеймѣ 1764 г. былъ введенъ способъ рѣшать важнѣйшія, финансовыя и военныя дѣла, производить въ нихъ необходимыя улучшенія, измѣненія виѣ зависимости отъ всякаго сумасброда, которому придетъ фантазія сорвать сеймъ, или подкупленнаго на это человѣка ¹⁾).

Мы знаемъ уже, что въ планы русскаго правительства не входили такія перемѣны въ польскомъ устройствѣ; въ инструкціяхъ Кейзерлингу и Репнину говорилось о сохраненіи въ Польшѣ анархіи, выгодной для сосѣднихъ державъ; кажется поэтому нѣсколько страннымъ, что на глазахъ русскихъ и прусскаго посланца проведены были на сеймѣ такія постановленія. Нѣкоторые писатели ¹⁾ объясняютъ это тѣмъ, что будто-бы Чарторижскіе сообщили Кейзерлингу свои планы въ латинскомъ переводѣ, который не соответствовалъ польскому тексту ихъ предложеній, что въ теченіе сейма Кейзерлингъ былъ боленъ, а Репнинъ не зналъ еще всѣхъ тонкостей польскаго государственнаго устройства и не понималъ значенія нѣкоторыхъ уловокъ. Самъ Репнинъ, впрочемъ, не выставялъ такихъ обвиненій противъ Чарторижскихъ: въ 1767 г. онъ писалъ только: „я съ оскорбительнымъ признаніемъ долженъ довести, что всѣ здѣшняго двора замашки происходятъ отъ попустительства нашего на созывательномъ сеймѣ и что новость моя въ дѣлахъ въ то время хотя малую частью тому причиною, ибо, высоко уважая тогда проницательность и знаніе покойнаго графа Кейзерлинга, я совершенно полагался на нихъ и предавался его волѣ; а онъ, какъ теперь, къ сожалѣнію, видно, обмануть былъ двоедушіемъ нашихъ друзей и двурѣчивыми конституціями того сейма“ ²⁾). Но послѣдній изслѣдователь этого вопроса, изучивъ документы русской дипломатической переписки по этимъ вопросамъ, пришелъ къ выводу, вполнѣ правильному, по нашему

¹⁾ Сборникъ, т. LI, 356, 393, 395, 440; Соловьевъ, XXVI, 61—62; Нертманъ, V, 367—176; Beer, Die erste Theilung, I, 161—166; Askanius, 99—105; ср. *Voluntaria legit*, VII, 1 и слѣд.

²⁾ См. напримѣръ Raumer, *Polens Untergang*, 26.

³⁾ Соловьевъ, XXVII, 189.

мѣнню: онъ находить, что на конвокаціонномъ сеймѣ Панинъ допустилъ сдѣлать постановленія, не согласныя съ видами Россіи, единственно для того, чтобы не осложнять положенія; въ теченіе этого сейма главная цѣль русскаго правительства была добиться избранія на тронъ польскій Станислава Понятовскаго и открыть себѣ путь къ вмѣшательству во внутреннія дѣла Польши; этого только и добивались изъ Петербурга. Но когда эта цѣль была достигнута—въ ближайшемъ-же будущемъ Россія безъ малѣйшихъ колебаній начала борьбу противъ этихъ, неудобныхъ и не желательныхъ для нея, постановленій, хотя проведенныхъ тою партіей, которая считалась русскою¹⁾.

Постановленіе сейма исключить изъ числа кандидатовъ на польскій тронъ всѣхъ иностранныхъ принцевъ вызвало сильное неудовольствіе въ Парижѣ и Вѣнѣ. Французскій представитель, баронъ Польми получилъ приказаніе заявить примасу, что, такъ какъ республика, очевидно, находится подъ постороннимъ давленіемъ и дѣйствуетъ не свободно, французскій король не считаетъ возможнымъ держать при ней своего представителя. На аудіенціи у примаса, 27 мая (ст. ст.) Польми сдѣлалъ это заявленіе, послужившее поводомъ къ рѣзкой сценѣ между имъ и примасомъ, послѣ чего Польми уѣхалъ; въ серединѣ іюля уѣхалъ изъ Варшавы и графъ Мерси, посолъ Австріи, затѣмъ уѣхали послы испанскій и саксонскій²⁾.

Сеймъ, между тѣмъ, по истеченіи законнаго шестинедѣльнаго срока, разошелся въ первой половинѣ іюня; время, протекшее затѣмъ до открытія избирательнаго сейма, не было ознаменовано ничѣмъ особеннымъ; борьбы внутри страны уже явной не было; противники русской партіи молчали, оставленные державами, на которыя они наиболѣе расчитывали, и которыя, однако, не нашли возможнымъ въ данный моментъ продолжать борьбу съ русскимъ плечіемъ. Въ это именно время, 27 іюня, Рециянъ открыто сообщалъ о томъ, что кандидатомъ Россіи является Понятовскій; характерно для тогдашняго польскаго общества, что поѣздка Екатерины въ это время въ прибалтійскія губерніи вызвала въ Варшавѣ живѣйшія надежды, что Екатерина прибудетъ въ польскую столицу!..³⁾.

12 августа начали съѣзжаться въ Варшаву послы; къ открытію

¹⁾ *Askenazy*, 107—108.

²⁾ *Vambaud*, Recueil, IX, 243; *Askenazy*, 113, 114,

³⁾ *Askenazy*, 116, 117 пр.

сейма собралось ихъ до 5.000, хотя нерѣдко прежде бывало во много разъ болѣе; 16 августа князь Репнинъ официально сообщилъ сейму о желаніи императрицы всероссійской, чтобы королемъ польскимъ былъ избранъ графъ Станиславъ Понятовскій, и 26 сентября при полномъ спокойствіи, единогласно графъ Станиславъ Понятовскій и былъ избранъ королемъ польскимъ; онъ вступилъ на престолъ съ именемъ Станислава-Августа¹⁾. На другой день онъ собственноручнымъ письмомъ извѣщалъ объ этомъ императрицу; 19 сентября она отвѣчала ему собственноручнымъ-же письмомъ, но черновикомъ, составленному Панинымъ. „Государь братъ мой, писала Екатерина, единодушіе, возводящее васъ на тронъ, одинаково свидѣтельствуешь и о свободѣ выбора вашего народа, и о доблестяхъ, его привлекшихъ. Польша взираетъ на власть въ рукахъ ревностнаго патріота, любящаго и понимающаго ея интересы, какъ на прочный залогъ своего счастья“ и т. д.²⁾; а немедленно послѣ полученія извѣстія объ избраніи Понятовскаго, Панину Екатерина писала: „Никита Ивановичъ. Поздравляю васъ съ королемъ, котораго мы дѣлали. Сей случай навряде умножаетъ мою къ вамъ довѣренность, ибо я вижу, какъ безошибочны были всѣ, взятые вами мѣры“ и пр.³⁾. Новаго короля немедленно признали Россія и Пруссія; Австрія и Франція, а за ними и Турція, медлили съ признаніемъ; но наконецъ Кауницъ сталъ доказывать, что медлить долѣе значитъ прямо толкать Польшу въ объятія Россіи и въ 1765 г. состоялось это признаніе; Австрія выговорила прощеніе Радзивилу и Браницкому, Франція оплатила за ссору примаа съ Польми тѣмъ, что въ отвѣтъ на очошъ пышное, торжественное посольство изъ Варшавы, отвѣтила назначеніемъ третъестепеннаго уполномоченнаго⁴⁾.

Новому королю Екатерина подарила 100.000 червоицевъ и назначила до сейма коронаціи, то-есть, на два мѣсяца по 14.000 червоицевъ въ мѣсяцъ. Деньги эти Станиславъ-Августъ бралъ и не ду-

¹⁾ *Соловьевъ*, XXVI, 65; *Негтманн*, V, 370; *Beer*, Die erste Theilung, I, 167, 172—174; *Askenazy*, 125. Странно, что самъ Понятовскій обманывалъ себя комедіею своеговольнаго и единодушнаго избранія, но крайней мѣрѣ въ спонхъ *Mémoires secrets* онъ посвящаетъ этому собранію особно *Anecdotes relatives à son élection*, 40—42, въ которыхъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что никогда въ Польшѣ не было такого спокойнаго и единодушнаго избранія.

²⁾ *Сборникъ*, т. LI, 489—491.

³⁾ *Сборникъ*, т. VII, 373—374.

⁴⁾ *Beer*, Die erste Theilung, I, 181—183.

малъ, кажется, что приближается моментъ, когда отъ него потребуютъ расплаты за все, что онъ принялъ отъ Россіи.

19 сентября 1764 г. умеръ въ Варшавѣ графъ Кейзерлингъ; по слову на его мѣсто, съ его правами и съ его содержаніемъ остался князь Н. В. Репнинъ.

Уже 24 сентября Репнину было предписано представить въ Варшавѣ декларацію въ пользу диссидентовъ, подписанную 11 іюля 1764 году въ Петербургѣ между представителями Россіи и Пруссіи¹⁾; впоследствии къ этому заявленію присоединились Англія и Дачія. Репнинъ долженъ былъ внушать, что императрица считаетъ себя вполне въ правѣ „требовать и ожидать отъ благодарности королевской и всей республики“, что не останется безуспѣшнымъ ея „столь правосудное и столь къ персональной славѣ ея, сколько и къ собственной чести пышнѣшаго польскаго вѣка служащее предстательство“ за согражданъ польскихъ, незаконно, вопреки торжественнымъ трактатамъ и собственнымъ польскимъ фундаментальнымъ законамъ и волюности, терпящихъ гоненіе за исповѣданіе другой христіанской религіи, въ которой они рождены и воспитаны; короля лично Репнинъ долженъ былъ убѣждать, что онъ пріобрѣтетъ себѣ безсмертную славу, побѣдивъ въ своемъ отечествѣ „страшилища суевѣрія“; посольство могъ и грозить, что при упорствѣ поляковъ императрица „нѣкоторыми вынужденными способами“ добьется того, что она имѣетъ право ожидать отъ благодарности нации. Въ Петербургѣ ожидали,

¹⁾ Ашкенази, 109, полагаетъ, что декларація въ защиту диссидентовъ была лишь помѣчена 11-го іюля, чтобы придать видъ, будто бы она составлена была еще по время междуцарствія, тогда какъ въ дѣйствительности она составлена была въ октябрѣ. Но это одна ли вѣрно. Въ *Сборникѣ*, т. LI, 417 сдѣлано указаніе, что декларація апробована императрицею 9-го іюня, подписана же 11-го; ср. *Сборникъ*, т. XXII, 302—304. Едва ли можно допустить, чтобы на бумагахъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ допускаемы были невѣрныя помѣтки о высочайшей апробаціи. Ашкенази основывается на словахъ Сольмса, въ депешѣ отъ 6-го (17-го августа), что „Репнинъ назначилъ было уже день для подписанія вѣстѣ со мною министерской конвенціи относительно диссидентовъ, но боязнь его помѣшала это исполнить“ (*Сборникъ*, т. XXII, 294); но мы не имѣемъ еще права утверждать, что здѣсь дѣло шло именно объ этой самой деклараціи, а не о какомъ либо другомъ общемъ рѣшеніи Россіи и Пруссіи. Изъ депешъ Сольмса же видно, что еще въ концѣ іюня (1764 г.) Фридрихъ выражалъ свое удовольствіе по поводу сообщеній Сольмса о намѣреніи императрицы оказать серьезную поддержку диссидентамъ и свою готовность принять въ этомъ дѣлѣ участіе (*Сборникъ*, т. XXII, 261)—слѣдовательно, нѣчто относительно диссидентовъ было уже рѣшено въ Петербургѣ въ концѣ іюня.

что на коронаціонномъ сеймѣ будетъ случай „воспользоваться приобрѣтенною въ Польшѣ поверхностью инфлюенціи нашей и справедливою новаго короля за всѣ наши одолженія благодарностью, дабы и другіе предметы желаній нашихъ, въ прежней инструкціи пространно изображенные, привести къ вождельному окончанію“; Панинъ совѣтовалъ Репнину, „не упустить настоящій, дорого купленный случай“, такъ какъ „едва ли другой можетъ толь скоро изысканъ быть п толь много къ совершенію желаній нашихъ предуготовленъ быть, какъ настоящій“; польза и слава имперіи требовали, по словамъ Панина, чтобы Россія непременно достигла поставленныхъ ею себѣ цѣлей.

Декларация была представлена коронаціонному сейму, созванному на 23-го ноября (ст. ст.), на этотъ разъ, вопреки обычаю, не въ Краковѣ, а въ Варшавѣ. Но Чарторижскіе съумѣли такъ представить смыслъ постановленій о сеймахъ коронаціи, что они могутъ касаться только вопросовъ, поставленныхъ уже на сеймѣ конвокаціонномъ и избирательномъ¹⁾; поэтому сеймъ этотъ декларацию о диссидентахъ даже и не разсматривалъ; онъ постановилъ только, что для выгодъ республики должно „имѣть неогоціацію“ съ Россіей, но ограничилъ предметъ этой неогоціаціи только пограничными отношеніями²⁾; затѣмъ онъ подтвердилъ реформы въ польскомъ государственномъ устройствѣ, проведенныя Чарторижскими на сеймѣ конвокаціонномъ; онъ закончился благополучно, потому что собранъ былъ при конфедерациіи, которая давала возможность рѣшать дѣла по большинству голосовъ.

Вопросъ о диссидентахъ, такимъ образомъ, отлагался до слѣдующаго, обыкновеннаго сейма, который долженъ былъ собраться черезъ два года, то-есть въ 1766 году. Но Панинъ, конечно, не думалъ ничуть вести это дѣло съ меньшею энергіею; онъ, напротивъ, въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ подготавливалъ почву, чтобы съ большею энергіею вести дѣло къ тому, чтобы получить въ Польшѣ вліяніе, какого добивался; онъ не разъ писалъ Репнину, что начатое дѣло не будетъ оставлено, не только не смотря на малую склонность поляковъ исполнить требованія Россіи, но даже хотя бы неизбежно стало употребленіе военной силы. Чисто съ государственной точки зрѣнія, какъ средство подпорить въ Польшѣ вліяніе Россіи, разсма-

¹⁾ *Истгтанъ*, V, 378—379.

²⁾ *Сборникъ*, т. LXXXII, 374.

триваль Панинъ диссидентскій вопросъ; всего лучше выражены имъ его мысли по этому вопросу въ депешѣ 14-го августа 1767 г., въ которой онъ излагаетъ Репяину „главное правило, которое какъ сначала было, такъ и теперь есть, да и впредь должно быть непремѣннымъ руководствомъ всѣхъ нашихъ намѣреній и подвиговъ“, а именно: „чтобы совершить диссидентское дѣло не для распространенія въ Польшѣ нашей и протестантской вѣры, но для приобрѣтенія себѣ онымъ, черезъ посредство нашихъ единовѣрныхъ и протестантовъ, единой навсегда твердой и надежной партіи, съ законнымъ правомъ участвовать во всѣхъ польскихъ дѣлахъ“, причемъ, по мысли Панина, диссиденты, какъ слабѣйшая часть, всегда должны искать поддержки у Россіи. Очень откровенно—какъ вообще всегда въ перепискѣ съ русскими дѣятелями, своими сподвижниками—Панинъ высказывается, что протестантскія религіи, обуздающія суевѣріе и сокращающія власть духовенствъ, излишне распространившись въ Польшѣ, могутъ, пожалуй, вывести поляковъ изъ ихъ невѣжества и мало по малу сдѣлать ихъ опасными для Россіи, „покровительницы ихъ въ настоящее время и соперницы первой и главной въ будущее, ибо между политическими обществами ни злоба за претерпѣнное, ни благодарность за полученныя одолженія извѣстнымъ образомъ мѣста имѣть не могутъ“. Что касается православія, то отъ распространенія его не настоятъ, по мнѣнію Панина, подобной опасности, но онъ находитъ невыгоднымъ излишнее распространеніе правъ диссидентовъ-православныхъ, достиженіе для нихъ слишкомъ многихъ удобствъ и выгодъ, настолько, чтобы они не нуждались въ помощи Россіи и своими собственными силами могли бы совершенно хорошо устроиться въ Польшѣ, ибо это, по его мнѣнію, непременно вызвало бы значительное увеличеніе числа побѣговъ въ Польшу изъ сосѣдственныхъ русскихъ губерній. Смотря такъ на дѣло диссидентовъ Панинъ конечно, могъ отложить его до болѣе удобнаго случая, но, само собою разумѣется не могъ, да и не думалъ отъ него отказываться. Между тѣмъ онъ велъ и поднималъ съ польскимъ правительствомъ другія дѣла. Къ марту 1765 г. состоялось соглашеніе образовать соединенную русско-польскую комиссію для окончательнаго улаженія всѣхъ существующихъ и могущихъ возникнуть недоразумѣній; для предварительнаго осмотра спорныхъ пунктовъ по границѣ, для ознакомленія съ мѣстными условіями съ русской стороны отпращены были ген.-пор. Веймарнъ и ген.-маіоръ Бибиковъ, которые должны были, начавши первый отъ Риги, второй изъ

Новороссійской губерніи, съѣхаться въ Смоленскѣ, собравъ по возможности большое количество точныхъ свѣдѣній ¹⁾). Русскія войска, возвращаясь въ декабрѣ 1764 г. изъ Польши, доставили, по возможности, то удовлетвореніе, котораго такъ постоянно и такъ тщетно требовало русское правительство отъ польскаго—они вывели съ собою множество бѣглыхъ. Конечно, съ русской стороны утверждали, что всѣ взятыя взяты были лишь по самымъ дорогамъ безъ всякихъ насилій и только тѣ, которые сами назвали себя выходцами изъ Россіи заявляли о желаніи своемъ вернуться, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что было не вполне такъ, что допущены были и захваты; но крайней мѣрѣ немедленно по выступленіи войскъ канцлеръ литовскій, кн. Михайлъ Чарторижскій, подалъ Репнину заявленіе, что русское войско позволило себѣ многія насилія, говорилъ, что захвачено 73 человекъ природныхъ поляковъ и просилъ возвратитъ незаконно выведенныхъ; его просьба не была исполнена; отвѣтили вышеприведенными заявленіями и этимъ удовольствовались; въ іюлѣ 1765 г. Репнинъ успѣлъ выхлопотать королевскій универсалъ, запрещающій принимать въ Польшѣ и Литвѣ бѣглыхъ изъ Россіи и предписывавшій выдавать ихъ по первому требованію ²⁾). Въ іюлѣ же пріѣхалъ въ Варшаву православный епископъ бѣлорусскій, Георгій Кописскій; 16-го іюля онъ имѣлъ аудіенцію у короля и представилъ ему жалобы на утѣсненія православныхъ; король обѣщалъ ихъ удовлетворить во всемъ; но затѣмъ дѣло остановилось: начали наводить всевозможныя справки по жалобамъ Кописскаго, справки доставлялись, конечно, очень медленно и пристрастно; канцлеръ литовскій не скрывалъ своего полного несочувствія къ мысли удовлетворить жалобы православныхъ ³⁾). Между тѣмъ Панинъ, преслѣдуя въ Польшѣ свои, давно уже намѣченныя цѣли, поручалъ Репнину склонить Польшу къ заключенію съ Россіей оборонительнаго союза; союзъ этотъ онъ считалъ очень важнымъ на случай столкновеній съ Турціею; но его мнѣнію, союзъ съ Польшей съ избыткомъ уравнивалъ бы потерянное Россіей по отношенію къ Турціи съ того момента, когда Россія прекратила свои

¹⁾ *Сборникъ*, т. LVII, 19, 211—217. По преувеличеннымъ, вѣроятно, сообщеніямъ Эссена изъ Варшавы, Веймаря и Бибиковъ требовали уступки въ пользу Россіи территоріи съ населеніемъ въ 160.000 семействъ—*Нергшамп*, V, 384; но во всякомъ случаѣ никакихъ подобныхъ зріобрѣтеній, до самого перваго раздѣла Польши, Россія отъ нея не сдѣлала.

²⁾ *Сборникъ*, т. LVII, 26, 227, 276, 285, 301, 338.

³⁾ *Соловьевъ*, т. XXVI, 175—176; т. XXVII, 167.

союзныя отношенія къ Австріи, такъ какъ прежде „россійскія съ Портою замѣшательства“ часто зависѣли отъ отношеній къ Портѣ Австріи, теперь же—Панинъ не сомнѣвается—польскія отношенія къ Турціи стали бы опредѣляться отношеніями къ ней Россіи. „ибо долго еще до тѣхъ временъ, когда бы Порта могла принять противу Польша хотя бы равную; не только превосходную зависть и страхъ. каковыя она имѣетъ противъ вѣнскаго двора“¹⁾. Въ это же время Панинъ велъ переписку съ Репнинымъ по вопросу о реформахъ въ польскомъ государственномъ устройствѣ. Послѣ избранія Станислава-Августа въ Петербургъ прибылъ съ извѣщеніемъ объ этомъ гр. Ржевусскій. Онъ между прочимъ завелъ съ Панинымъ рѣчь объ ограниченіи на сеймахъ *liberum veto* и объ увеличеніи числа войскъ въ Польшѣ. Въ предисловіяхъ Репнину Панинъ высказывался самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ того или другаго предложенія, поручалъ, между прочимъ Репнину представлять предъ королемъ, что попытки его провести такія реформы могутъ вызвать недовѣріе сосѣднихъ державъ и кончиться печально лично для короля²⁾.

Но въ Польшѣ не обнаруживали никакой склонности слушать Панина и Репнина и дѣлать пріятное Россіи; новый король и его бли-

¹⁾ *Сборникъ*, т. LVII, 10; т. LXVII, 526.

²⁾ *Сборникъ*, т. LVII, 84, 85, 258. Довольно трудно утверждать съ увѣренностью, насколько такое рѣшеніе принято было въ Петербургѣ самостоятельно или подъ вліяніемъ короля прусскаго. Сольмсъ въ сентябрѣ 1764 г. сообщалъ Фридриху, будто бы Панинъ склоняется къ предложенному Ржевусскимъ разграниченію между *liberum veto* и *liberum visum* и соглашается допустить, чтобы каждый депутатъ однимъ своимъ голосомъ могъ бы отклонить каждое отдѣльное предложеніе, но чтобы этимъ сеймъ не былъ разрываемъ съ уничтоженіемъ всѣхъ его постановленій, а могъ бы продолжаться и постановить рѣшенія по другимъ дѣламъ—единогласныя или по большинству голосовъ, какъ полагалось по тому или другому роду дѣлъ. По поводу этого донесенія Фридрихъ прислалъ нѣсколько депешъ въ которыхъ энергически возстаетъ противъ допущенія этой реформы (*Сборникъ*, т. XXII, 817—838). Но мы видѣли уже, что еще значительно ранѣе въ 1763 г., Панинъ говорилъ о необходимости поддерживать въ Польшѣ ея устройство и тогда Фридрихъ заявлялъ Сольмсу о своемъ полномъ согласіи со взглядами Панина (*Сборникъ*, т. XXII, 106—107, 144—145, 152, 154). Затѣмъ какъ увидимъ далѣе, въ окончательномъ рѣшеніи этого вопроса русское правительство приняло нѣсколько, несомнѣнно, самостоятельныхъ рѣшеній; Панинъ даетъ даже намъ основаніе думать, что рѣшено было особенно энергично противиться этимъ реформамъ послѣ того, какъ оказалось, что путемъ поддержки и проведенія ихъ думалъ усилить свое вліяніе въ Польшѣ вѣнскій дворъ. *Сборникъ*, т. LXXXV, 374, 375; ср. еще *Askenazy*, 17, 18, 72 пр.

жайшіе родственники и совѣтники имѣли свои планы и хотѣли ихъ провести. Станиславъ Августъ все еще не хотѣлъ или не умѣлъ понять, что онъ возведенъ Россіей на польскій престолъ не для выгодъ Польши, а для выгодъ Россіи; поляку, конечно, и естественно заботиться о выгодахъ Польши; но тогда не слѣдовало принимать высшаго мѣста въ своей родинѣ на правахъ бывшаго любимца императрицы русской, а Понятовскій именно такъ понималъ свое положеніе ¹⁾). Ни одно требованіе русскаго правительства не было удовлетворено; всѣ они встрѣчали самое слабое вниманіе; было ясно, что польскій дворъ хочетъ по прежнему отдѣлаться одними обѣщаніями; отношеніе польскаго правительства къ русскимъ требованіямъ дѣлало несомнѣннымъ, что если слѣдующій сеймъ будетъ собранъ не при конфедераціи, то навѣрно будетъ сорванъ и слѣдовательно, предъявленныя Россією требованія не будутъ узаконены. Поэтому уже въ январѣ 1766 г. Панинъ началъ подумывать объ образованіи въ Польшѣ конфедераціи, которая бы дала возможность провести на сеймѣ желательныя для Россіи рѣшенія. Панинъ предписывалъ Реннину сближаться съ людьми, склонными къ конфедераціи противъ правительства, и тѣми, которые готовы поддержать и диссидентовъ, говорить, что Россія нимало не желаетъ утѣснять католичество, что, напротивъ, она вполне согласна признать за нимъ значеніе господствующаго исповѣданія и будетъ довольна возстановленіемъ диссидентовъ „въ нѣкоторую часть равенства и правъ дворянства“, и что за католиками будутъ оставлены исключительное право на гетманскія и министерскія мѣста и преобладаніе въ судахъ и администраціи; съ тѣми же людьми, которые навѣрно не пристанутъ къ конфедераціи въ пользу диссидентовъ, Реннинъ долженъ былъ говорить болѣе твердо, болѣе давать понять, что такъ или иначе, при добровольныхъ уступкахъ со стороны поляковъ, или силою, но Россія рѣшилась достигъ желаемого ²⁾). Переписка Панина съ Реннинымъ за это время показываетъ и недовольство его на поведеніе поляковъ и рѣшимость всякими способами достигнуть того вліянія на дѣла Польши, какое онъ поставилъ цѣлью своей политики. Онъ пишетъ, что нельзя не видѣть какого то предвзятаго рѣшенія уклониться отъ всякаго русскаго предложенія, „направленнаго къ разъясненію и объединенію интересовъ обоихъ народовъ“; онъ говорить, что Россія нимало не желаетъ стѣснять свободу Польши, но

¹⁾ *Соловьевъ*, т. XXVI, 66—67.

²⁾ *Сборникъ*, т. LVII, 226, 338, 366, 448.

угрожающе замѣчаютъ, что благоразуміе должно внушить всякому государству пользоваться этою свободою по отношенію къ сосѣднимъ государствамъ осмотрительно; ему кажется невозможнымъ, чтобы дѣла шли твердо и спокойно. если поведенію варшавскаго двора не измѣнится, если тамъ „не будутъ воды лить въ вино“, и станутъ пытаться вести дѣла совершенно самостоятельно, „по началамъ своей самоопредѣленной собственной политики“, говоря словами Панина ¹⁾). Въ письмахъ къ Реннину Панинъ высказывалъ недовольство не только за отношеніе поляковъ къ дѣламъ, непосредственно касавшимся русскаго правительства, но и за то, что безъ вѣдома Россіи отправили изъ Варшавы во Францію извѣщеніе о восшествіи на престолъ Станислава Августа въ особенно любезной формѣ, за то, что король принималъ въ частной аудіенціи курляндца Говена, одного изъ наиболѣе видныхъ противниковъ возстановленія въ герцогскомъ достоинствѣ Бирона ²⁾; негодовали на излишнюю самостоятельность, проявленную Польшею по отношенію къ Пруссіи и выразившуюся въ установленіи таможи, право устраивать которую можно было оспаривать на основаніи разныхъ конституцій и на устройство которой Фридрихъ немедленно отвѣтилъ заведеніемъ таможи, чтобы собирать пошлину съ польскихъ судовъ, проходившихъ по рѣкамъ, которыя принадлежали частями своимъ Пруссіи; по усяленной просьбѣ Станислава Августа въ это дѣло вмѣшалась сама императрица и, хотя не безъ труда, достигла того, что были уничтожены обѣ вновь заведенныя таможни ³⁾).

Руководителями и вдохновителями короля въ этой самостоятельной политикѣ были князья Чарторижскіе, несомнѣнно самые замѣчательные люди среди современныхъ имъ польскихъ политическихъ дѣятелей. Но совершенно справедливо замѣтилъ одинъ историкъ, что средства, къ какимъ прибѣгали Чарторижскіе для достиженія своихъ цѣлей, столь же заслуживали порицанія, какъ цѣли противной имъ партіи ⁴⁾). Уже въ февралѣ 1765 г. въ Петербургѣ на нихъ смотрѣли недружелюбно, въ маѣ рѣшено было по возможности отклонять отъ нихъ всякія новыя пожалованія и милости, въ апрѣлѣ 1766 г. уже говорили о томъ, что нужно образовать въ Польшѣ русскую партію помимо Чарториж-

¹⁾ Сборникъ, т. LVII, 226, 339—341, 367, 368.

²⁾ Сборникъ, т. LVII, 369, 444; Соловьевъ, XXVI, 178—179.

³⁾ Сборникъ, т. LVII, 226, 261—263, 364, 445—447, 492—484; XXII, 316, 360, 385.

⁴⁾ Raumer, Polens Untergang, 17—18.

скихъ, около Потоцкихъ ¹⁾... Россія, та грозная сила, которую призывали сами Чарторижскіе вступить въ внутреннія дѣла ихъ отечества, Россія хотѣла теперь на дѣлѣ осуществить тѣ требованія, какія предъявила она поляку, соглашавшемуся ихъ принять, въ увлеченіи блескомъ короны, требованія, чтобы онъ „почиталъ интересы русской имперіи собственными своими, ихъ оберегалъ и имъ по возможности поспѣшествовалъ“, чтобы онъ былъ полезенъ интересамъ имперіи; и эти требованія собиралась осуществить та сила, которая видѣла во вмѣшательствѣ въ польскіе королевскіе выборы „случай наиболѣе важнѣйшій существительнаго интереса имперіи нашей“, и прямо заявляла въ то же время своимъ слугамъ, что всѣ предпринимаемыя мѣры имѣютъ въ виду только пользу русскаго государства...

Въ исторіи дальнѣйшихъ русско-польскихъ отношеній на нашихъ глазахъ будутъ парализованы Россіей всѣ попытки Чарторижскихъ ввести благодѣтельные для ихъ отечества реформы. Казалось бы, что патріотическія предпріятія и усилія Чарторижскихъ, навлекшія на нихъ неудовольствія Россіи и ою, наконецъ, подавленныя, должны были бы возбуждать чувства симпатіи къ первымъ и осужденіе образа дѣйствій Россіи. Но вдумавшись внимательнѣе въ событія, едва ли можно не видѣть, что все поведеніе Чарторижскихъ невѣрно въ самомъ своемъ основаніи, едва ли можно не признать за Россіей полнаго права, почти обязанности, дѣйствовать именно такъ, какъ она дѣйствовала. Такъ оцѣнить образъ дѣйствій Россіи и ея противниковъ придется даже не на основаніи тѣхъ принциповъ, безспорно прекрасныхъ, которые русское правительство выставляло основаніемъ своихъ дѣйствій; мы знаемъ, что „вѣротерпимость“ и „свобода совѣсти“, возвращеніе польскимъ гражданамъ правъ, которыхъ они были лишены незаконно и насиліемъ—были лишь предлогами для вмѣшательства; поэтому мы не будемъ принимать ихъ въ разчетъ при оцѣнкѣ дѣйствій русскаго правительства въ Польшѣ; для нашей оцѣнки намъ послужатъ дѣйствительно существенныя черты въ дѣятельности русскаго правительства въ Польшѣ и поляковъ той партіи, которая являлась противницею русскаго вліянія въ Польшѣ.

Безпристрастно и безъ увлеченій внѣшностью разсматривая событія, нельзя не замѣтить, что дѣятельность Чарторижскихъ повсе не была борьбою противъ посторонняго вмѣшательства. Нѣтъ, они сами,

¹⁾ Сборникъ, т. LVII, 180, 264, 342, 501, 543.

они первые признали къ вмѣшательству въ дѣла своего отечества чуждую постороннюю силу, они призвали на польскую землю русскихъ солдатъ, они брали миліонъ русскихъ денегъ, они сколько могли подготовляли то, что русскіе распорядились высшимъ назначеніемъ въ Польшѣ; они просили русскихъ силою сдѣлать въ ихъ отечествѣ то, чего сами не могли добиться ни силою физическою, ни силою нравственною и умственною—они, слѣдовательно, призвали силу болѣе могущественную, чѣмъ они сами, они дали ей распорядиться въ ихъ отечествѣ, выслушали ея условія, стали дѣйствовать съ нею сообща, не смотря на то, что условія были предъявлены для всякаго поляка унижительноя, они украсились русскими орденами, взяли массу русскихъ денегъ, заняли для себя и для своей партіи высокія и доходныя должности—и послѣ всего этого они задумали эту могущественную силу бросить, устранить, и всѣмъ, что они отъ нея получили на условіяхъ, почти какъ подачку—распорядиться совершенно самостоятельно, словно чѣмъ-то такимъ, что приобрѣли они своими силами, своимъ умомъ, своимъ трудомъ!? Было почти невозможно логически чтобы такъ совершилось; русскіе дѣятеля были бы положительно виноваты въ нравственномъ отношеніи, если бы такъ совершилось. Вѣдь если бы Чарторижскіе успѣли въ этомъ, то это значило бы, что русское правительство совершило бы преступленіе предъ русскимъ народомъ, такъ какъ русскія деньги и силы были бы затрачены не только непроизводительно для русскаго народа, но даже съ вредомъ для Россіи, если бы все это ушло на усиленіе и улучшеніе государственнаго строя того сосѣда Россіи, который никогда, никогда не былъ ей дружелюбенъ, который нанесъ ей много тяжелыхъ ударовъ, который и тогда враждебно держался по отношенію ко империю, что было дорого всему русскому народу. Русскіе правители, конечно, были нравственно обязаны предъ своимъ народомъ не допускать этого. Какъ извлекали они тѣ выгоды, какихъ должны были искать, какими средствами—это другой вопросъ; онъ можетъ быть обсуждаемъ совершенно отдѣльно; но мы увѣрены, что всякій безпристрастный наблюдатель не скажетъ, чтобы способы русской дипломатіи были худшими въ томъ вѣкѣ¹⁾; но самый принципъ — сдѣлать затраты

¹⁾ Характеръ и приемы политики XVIII в. прекрасно изображены въ замѣчательномъ трудѣ *Сорелл*, Европа и французская революція, I; въ частности о политикѣ Россіи въ Польшѣ совершенно справедливо замѣчаетъ Беръ, *Die erste Theilung*, I, 182, что Екатерина не говорила относительно Польши ничего, чего не говорили бы изъ Берлина и Вѣны; она только была послѣдовательнѣе.

русскихъ денегъ и русскихъ силъ непременно лишь съ выгодною для Россіи, для русскаго парода—конечно не можетъ не быть признанъ и справедливымъ и обязательнымъ; и можно только сожалѣть и осуждать всѣ тѣ случаи, когда его нарушали. Затраты же были сдѣланы очень не маленькія: расходы на польскія дѣла составили въ теченіе трехъ лѣтъ суммы значительно болѣе милліона—т. е. 7—8% тогдашняго годоваго бюджета Россіи¹⁾; для Россіи тогда этотъ расходъ былъ, значитъ, замѣтенъ такъ же, какъ теперь былъ бы замѣтенъ расходъ въ теченіе трехъ лѣтъ не менѣе 75-ти милліоновъ. И совершенно попятно, что не въ пріятномъ и не въ легкомъ положеніи оказались король Станиславъ Августъ и князья Чарторижскіе, когда имъ предъявлены были требованія вознаградить Россію за все это; тяжесть ихъ положенія и ихъ вина усугублялись тѣмъ, что притязанія и намѣренія Россіи были раскрыты имъ заранѣе, и они тѣмъ не менѣе рѣшились дѣйствовать сообща съ Россіей, увлекаясь только своими идеями, надѣясь силами Россіи воспользоваться, лишь для выгодъ Польши, и вообще не обдумавши достаточно своего положенія и своихъ шаговъ.

III. Чечулинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Съ конца 1768 г. по конецъ 1766 г. было передано Россіей полякамъ не менѣе 430000 р. и 440000 червонцевъ—см. *Сборникъ*, LI, 150, 265, 392; LVII, 38, 227; LXVII, 49, 131; годовой бюджетъ Россіи не доходилъ въ то время до 20.000.000; впоследствии, по отчетамъ Сальдерни и князя Волконскаго, она третила не менѣе 12—13.000 ежемѣсячно; съ мая 1771 г. по январь 1772 г. Сальдернъ поддерживалъ 52.000 дукатовъ.—Моск. Глав. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла польскія, связка 31.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОЕДЬМОЕ ДЕОЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССVII.

1896.

СЕНТЯВРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственные распоряженія	3
--	---

— Опытъ каталога ученическихъ библиотекъ ореднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія (ил. 6, 7 и 8).

Н. Д. Чечулинъ. Политика Россіи въ Польшѣ предъ первымъ раздѣломъ (окончаніе)	1
А. И. Введенскій. Уловія допустимости вѣры въ омыслъ жизни.	45
Н. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія во время имперіи (окончаніе)	78

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Э. фонъ-Штернъ. Скульптура въ Атикѣ до греко-персидскихъ войнъ. Исслѣдованіе А. А. Павловскаго. С.-Пб. 1896	141
А. Е. Прѣсимковъ. Лѣтопись занятій археографической комиссіи. Выпускъ десятый. С.-Пб.	153
— Книжныя новости.	163
— Отчетъ командированнаго за границу приватъ-доцента Московскаго университета Ваимліа Истрина за вторую половину 1894 года (продолженіе)	1
— Отчетъ графа П. А. Каинста о поѣздкѣ, совмѣстно съ профессоромъ Шварцемъ, лѣтомъ 1894 года въ Германію и Францію для ознакомленія съ нѣкоторыми учебными заведеніями этихъ странъ (продолженіе)	26
— Наша учебная литература (разборъ 8 книгъ)	59

О ВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорская Публичная Библиотека въ 1893 году	1
— Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III	11
— Императорское Общество исторіи и древностей русскаго при Московскомъ университетѣ въ 1893 году	16
— Императорскій С.-Петербургскій историко-филологическій институтъ въ 1895—1896 учебномъ году	25
— Наши учебныя заведенія: Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1894 году.	29
Л. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	72
В. Е. Рудаковъ. Н. И. Суворовъ (некроль)	81

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. Ф. Эрманъ. Легенда о римскихъ царяхъ (продолженіе)	97
Н. О. Анненскій. Речь.	100

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ.

Н. А. Любимовъ. Исторія физики	593
--	-----

О ВЪ ЯВЛЕНІЯ.

ПОЛИТИКА РОССІИ ВЪ ПОЛЬШѢ ПРЕДЪ ПЕРВЫМЪ РАЗДѢЛОМЪ ¹⁾.

IV.

Въ теченіе двухъ лѣтъ, протекшихъ отъ коронаціи до обыкновеннаго сейма, отношенія русскаго правительства и Чарторижскихъ были холодны и постоянно ухудшались. Въ 1766 году, когда приближился срокъ обыкновеннаго сейма, Чарторижскіе сдѣлали новую попытку воспользоваться силами Россіи для своихъ цѣлей: они обратились къ Панину съ письмомъ, въ которомъ заявляли о своей готовности служить, вмѣстѣ съ русскимъ правительствомъ, интересамъ Польши; въ письмѣ своемъ они, между прочимъ, старались возложить отвѣтственность за неисполненіе многихъ желаній Россіи лично на короля, обвиняя его въ томъ, что онъ вообще мало слѣдуетъ ихъ совѣтамъ,—по этому пункту Чарторижскіе діаметрально расходились съ Репнинымъ, который писалъ, что нельзя не признать въ королѣ „чрезвычайно много слабости и скоропостижности“, но что навѣрно ни одно дѣло не сдѣлано имъ безъ вѣдома и согласія князей Чарторижскихъ ²⁾. Панинъ отвѣчалъ Чарторижскимъ обширнымъ письмомъ, въ которомъ очень прозрачно давалъ понять, что ему извѣстно неискреннее поведеніе ихъ относительно Россіи, и прямо говорилъ, что желанія Россіи не могутъ быть разсматриваемы поляками „лишь какъ предложенія“; онъ говорилъ Чарторижскимъ, что дѣло о диссидентахъ на ближайшемъ же сеймѣ будетъ пробнымъ камнемъ, по кото-

¹⁾ *Окончаніе*. См. августовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1896 годъ.

²⁾ *Сборникъ*, т. LVXII, 100.

рому императрица будетъ судить объ ихъ патріотическихъ чувствахъ и о готовности ихъ „содѣйствовать успѣху ея видовъ и благополучному теченію дѣла“; несудача этого дѣла будетъ „доказательствомъ ихъ нерадѣнія“ и нежеланія употребить въ соотвѣтствіе видамъ императрицы всѣ ихъ связи и все ихъ вліяніе ¹⁾). Это письмо Чарторижскихъ и свой отвѣтъ на него Панинъ сообщилъ Репнину и просилъ посла перемѣнить въ отношеніи къ нимъ „образъ его персональныхъ поступковъ въ гораздо ласковѣйшій“ и высказывалъ, что хорошо было бы, если только это возможно, сохранить Чарторижскихъ для руководства русскою партіею, ибо они самые способные и самые вліятельные изъ всѣхъ польскихъ вельможъ ²⁾). вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Петербурга отпращены были полковники Каръ и Игельстромъ для того, чтобы объѣхать польскихъ вельможъ, склонныхъ къ поддержкѣ дѣла диссидентовъ, сообщить имъ о твердомъ и непремѣнномъ намѣреніи русской императрицы провести это дѣло на ближайшемъ сеймѣ, напомнить трактаты и конституціи, которыми диссидентамъ даны были многія права, и по которымъ Россія имѣла право и даже обязанность защищать диссидентовъ, такъ какъ обязалась поддерживать въ Польшѣ прежніе законы и устройство; къ этимъ убѣжденіямъ присоединялись и угрозы гнѣвомъ русской государыни на тѣхъ, кто окажется противникомъ справедливыхъ русскихъ требованій.

Подробныя наставленія на время сейма даны были Репнину въ рескриптѣ отъ 24-го августа 1766 г. Немедленно же по открытіи сейма, непосредственно послѣ избранія сеймоваго маршала, Репнинъ долженъ былъ истребовать себѣ аудіенцію предъ сеймомъ и представить декларацию, составленную въ Петербургѣ. Въ ней заступничеству Россіи за диссидентовъ дано такое объясненіе: постоянный отказъ сеймовъ взять справедливымъ жалобамъ диссидентовъ на несносныя притѣсненія, каковымъ они подвергаются съ нарушеніемъ всѣхъ законовъ, естественнымъ своимъ слѣдствіемъ можетъ имѣть „освобожденіе диссидентовъ отъ обязательствъ общежитія, въ выгодахъ коего имъ не приходится участвовать“; такое положеніе представляетъ очевидную опасность для республики, а Россія многими трактатами, заключенными не съ какою либо частью республики, а со всѣми ея гражданами, обязана пещись объ охранѣ республики и потому Россія не можетъ отказать въ своей защитѣ никакой части польскаго государ-

¹⁾ Сборникъ, т. LXVII, 9—20.

²⁾ Сборникъ, т. LXVII, 44—47.

ства; равенство въ дворянствѣ есть основа польской свободы и вѣрнѣйшая опора ея конституціи; лишеніе части дворянства многихъ привилегій его есть результатъ разныхъ смуть и несправедливость: всѣ конституціи, принятыя на сеймахъ въ предосужденіе правъ диссидентовъ, не могутъ имѣть значенія закона, общаго для всѣхъ утѣсняющихъ и утѣсенныхъ, „потому что нѣтъ, не было, да и быть не могло созволенія на оныя сихъ послѣднихъ, божь чего законы и не суть законы“; устраненіе такой несправедливости необходимо для того, чтобы обезпечить внутреннее спокойствіе Польши, и на обязанности Россіи лежитъ объ этомъ позаботиться, потому что Россія трактатами обязана охранять внутренніе порядки Польши ¹⁾. Въ рескриптѣ Репнину русскія требованія были изложены проще и опредѣленнѣе. Посоль долженъ былъ требовать для диссидентовъ полной свободы исповѣданія; русское правительство соглашалось допустить развѣ что нѣкоторые ограничительные пункты, „несущественные въ свободномъ отправленіи религіи“; что касается гражданскаго положенія диссидентовъ, то требовали возможно большаго возстановленія ихъ правъ, соглашаясь лишь на устраненіе ихъ отъ власти гетманской и министерской, но съ постановленіемъ зато, чтобы отъ большинства воеводствъ при двухъ депутатахъ католикахъ третій былъ диссидентъ, — опредѣленіе числа диссидентскихъ депутатовъ и сенаторовъ почитается было необходимымъ, чтобы на практикѣ не сократили его слишкомъ. Репнинъ долженъ былъ указывать, что противодѣйствіе католиковъ возстановленію правъ диссидентовъ объясняется до нѣкоторой степени ихъ желаніемъ сохранить исключительно для себя „всѣ гражданскіе привилегіи“; какъ ультиматумъ поставлено было требованіе для диссидентовъ права владѣть городскими старостствами. На случай же неудачи Репнинъ долженъ былъ заблаговременно созвать въ Варшаву достаточное количество диссидентовъ, чтобы они немедленно же могли составить конфедерацію. Кроме этого главнаго дѣла вниманію Репнина опять поручался вопросъ о границахъ, о бѣглыхъ, объ уничтоженіи новыхъ таможенъ, и особенно — вопросъ о заключеніи союза между Россією и Польшею.

¹⁾ Раумеръ замѣчаетъ по поводу этой деклараціи Россіи, что этотъ языкъ напоминаетъ принципы 1790 года—*Poleus Untergang*, 42. Дѣйствительно, эта декларація можетъ служить отличнымъ дополненіемъ къ тѣмъ страницамъ у Сореля, гдѣ онъ подобралъ изъ перемѣнскихъ государей и правителей XVIII вѣка мѣста, очень напоминающіе по своему духу идеи, какии проводила впоследствии революція—*Книжка и Фомининскимъ революціи* I. 126—127.

На встрѣчу этому рескрипту шло отъ Репнина письмо, въ которомъ онъ сообщалъ о своемъ разговорѣ съ княземъ А. Чарторижскимъ, воеводою русскимъ; разговоръ этотъ происходилъ, очевидно, по поводу послѣдняго письма Панина къ Чарторижскимъ. Князь Августъ рассыпался въ благодарностяхъ русскому двору и говорилъ, что будетъ оказывать сильнѣйшую поддержку всѣмъ его требованіямъ, но ни за что не хотѣлъ обѣщать, что примется за дѣло диссидентовъ такъ, какъ того требовали изъ Петербурга; онъ говорилъ, что и никто, вѣроятно, не рѣшится внести на сеймѣ предложеніе о дарованіи диссидентамъ столькихъ правъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, никогда на это не осмѣлился бы; на замѣчаніе же Репнина, что только что обѣщалъ свое сильнѣйшее содѣйствіе, онъ отвѣчалъ, что все имѣетъ свои границы; со своей стороны онъ отговаривалъ Репнина отъ всякихъ репрессалій противъ несклонныхъ на русскія требованія и просилъ объ удаленіи изъ Польши русскихъ войскъ; на это Репнинъ сказалъ съ полнымъ основаніемъ, что такъ какъ продолжается еще конфедерация, которая эти войска призвала и объявила дружественными, то и нельзя ихъ возвратить въ Россію¹⁾.

Сеймъ приближался и было очевидно, что Чарторижскіе намѣрены на немъ вести дѣла далеко не во всемъ согласно съ желаніями Россіи; во многихъ мѣстахъ они тайно отъ русскаго посла старались повліять на выборы пословъ²⁾. Дѣло усложнялось тѣмъ, что сеймъ собирался при существованіи конфедерации, „подъ узломъ конфедерации“, какъ тогда говорили, и, слѣдовательно, на немъ дѣла должны были рѣшаться большинствомъ голосовъ; такимъ образомъ являлась опасность, что Чарторижскіе и король проведутъ свои рѣшенія; единственнымъ средствомъ отвратить такой нежелательный исходъ дѣла—было уничтожить конфедерацию и Репнину поручено было озаботиться, чтобы къ сейму собралось въ Варшаву достаточное количество пословъ, чтобы можно было требовать и добиться распущенія конфедерации; виѣстѣ съ тѣмъ диссиденты должны были непосредственно вслѣдъ затѣмъ, какъ Репнинъ подастъ русскую декларацію, подать и сами не челобитье, а требованіе, чтобы они возстановлены были въ своихъ прежнихъ правахъ³⁾. Изъ Петербурга старались склонить Чарторижскихъ и короля провести диссидентское дѣло согласно съ

¹⁾ *Сборникъ*, т. LXVII, 76—96; 100—104; 129, 174.

²⁾ *Сборникъ*, т. LXVII, 109—114; *Herrmann*, V, 375.

³⁾ *Сборникъ*, т. LXVII, 102, 108, 116, 122.

желаніемъ Россіи, но въ то же время Репнинъ долженъ былъ заявлять, что Россія ни за что не отступится отъ начатаго, потому что теперь уже достоинство Россіи, честь и слава императрицы не позволяютъ оставить дѣло, такъ давно уже поднятое, объявленное предметомъ самаго живаго участія Россіи и уже такъ далеко проведенное, такъ много Россіи стоившее—года черезъ два-три Екатерина говорила о дѣлѣ диссидентовъ уже какъ о своемъ участіи въ отношеніяхъ, „выѣшаться въ которыя выпало на ея обязанность“. Репнинъ прямо заявлялъ, что необходимо дать ясно понять, что „не приведя дѣлъ нашихъ до желаемаго ея императорскимъ величествомъ края, нельзя королю помышлять ни о какой для себя новой пользѣ, а еще менѣе стремиться къ оной самымъ дѣломъ“¹⁾. Въ отвѣтъ на эти внушенія Станиславъ-Августъ написалъ къ своему представителю въ Петербургъ, графу Ржевусскому, нѣсколько писемъ, въ которыхъ говорилъ, что русскія требованія исполнить невозможно, что сама попытка въ этомъ направленіи приведетъ его къ гибели, восклицалъ, что корона, доставленная ему Россіей, будетъ для него одеждой Несса, въ которой онъ сгоритъ; „очень ясно вижу, писалъ онъ, ужасный выборъ, на который я буду вскорѣ вынужденъ, если императрица будетъ настаивать на своихъ повелѣніяхъ, ибо мнѣ придется или отказаться отъ столь дорогой для моего сердца и столь необходимой для моего царствованія и для моего королевства дружбы императрицы, или пришлось-бы мнѣ оказаться измѣнникомъ моему отечеству... я не могу измѣнить моему отечеству, если у императрицы остается хоть малѣйшее чувство благоволенія ко мнѣ... (?) я знаю, что сила все можетъ, но развѣ ее употребляютъ противъ тѣхъ, кого любятъ, чтобы принудить ихъ къ вещамъ, которыя они считаютъ величайшимъ зломъ?... Погибнуть ничего не значитъ, но погибнуть отъ руки, которую любишь — ужасно“²⁾. Авторъ письма, повидимому, дѣйствительно, считалъ себя въ положеніи трагическомъ; но у него совершенно не было мужественнаго духа, необходимаго не только для того, чтобы изъ этого положенія выйдти, но даже для того, чтобы оно не было положеніемъ трагикомическимъ; онъ совершенно невѣрно представлялъ себѣ отношенія и обязательства свои и Екатерины; онъ все еще воображалъ, что русская императрица тра-

¹⁾ *Сборникъ*, т. LXVII, 42, 43, 51, 56, 96, 113, 117 — 119, 168, 386, 395, 416 и др.; т. LXXXVI, 141, 152, 362, 390, 492, 501.

²⁾ *Сборникъ*, т. LXXVII, 138—139.

тила силы и средства своего народа единственно по своей личной прихоти. вовсе не думая о выгодѣ своего государства... Какимъ жесткимъ, но заслуженнымъ упрекомъ были слова императрицы въ отвѣтномъ письмѣ, что она удивляется затрудненію короля въ выборѣ между ея пріязнью и тѣми обязанностями, которыя кажутся ему съ этимъ чувствомъ несогласными...¹⁾ Панинъ отзывался, что письма короля къ Ржевусскому „обнажаютъ такое уныніе духа, какого мы въ немъ никогда не ожидали, съ такими притомъ въ оправданіе себѣ резонами, кои вмѣсто того къ вѣщему обличенію двойности и по крайней мѣрѣ ослѣпленія или слабости его служить могутъ“. Видя теперь, что ни Чарторижскіе, ни король русскихъ требованій не поддержать. Панинъ предписывалъ Репнину въ случаѣ необходимости во что-бы то ни стало добиться уничтоженія конфедераціи, сорвать тогда сеймъ—слѣдовательно помѣшать постановленіямъ, какія думали провести Чарторижскіе и король, затѣмъ образовать партію безъ участія Чарторижскихъ и приступить къ образованію новой конфедераціи, которая будетъ добиваться для диссидентовъ тѣхъ уступокъ, какія требуетъ для нихъ Россія²⁾. Около того времени король черезъ Ржевусскаго жаловался въ Петербургъ на недостаточность своихъ доходовъ и изъ Петербурга разрѣшилъ Репнину выдать ему 50.000 р.; пока просьба короля дошла до Петербурга и изъ Петербурга пришелъ на нее отвѣтъ, король сталъ держаться относительно русскихъ требованій совершенно несогласно съ желаніями Россіи; тѣмъ не менѣе, узнавши о томъ, что выдача денегъ ему разрѣшена, онъ обратился за ними къ Репнину; Репнинъ счелъ, однако, возможнымъ отказать королю въ этой выдачѣ, поставивъ ему на видъ его поступки, и въ Петербургѣ поведеніе Репнина одобрили...³⁾.

Сеймъ открылся 25 сентября (ст. стилия) 1766 г. Король передъ сеймомъ необыкновенно дѣятельно интриговалъ, просилъ совѣтовъ и помощи у всѣхъ партій, давалъ всевозможныя обѣщанія, не стѣсняясь постоянно противорѣчить себѣ; онъ надѣялся хитростью обмануть и подчинить себѣ ту силу, которая, какъ онъ самъ думалъ, все можетъ; конечно, все можетъ сила нравственная; съ нею трудно бороться силѣ матеріальной и въ концѣ концовъ всегда торжествуетъ

¹⁾ Сборникъ, т. LXVII, 154; это письмо Понятовскаго и отвѣтъ императрицы сообщены были Сольмсу и имъ Фридриху, (Сборникъ, т. XXII, 528—540.

²⁾ Сборникъ, т. LXVII, 145—148.

³⁾ Сборникъ, т. LXVII, 131, 132, 180; 49, 82.

первая; но именно нравственной-то силы, достоинства и правоты и не было въ поведеніи Станислава-Августа; хитростями и ложью высокой цѣли достичь невозможно...

Согласно предписаніямъ изъ Петербурга Репнинъ немедленно поднялъ вопросъ о диссидентахъ, но безъ успѣха. 30-го сентября епископъ краковскій Солтыкъ произнесъ по этому поводу фанатическую рѣчь; онъ говорилъ, что различіе религій для государства—позоръ и вредъ и на указанія древнихъ законовъ въ пользу диссидентовъ ссылался на еще болѣе древнія, идущія отъ временъ вселенскихъ соборовъ, постановленія противъ еретиковъ и на законы 1525 года, грозившіе смертью тому, кто будетъ слѣдовать ученію Лютера. Эта рѣчь произвела потрясающее впечатлѣніе, какое намъ трудно даже себѣ представить; тогдашнее польское общество, которое ужъ никакъ не менѣе, а скорѣе болѣе, чѣмъ другіе его современники, за бывало и презирало всѣ предписанія религій, способныя возвышать человѣка нравственно, проявляло необыкновенную ревность къ тѣмъ толкованіямъ религіозныхъ предписаній, которыя давали основаніе для притѣсненій однихъ другими. Король въ пышной рѣчи восхвалялъ Солтыка за его ревность къ вѣрѣ и сказалъ, что счастливъ царствовать надъ народомъ, который такъ горячо принимаетъ къ сердцу вопросы вѣры¹⁾.

Сеймъ, согласно постановленію избирательнаго сейма, прежде всякихъ другихъ дѣлъ занялся дѣлами экономическими, военными и судебными. 3-го октября партією Чарторижскихъ внесенъ былъ проектъ измѣненія порядка, какимъ должны быть обсуждаемы и рѣшаемы на сеймѣ „дѣла казенныя и военныя“. Репнинъ доносилъ, что „сей проектъ сочиненъ въ весьма генеральныхъ терминахъ, говоря, что эти дѣла должны на всегда всѣ рѣшены быть на сеймахъ множествомъ (то-есть, большинствомъ) голосовъ, не изъясняя, въ чемъ точно сіи матеріи состоятъ“. вмѣстѣ съ прусскимъ резидентомъ въ Варшавѣ, Бенуа, Репнинъ обратился къ Чарторижскимъ съ заявленіемъ, что по смыслу всѣхъ прежнихъ соглашеній, большинствомъ голосовъ могутъ быть принимаемы рѣшенія лишь относительно того, какъ распорядиться уже существующими доходами и существующими уже военными силами, но что введеніе новыхъ налоговъ и увеличеніе войскъ есть уже „матерія государственная“ и потому должно быть по прежнему установ-

¹⁾ *Beer, Die erste Theilung, I, 196—199; Сборникъ, т. LXVII, 120, 123—124, 165.*

лено лишь единогласно, ибо иначе уничтожается одно изъ важнѣйшихъ основаній польской вольности и польскаго государственнаго права, именно *liberum veto*. Произошелъ споръ, въ которомъ кн. Чарторижскій сказалъ, что Польша вольна у себя дѣлать какія ей угодно установленія—кн. Репнинъ отвѣчалъ, что, конечно, вольна, но что тогда и сосѣди вольны принимать эти постановленія, какъ хотятъ. что поляки, конечно, могутъ этотъ проектъ принять, но сосѣди, тѣмъ болѣе трактатами обязанные охранять внутренній строй Польши, не допустятъ, конечно, осуществить это постановленіе. Кн. Чарторижскій сказалъ, что лучше желалъ бы видѣть республику совсѣмъ уже завоеванною, чѣмъ въ такой зависимости; Репнинъ отвѣчалъ, что все поведеніе Россіи во время междуцарствія доказало, что Россія вовсе не желаетъ держать Польшу въ зависимости, но что нарушать фундаментальныхъ законовъ она не позволитъ¹⁾... Такъ препирались представители Польши, бразшіе отъ Россіи два милліона денегъ и думавшіе, что съ Россіи можно только брать, и представитель русскаго правительства, которое готово было давать русскія деньги тѣмъ полякамъ, которые ихъ просили, но которое считало своимъ долгомъ получить за это какія нибудь выгоды для своего народа и потому не хотѣло постановленій, какія находили желательными сами поляки; именно въ это время обратился Станиславъ-Августъ къ Репнину за деньгами, выдача ему которыхъ была разрѣшена; Репнинъ отказалъ, какъ мы видѣли; Панинъ хвалилъ Репнина за отвѣтъ его Чарторижскимъ и за отказъ королю...

Теперь Панинъ уже положительно предписалъ Репнину уничтожить конфедерацію, сорвать сеймъ и затѣмъ составлять новую конфедерацію изъ диссидентовъ и изъ недовольныхъ королемъ; онъ говорилъ, что придется уже на счетъ короля вознаграждать тѣхъ, которые изъ нашихъ противниковъ перейдутъ на нашу сторону²⁾.

Репнинъ успѣлъ склонить на свою сторону кн. Любомірскаго, гр. Ржевусскаго и другихъ и съ ихъ помощью конфедерація была распущена; теперь уже очевидно никакое рѣшеніе не могло пройти; введеніе большинства голосовъ не было принято, король предлагалъ передать вопросъ о правахъ диссидентовъ сеймовой комисіи изъ епископовъ, но Репнинъ отвѣтилъ, что Россія не можетъ признать епископовъ компетентными это дѣло рѣшить, потому что вопросъ лишь въ возстановленіи правъ, незаконно отнятыхъ у части поль-

¹⁾ *Сборникъ*, т. LXVII, 83, 103—104, 174—179.

²⁾ *Сборникъ*, т. LXVII, 177, 179.

скихъ гражданъ; по совѣту сенаторовъ и епископовъ король заявилъ Репнину, что не отвергаетъ принятыхъ имъ на себя предъ Россіею обязательствъ улучшить положеніе диссидентовъ, но что при коронаціи онъ произнесъ присягу заботиться о сохраненіи всѣхъ преимуществъ святой вѣры и что обязанность и чувство чести требуютъ, чтобы онъ дѣйствовалъ сообразно этой присягѣ¹⁾. Польскіе дѣятели никакъ не могли или не хотѣли отрѣшиться отъ той точки зрѣнія, что уступкою диссидентамъ они наносятъ оскорбленіе католической религіи; они говорили, что скорѣе всѣ поляки снова бросятся къ вѣнскому двору, чѣмъ рѣшатся на это; у Панина мелькало временами опасеніе, какъ бы „забубенные поляки“ не вздумали устроить диссидентамъ чего-либо въ родѣ сициліанской вечерни или варооломеевской ночи; на случай, еслибы Репнину пришлось услышать такіа угрозы, онъ былъ уполномоченъ заявить, что не совѣтуетъ объ этомъ помышлять, ибо твердость императрицы „можетъ ее и до того подвигнуть, что и во всей Польшѣ камень на камень едва ли устоитъ“²⁾. 19-го ноября сеймъ былъ сорванъ и не успѣлъ принять никакихъ важныхъ рѣшеній³⁾.

Послѣ разрыва сейма кн. Адамъ Чарторижскій обратился съ письмомъ въ Петербургъ, приписывая себѣ, что будто бы это онъ удержалъ короля отъ разныхъ нововведеній; ему отвѣтили любезно, но холодно⁴⁾. Панинъ писалъ въ то же время Репнину, чтобы новая конфедерация была устраняема безъ участія уже Чарторижскихъ и что во всякомъ случаѣ въ Польшу будутъ введены новые отряды русскаго войска; первоначально Панинъ думалъ начать конфедерацию въ февралѣ, но затѣмъ пришлось отложить ее до апрѣля, даже мая⁵⁾. Въ это же время потребовалось все искусство Панина и Обрѣзкова, чтобы успокоить Порту, на которую, наконецъ, начали оказывать дѣйствіе враждебныя Россіи внушенія представителей австрійскаго и особенно французскаго; впрочемъ, удалось сохранить спокойствіе со стороны Турціи; но съ каждымъ мѣсяцемъ это дѣлалось труднѣе и труднѣе⁶⁾. Въ апрѣлѣ 1767 года въ Петербургѣ была подписана между Россіей и Пруссіей новая конвенція по польскимъ дѣламъ,

¹⁾ *Вест.* Die erste Theilung, I, 199, 200; *Сборникъ*, т. LXVII, 208.

²⁾ *Сборникъ*, т. LXVII, 204, 208, 228, 244, 256, 279.

³⁾ *Соловьевъ*, книга VI, 430—441.

⁴⁾ *Сборникъ*, т. LXVII, 247—252.

⁵⁾ *Сборникъ*, т. LXVII, 252—256, 282.

⁶⁾ *Сборникъ*, т. LXVII, 190, 281, 282, 354, 355, 535, 588.

въ которой повторены были въ общихъ чертахъ основныя положенія коппенціи 1764 г. и прямо постановлено, что въ случаѣ вмѣшательства Австріи въ польскія дѣла король прусскій окажетъ Россіи помощь войскомъ. Россія же со своей стороны обѣщала ему поддержку всѣми силами, если Австрія станетъ воевать съ нимъ ¹⁾.

Распорядившись, чтобы въ Польшѣ образовывались конфедерации, Панинъ имѣлъ въ виду составить одну изъ диссидентовъ, другую изъ недовольныхъ правительствомъ католиковъ; при этомъ онъ имѣлъ въ виду особенно прежнихъ противниковъ Россіи, сторонниковъ саксонскаго дома, недовольныхъ избраніемъ въ короли Понятовскаго. Скоро вступили въ переговоры съ русскимъ правительствомъ князь Радзивиль, графы Флеммингъ, Грабовскій, Мнишекъ, Подосскій, только что передъ тѣмъ возведенный въ званіе примаса по смерти Лубенскаго, Потоцкій, Браицкій, Сапѣга, Бржостовскій, баронъ Гольцъ; въ теченіе мая 1767 въ Польшѣ и Литвѣ состоялось до 178 собраній шляхты и на нихъ до 80.000 дворянъ подписали постановленія о желательности провозгласить конфедерацию ²⁾. Радзивиль просилъ прощенія у русскаго правительства и получилъ обратно свои огромныя имѣнія, принявъ на себя обязательство выдать изъ нихъ всѣхъ русскихъ бѣглыхъ и въ спонхъ имѣніяхъ возвратитъ православнымъ всѣ церкви, у нихъ отнятыя, и не собирать никакихъ пошлинъ съ проѣзжихъ русскихъ купцовъ. Баронъ Гольцъ былъ избранъ маршаломъ диссидентской конфедерации въ Польшѣ, графъ Грабовскій—маршаломъ диссидентской конфедерации въ Литвѣ, графы Мнишекъ, Потоцкій и Бржостовскій маршалами отдѣльныхъ католическихъ конфедераций. 22-го мая открылась первая католическая конфедерация въ Вильнѣ.—недовольныхъ королямъ и господствующею партией; вскорѣ католическія конфедерации были объединены въ генеральную, въ Радомѣ, въ присутствіи самого Репнина и сильнаго русскаго отряда ³⁾. Панинъ предприсылалъ Репнину установить согласіе между всѣми конфедерациями, но не сливать въ одно католическую и диссидентскую, чтобы послѣдняя спосилась съ перпою самостоятельно и какъ равноправная, а не была бы ею поглощена; акты, поданные диссидентами при объявленіи конфедерации, были составлены Репнинымъ и

¹⁾ *Мартенсъ*, Собраніе трактатовъ. VI, 42—48; *Сборникъ*, т. XXXVII, 68—78.

²⁾ *Костомаровъ*, Последніе годы Речи Посполитой, I, 108.

³⁾ *Сборникъ*, т. LXVII, 363, 379, 382, 398—406, 426, 434, 472, 482, 486, 512—514, 540, 560 и др.; *Beer*, Die erste Theilung, I, 207; *Костомаровъ*, I, 110.

заслужили полное одобреніе Панина; но диссидентамъ было внушено, чтобы официально они не выставляли особенно на видъ участіе Россіи, а упоминали бы ее лишь наравнѣ съ другими державами, имѣвшими право заступничества за диссидентовъ: Россія обѣщала сама объявить о своемъ участіи, когда и какъ найдетъ это нужнымъ; диссидентамъ выдано было на конфедерацию 20.000 червонцевъ. Конфедераты-католики выставляли на видъ преимущественно попытку Чарторижскихъ и короля нарушить основные законы, обезпечивающіе волюность и равенство; въ числѣ вступившихъ въ соглашеніе съ Репнинымъ былъ и такой ревностный противникъ диссидентовъ, какъ епископъ краковскій Солтыкъ; совершенно ясно понимая, что эти стороны далеко не вполне намъ преданы и надежны, Панинъ находилъ, однако, нужнымъ поддерживать съ ними сношенія, чтобы, поднявши какъ можно болѣе враговъ противъ короля, скорѣе принудить его и его партію къ уступкамъ¹⁾.

Конфедератин объявили русскія войска союзными и особымъ посольствомъ просили императрицу о покровительствѣ и охраненіи старыхъ законовъ; пріемъ этого посольства состоялся съ особенною пышностью; изъ Москвы въ Петербургъ была специально доставлена большая императорская корона²⁾. Король польскій лишенъ былъ почти всякихъ доходовъ и всякой почти тѣни власти. Онъ попробовалъ обратиться съ просьбою о заступничествѣ въ Вѣну; тамъ сдѣлали небольшія военныя движенія; съ русской стороны не обратили на нихъ никакого вниманія и австрійцы далѣе не пошли; что касается Фридриха, то его посланникъ въ Варшавѣ представилъ декларацію, составленную въ Петербургѣ Сольмсомъ при ближайшемъ участіи Панина. Станиславъ-Августъ обратился къ Репнину, пытался удержать его отъ согласныхъ дѣйствій съ конфедератами и отъ созыва чрезвычайнаго сейма; Репницъ, понятно, отвѣтилъ отказомъ; тогда Станиславъ-Августъ объявилъ, что подчиняется требованіямъ Россіи и обѣщалъ со своей стороны полное содѣйствіе видамъ Россіи на предстоящемъ сеймѣ. Панинъ со своей стороны считалъ необходимымъ, чтобы всѣ, согласившіеся составить по требованію Россіи конфедерацию, согласились не требовать сверженія короля; онъ, какъ впоследствии высказался

¹⁾ Совершенно невѣрно изображаетъ отношенія Панина къ этой конфедерации *Костомаровъ*, *Последніе годы Речи Посполитой*, I, 107.

²⁾ *Сборникъ*, т. XXXVII, 86—90; т. LXXXVII, 376—378; *Костомаровъ*, I, 108; *Русскій Архивъ*, 1867, 959.

однажды совершенно прямо, не стоялъ яменшо за Станислава-Августа, онъ говорилъ, что „персона“ тутъ ничего не значить, но считалъ, что нельзя допустить этого, чтобы не показалось, что Россія не въ силахъ отстоять „перваго ея непосредственно сооруженнаго дѣла“¹⁾. Панинъ поручилъ Репнину быть въ этомъ отношеніи очень твердымъ и дать конфедератамъ ясно понять, что во всякомъ случаѣ Россія менѣе пуждается въ нихъ, чѣмъ они въ Россіи, и принудить ихъ удовольствоваться отъ короля нѣкоторыми пожалованіями и награжденіями, и не требовать сверженія Станислава-Августа съ престола; депутаты конфедератовъ, явившіеся въ Петербургъ, услышали то же самое прямо отъ Панина и должны были обѣщать исполнить требованія Россіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Панинъ постоянно твердилъ Репнину, что, видѣвши уже одинъ разъ со стороны короля явное доказательство нетвердости его убѣжденій, нельзя ему вполне довѣрять, нельзя, въ видахъ соглашенія съ нимъ, жертвовать близостью съ его противниками, потому что иначе онъ опять можетъ вдругъ переменить свое поведеніе, и мы снова рискуемъ остаться безъ своей партіи въ Польшѣ²⁾. Католики, приступившіе къ конфедерации въ надеждѣ свергнуть Станислава-Августа, увидавъ, что Россія удовольствовалась его раскаяніемъ и съ нимъ примирилась, были этимъ очень недовольны и многіе изъ нихъ рѣшили всѣми силами противодѣйствовать какимъ бы то ни было уступкамъ въ дѣлѣ диссидентовъ³⁾.

Въ виду предстоящаго сейма Панинъ далъ Репнину новую инструкцію. Теперь, основываясь на томъ, что конфедерация просила объ охранѣ Россіею польской вольности, Панинъ указывалъ Репнину первымъ пунктомъ его „сеймическихъ операций“—добиться отъ республики, чтобы она испросила себѣ у Россіи „единожды на всегда“ ручательства въ сохраненіи всей ея конституціи; затѣмъ посолъ долженъ былъ достигнуть возстановленія диссидентовъ „до такой высокой степени свободы и равенства съ католиками, до какой только въ настоящемъ столь важномъ положеніи дѣлъ безъ явныхъ непріятельскихъ дѣйствій человѣчески достигнуть можно будетъ“; онъ говорилъ, что „нельзя и непристойно намъ теперь довольствоваться тѣмъ, въ чемъ наше послѣднее слово было на прошедшемъ сеймѣ,

¹⁾ Сборникъ, т. XCVII, 47, 127, 146, 171.

²⁾ Сборникъ, т. LXVII, 283, 289, 304, 309, 310, 359, 360, 363, 365, 385, 391, 408, 415, 420—423, 461, 467, 471 и др.

³⁾ Сборникъ, т. LXXXVII, 378—379, т. XXXVII, 82.

ибо разница обстоятельствъ, а особливо мѣръ тогдашнихъ и настоящихъ, съ движеніемъ столь знатнаго корпуса войскъ, требуетъ по пропорціямъ усиленія оныхъ требовать и умноженія диссидентамъ выгоды". Панинъ желалъ теперь почти полнаго равенства ихъ съ католиками, предлагая этихъ послѣднихъ вознаградить признаніемъ закономъ католичества господствующею религіею, съ узаконеніемъ, что король долженъ быть непременно католикомъ, и что за переходъ изъ католичества въ другое исповѣданіе будетъ положено наказаніе. Панинъ толковалъ, что это большія преимущества, такъ какъ король католикъ всегда будетъ награждать больше католиковъ; но, конечно, было совершенно очевидно, что это лишь искусственное объясненіе и что подобное признаніе католичества господствующею религіею, ничего не прибавитъ къ тому положенію, въ какомъ оно фактически въ Польшѣ находилось. вмѣстѣ съ тѣмъ Панинъ рѣшительнымъ образомъ отклонялъ даже разсужденіе о томъ, чтобы наравнѣ съ православными епископами были допущены въ сенатъ и униатскіе, заявляя, что ихъ надо разсматривать какъ отщепенцевъ отъ православія, не присоединившихся вмѣстѣ съ тѣмъ и къ католичеству и бывшихъ первыми орудіями утѣсненія православныхъ. Панинъ говорилъ, что скорѣе готовъ отступить отъ требованія, чтобы православные епископы допущены были въ сенатъ, чѣмъ согласиться, чтобы допущены были туда съ ними и униатскіе ¹⁾).

Когда приблизился сеймъ, король и примасъ заговорили съ Репнинимъ о томъ, что, по ихъ мнѣнію, необходимо было сдѣлать въ польскомъ законодательствѣ. Они предлагали, въ сущности, то же, чего добивались Чарторижскіе, только въ нѣсколько болѣе смягченной формѣ и въ болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ. Они желали, чтобы законы польскіе были раздѣлены впредь на три части: кардинальные, государственные и экономическіе; первые должны были быть объявлены неотмѣняемыми даже для конфедераціи, вторые могли быть измѣняемы не иначе какъ единогласно, то-есть оставались подъ *liberum veto*, и третья—могли быть измѣняемы на сеймахъ большинствомъ голосовъ. Князь Репнинъ въ общемъ склонялся на эти предложенія, но Панинъ въ ноябрѣ 1767 г. отвѣтилъ, что считаетъ нужнымъ узаконить навсегда твердо *liberum veto* и никакихъ новостей въ польское государственное устройство не вводитъ; онъ ссылаясь на то, что всѣ сосѣднія державы и безъ того съ завистью и неудоволь-

¹⁾ Сборникъ, т. LXVII, 284, 302, 387, 389, 410, 411 и др.

ствіемъ смотрять на то, что Россія принимаетъ такое близкое участіе въ дѣлахъ Польши и что довольно важныя перемѣны въ ея устройствѣ, введенныя при содѣйствіи Россіи, еще болѣе усилятъ эти чувства; короля при этомъ Панинь просилъ увѣрить, что такъ поступаетъ Россія единственно по вышеуказаннымъ соображеніямъ, а вовсе не подъ вліяніемъ жалобъ. принцессыныхъ на него конфедератами. Панинь видѣлъ, что сохраненіемъ въ неприкосновенности *liberum veto* Польша будетъ оставлена въ прежней слабости, между тѣмъ какъ онъ отчасти разчитывалъ на нее, какъ на довольно замѣтную силу въ сѣверной системѣ, но онъ утѣшался соображеніями, что въ случаѣ нужды всегда возможно будетъ путемъ конфедерацій пользоваться силами Польши¹⁾. Въ это именно время Фридрихъ представилъ Панину черезъ Сольмса свои соображенія о необходимости сохранить въ Польшѣ *liberum veto*. Панинь отвѣтилъ довольно любезно, но въ выраженіяхъ, не допускающихъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что принятыя имъ въ данномъ случаѣ рѣшенія были приняты совершенно самостоятельно, а вовсе не подъ вліяніемъ внушеній Фридриха²⁾.

Въ сентябрѣ 1767 г. въ Варшаву съѣхались послы на сеймъ. Одинъ изъ нихъ, Кожуховскій, очень рѣзко говорилъ противъ того, чтобы начинать сеймъ въ присутствіи русскихъ войскъ; Реннинъ велѣлъ его арестовать³⁾. Этотъ примѣръ строгости подѣйствовалъ. 23-го сентября (старого стиля) сеймъ открылся, но при настроеніи далеко не спокойномъ; сдерживали волненіе въ границахъ значительныя отряды русскихъ войскъ, стоявшіе подъ Варшавой. Король заявилъ, что онъ присоединяется къ конфедерации и предложилъ, по предварительному соглашенію съ Реннинымъ, чтобы назначена была сеймовая коммисія, которая бы окончательно рѣшила всѣ предложенныя Россіей вопросы, а слѣдующій бы сеймъ утвердилъ это рѣшеніе. Солтыкъ, теперь перешедшій въ ряды самыхъ ожесточенныхъ противниковъ Россіи за примиреніе ея съ королемъ, энергически возсталъ противъ того, чтобы дать коммисіи право окончательно рѣшить этотъ вопросъ: было очевидно, что теперь, при существованіи конфедерации, Россіей и устроенной, на сеймѣ будутъ выбраны члены коммисіи, которые все сдѣлаютъ въ угоду Россіи; стоило послѣ этого собрать новый сеймъ

1) *Сборникъ*, т. LXVII, 515—521.

2) *Сборникъ*, т. LXVII, 527—530 и *Сборникъ*, т. XXXVII, 103—119, особ. 115.

3) *Костомарова*, I, 115; *Соловьева*, книга VI, 490.

опять при конфедерации и эти рѣшенія получили бы силу закона. Солтыкъ опять провнесъ страстную рѣчь, которая взволновала собрание ¹⁾; за нимъ говорилъ въ томъ же духѣ Венцеславъ Ржевусскій, воевода краковскій; возбужденіе еще усилилъ напскій нушцій, обнародовавшій два бреве, взывавшіе къ католикамъ о защитѣ вѣры. Возбужденіе дошло до того, что Репнинъ счелъ, наконецъ, нужнымъ воспользоваться давно уже полученнымъ на случай крайности разрѣшеніемъ и приказалъ, въ ночь со 2-го на 3-е октября стараго стиля, арестовать епископовъ краковского Солтыка и кіевского Залусскаго и воеводу краковского, графа Венцеслава Ржевусскаго съ сыномъ Севериномъ, какъ оскорбителей величества. Подъ сильнымъ конвоемъ они были высланы изъ Варшавы и поселены въ Калугѣ ²⁾. На другой день сенаторы обратились къ королю, чтобы онъ потребовалъ объясненій у Репнина по поводу такого дѣйствительно безпримѣрнаго въ исторіи поступка; король отвѣтилъ, что все зависитъ отъ Репнина, но согласился, чтобы три сенатора попросили у него объясненія отъ его имени; Репнинъ отвѣтилъ: „я обязанъ объяснять свои поступки только своей государынѣ!“; этотъ отвѣтъ заставилъ замолчать весь сеймъ ³⁾. Когда теперь сейму предложено было, чтобы назначено было

¹⁾ *Beer*, Die erste Theilung, I, 202—218. Сколь неумѣренно горячи и страстны были часто рѣчи въ защиту святой католической вѣры, столь же странными, дѣтскими представляются иные планы, составлявшіеся для ослабленія въ Польшѣ православія и пользовавшіеся въ свое время вниманіемъ. Такъ, наиримѣръ, въ одномъ изъ нихъ, помимо разсужденій, что слѣдуетъ держать православное население въ невѣжествѣ, чтобы легче отворотить его затѣмъ отъ вѣры отцовъ—эту мысль, впрочемъ, надо оцѣшивать главнымъ образомъ не стороны ея наивности!—встрѣчаемъ слѣдующія предложенія: разбрасывать сочиненія, написанныя противъ короля и вѣры и якобы написанныя православными, избрать короля, не неприятнаго Россіи, чтобы онъ усилилъ бдительность Россіи, и незаметно отъ нея (1) искоренить тогда въ Польшѣ православіе. — См. *Ученіи Московскаго общества исторіи и древностей*, 1862, II, 1—58; *Ученіи*, 1871, III, 1—34—подобныя же по характеру разсужденія о диссидентахъ; см. еще любопытныя „*Untersuchungen des Systems der Höfe von Wien, Peteraburg und Berlin in Anschauung der Zergliederung von Polen*“ 1773 (перевѣданіе 1866 г.).

²⁾ Живыя подробности объ арестованіи и путешествіи арестованныхъ въ „*Извѣстіи о походѣ С. С. Пашевича*“, М. 1863, 533—555.

³⁾ Фридрихъ тоже былъ очень встревоженъ поступкомъ Репнина и боялся очень печальныхъ послѣдствій его; но Панинъ еще раньше при извѣстіяхъ о началѣ сейма, отъиваясь съ крайнимъ неудовольствіемъ о поднимающихся на немъ затрудненіяхъ, говорилъ, что предприметь арестовать Солтыка, но ни разу не высказывалъ сомнѣнія въ томъ, что проведены будутъ на сеймѣ желательныя рѣшенія. — *Сборникъ*, т. XXXVI, 93—94, 97—98.

60 пословъ и чтобы они изъ своей среды избрали 14 членовъ, которые бы и постановили рѣшеніе по тѣмъ вопросамъ, которые подняты были Россіей, то небольшое число присутствовавшихъ выразило согласіе; всѣ остальные молчали; поэтому было объявлено, что предложеніе принято; король назначилъ въ эту комиссію членовъ изъ сенаторовъ, маршалъ конфедераціи—изъ пословъ, съѣхавшихся на сеймъ; затѣмъ сеймъ былъ отсроченъ ¹⁾).

Съ назначеніемъ уполномоченной сеймовой комисіи связанъ еще одинъ любопытный для насъ эпизодъ: Фридрихъ II выражалъ довольно настойчиво желаніе, чтобы къ участію въ переговорахъ съ комиссіей былъ допущенъ и прусскій посланникъ въ Варшавѣ. Бенуа; но Панинъ предписалъ Репнину отклонить это подъ тѣмъ предлогомъ что комиссія уполномочена сеймомъ вести переговоры только съ нимъ и что допущеніе еще кого-либо можетъ повести за собою объявленіе рѣшеній комисіи недѣйствительными. Панинъ понималъ, что отказъ этотъ будетъ непріятенъ Фридриху, но считалъ тѣмъ не менѣе его совершенно возможнымъ, потому что вообще все польское дѣло Россія вела вполне самостоятельно; Панинъ ожидалъ, что „зависть короля прусскаго къ столь превосходной нашей въ Польшѣ поверхности будетъ, станетъ легко, и далѣе продолжать въ наведеніи подъ рукою новыхъ препопъ и трудностей успѣху негодіацій нашихъ“, но былъ увѣренъ, что онъ „явнымъ образомъ негодіованія противъ нашихъ дѣлъ и успѣховъ не окажетъ, а довольствоваться будетъ одними потаенными внушеніями, кои и можно ему, какъ неудобъ отвратимыя, оставить на волю“ и продолжать начатое дѣло нами въ Польшѣ по прежнему, совершенно самостоятельно, не только безъ вліянія, но почти и безъ участія Фридриха ¹⁾).

Уполномоченная комиссія окончила свои занятія 8-го ноября стараго стilia. Она приняла слѣдующія постановленія: католическая религія объявляется господствующею; король и королева должны непременно принадлежать къ ней и предложеніе возвести на престолъ не-католика наказывается смертною казнью; переходъ изъ католичества въ другую религію воспрещенъ; при смѣшанныхъ бракахъ, если въ брачномъ контрактѣ не поставлено особыхъ условій, сыновья слѣдуютъ религіи отца, дочери религіи матери; диссиденты получаютъ свободу совѣсти и богослуженія и въ церковныхъ дѣлахъ избавляются отъ

¹⁾ *Соловьевъ*, книга VI, 490—497; *Достоевскій*, I, 118—120; *Вест.*, I, 213—217.

²⁾ *Сборникъ*, т. LXVII, 554—556, 566, 567; т. XXXVII, 125, 129.

юрисдикціи католиковъ, не платятъ податей въ пользу католическаго духовенства; восстанавлиются еще двѣ православныя епархіи, въ Оршѣ и Могилевѣ; во всѣхъ гражданскихъ правахъ диссиденты вполне уравниваются съ католиками. Всѣ эти постановленія объявляются въ числѣ основныхъ законовъ республики; запрещается даже предлагать ихъ отмѣну; они ставятся подъ защиту Россіи, Пруссіи, Швеціи и Даніи; *liberum veto* восстанавливается во всей силѣ и Россія принимаетъ на себя гарантію и охраненіе всѣхъ вообще законовъ Польши и всего ея устройства; эта послѣдняя гарантія, которою особенно дорожилъ Панинъ, принята была не смотря на довольно явное противодѣйствіе этому со стороны Бенуа ¹⁾.

Прежде чѣмъ эти постановленія утверждены были сеймомъ, Репнинъ написалъ Панину замѣчательное письмо, въ которомъ старался склонить его къ нѣкоторымъ уступкамъ въ Польшѣ ²⁾. Нѣсколько разъ Репнинъ повторяетъ, что въ эту минуту въ Польшѣ „сила наша все можетъ“ и что онъ исполнитъ все, что ему прикажутъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старается доказать, что излишняя настойчивость въ данномъ случаѣ будетъ вредна для Россіи же. Онъ говоритъ, что всѣ мало-мальски порядочные люди въ Польшѣ желаютъ нѣкоторыхъ преобразованій и если ихъ оттолкнуть рѣшительнымъ сопротивленіемъ ихъ желаніямъ, то придется дѣла дѣлать съ людьми, которые не достойны никакого уваженія, не пользуются никакимъ вліяніемъ и связь съ которыми потребуетъ отъ Россіи постояннаго примѣненія военной силы, что, конечно, неудобно; по словамъ Репнина быть можетъ одинъ Радзивилъ согласится поддерживать русскія требованія во всемъ ихъ объемѣ, но о Радзивилѣ Репнинъ даетъ самый ужасный отзывъ; „кто захочетъ, говоритъ онъ, съ такимъ безобразнымъ человекомъ дѣло имѣть, уже двѣ недѣли онъ такъ пьлъ, что съ постели все время не въ состояніи встать и лежучи всякій день сіе безобразіе продолжаетъ“; Радзивилъ предъявляетъ къ коронѣ польской совершенно неосновательныя денежныя претензіи и конечно хотѣлъ бы, по словамъ Репнина, завладѣть всеми богатствами, какими только можно. Въ отвѣтъ на замѣчаніе Панина, что намъ нельзя допускать никакихъ измѣненій въ польскомъ устройствѣ изъ опасе-

¹⁾ *Соловьевъ* т. XXVII, 248, 258; *Beer*, I, 219—222.

²⁾ *Сборникъ*, т. LXXXVII, 279—286; по ошибкѣ въ Сборникѣ это письмо помѣщено между документами декабря 1768; но датировано оно правильно—11-го декабря 1767 г.

пія ревности сосѣдей. Репнинъ обстоятельно передаетъ свой разговоръ съ Бенуа и говоритъ, что Бенуа соглашается отъ имени своего двора на тѣ уступки, какихъ Репнинъ проситъ у Папина ¹⁾).

Это замѣчательное письмо произвело впечатлѣніе; императрица написала на немъ: „Гр. Никита Ивановичъ, вы можете приказать приготовить отвѣты въ силѣ того, на чемъ мы согласились, ибо лишь бы остался намъ способъ имѣть пользу отъ либерумъ потумъ, то для чего бы не дозволить пользоваться сосѣдямъ нѣкоторымъ намъ индифферентнымъ порядкомъ, который еще и намъ иногда можетъ въ пользу оборотиться“ ²⁾). Очевидно, въ исполненіе высказаннаго тутъ императрицей

1) Костомаровъ находитъ въ дѣйствіяхъ Репнина заступничество за поляковъ и объясняетъ это его отношеніями къ одной прекрасной полькѣ—Послѣдніе годы Речи Посполитой, I, 112, 120, 121; Германъ говоритъ о ежегодной пенсіи, которую, будто бы Репнинъ получалъ отъ Станислава-Августа—*Geschichte des russ. Staates*, V, 373, 405; Веръ этого обвиненія не повторяетъ; очевидно, что доказать честность Репнина, конечно, нельзя, но нужно, конечно, привести доказательства его безчестности, чтобы обвинять его въ полученіи денегъ отъ Польши; намъ такія доказательства неизвѣстны. Сольмсъ говоритъ только, что Репнинъ не умѣетъ избѣжать сѣтей, какія ему разставляетъ дворъ и слишкомъ поддается вліянію короля—*Сборникъ*, т. XXXVII, 117 и др. Вопросъ о православныхъ, кромѣ того, по крайней мѣрѣ въ перепискѣ съ Панинымъ, Репнинъ никогда не ставилъ такъ, какъ изображаетъ его постановку Костомаровъ (I, 112—113). Но денежкамъ Репнина можно только заключать, что онъ не представлялъ себѣ съ такою же ясностью какъ Панинъ возможность получать отъ Польши различныя выгоды, добившись отъ нея признанія равноправности за диссидентами; но и онъ говорилъ, что не надо доводить диссидентовъ до положенія вполне хорошаго для того, чтобы они постоянно нуждались въ поддержкѣ Россіи и, слѣдовательно, слушались бы ея — см. *Соловьевъ*, т. XXVI, 61.

2) Въ виду часто повторяющихся утвержденій, что Екатерина и Панинъ существенно расходились во взглядахъ, чрезвычайно интересно сопоставить эту замѣтку Екатерины въ концѣ 1767 г. съ передачею Сольмсомъ, еще въ 1764 г. словъ Панина: „ему (Панину) кажется, пишетъ Сольмсъ, что было бы немного жестоко останавливать попытку поляковъ выйдти изъ состоянія варварства... тѣмъ болѣе, что подомышленіе права разрывать сеймъ можетъ быть столько же полезно для системы обонхъ дворовъ, сколько и вредно, смотря по тому, что они пожелаютъ“—*Сборникъ*, т. XXII, 327. Веръ — I, 186, и Соловьевъ — книга VI, 64 — думаютъ, что Панинъ склоненъ былъ поднять Польшу изъ ея анархія, но что Екатерина этого не пожелала и не допустила. Въ дипломатической перепискѣ русскаго министерства замѣчается и то и другое возрѣніе; но нельзя, кажется, доказать, чтобы первое принадлежало Панину, а второе императрицѣ; несомнѣнно, они соотвѣтствуютъ разнымъ эпохамъ: сначала, когда въ Петербургѣ надѣялись, что удастся руководить Польшею вполне, думали дать ей возможность развить свои силы; но съ 1767 г., когда убѣдились въ неосновательности такой

желанія, Панинъ сообщилъ Репнину рѣшеніе императрицы, которое, по его словамъ, должно было служить „доказательствомъ искренняго доброжелательства императрицы и попеченія ея объ истинной пользѣ республики“: императрица согласилась на предложенное, какъ мы выше упомянули, раздѣленіе предметовъ, подлежащихъ обсужденію на сеймѣ, на три разряда, съ тѣмъ только, чтобы по прежнему veto одного посла по какому либо вопросу, признаваемому „государственнымъ“ уничтожало и ранѣе принятыя на этомъ сеймѣ по этимъ же вопросамъ постановленія, затѣмъ, чтобы сеймы не могли быть продолжаемы долѣе узаконеннаго шестинедѣльнаго срока иначе, какъ по единогласному рѣшенію; кромѣ того должно было быть строго опредѣлено, что понимается подъ именемъ „вопросовъ экономическихъ“, которые предположено было рѣшать впредь не единогласно, а по большинству голосовъ ¹⁾). Вновь созванный сеймъ принялъ всѣ эти постановленія 21-го февраля стараго стиля 1768 г. ²⁾).

Такимъ образомъ, Панинъ достигъ всѣхъ цѣлей, поставленныхъ имъ себѣ относительно Польши: на престолѣ сидѣлъ кандидатъ Россіи, Польша уступила всѣмъ требованіямъ Россіи относительно диссидентовъ, заключила 13-го февраля стараго стиля оборонительный союзъ съ Россіей ³⁾ и, чѣмъ Панинъ особенно дорожилъ, поставила всѣ свои учрежденія подъ гарантію Россіи ⁴⁾). Репнинъ получилъ

надежды—говорятъ уже положительно о сохраненіи Польши „въ ея моральномъ небытіи“ и, какъ мы видѣли въ текстѣ, скорѣе Екатерина склонялась къ уступкамъ въ пользу поляковъ, чѣмъ Панинъ.

¹⁾ *Сборникъ*, т. LXVII, 588.

²⁾ *Неггманн*, V. 428—429, 430; *Wiesmann*, въ своемъ очень добросовѣстномъ и полезномъ трудѣ, *Chronologische Uebersicht der Russische Geschichte von der Geburt Peters des Grossen*, Leipzig, 1825, II, 26, допустилъ ошибку: онъ даетъ днемъ принятія этихъ постановленій 8-го ноября ст. ст. 1767 г.,—то-есть, день распушенія сейма предъ началомъ работъ избранной комиссіи.

³⁾ *Полное Собраніе Законовъ*, № 13071.

⁴⁾ Костомаровъ находитъ—Послѣдніе годы Речи Посполитой, I, 121—123,—что принятыя на послѣднемъ сеймѣ рѣшенія легко могли быть обращены на пользу Польши: гарантія Россіи могла, по его мнѣнію, обуздать въ Польшѣ безпорядки и самоуправство, воспитать въ полякахъ свойства, которыя бы доставили ихъ государству силу и благоустройство, а затѣмъ и возможность быть совершенно независимыми; *liberum veto*, по мнѣнію Костомарова, если препятствовало многимъ хорошимъ мѣрамъ, то препятствовало и многимъ дурнымъ. Страннымъ образомъ Костомаровъ считаетъ повидимому несомнѣннымъ, что Россія, та сила, которая и дала эту, якобы благотворную, гарантію, допустила бы усиленіе Польши, хотя постоянно говорили и въ Петербургѣ и въ Берлинѣ, что слабость Польши вы-

орденъ Александра Невскаго и 50.000 р., Радзивиль, примасть и ихъ родственника также получили ордена; много орденовъ было дано и съ польской стороны русскимъ дѣятелямъ. Панинъ поздравлялъ и благодарилъ Репнина, что сдѣлать дѣло лучше, чѣмъ сдѣлалъ онъ, и невозможно было. Съ спокойствіемъ довольнаго полнымъ своимъ успѣхомъ человекѣ онъ говоритъ о проявленіяхъ досады Фридриха за то, что онъ не былъ приглашенъ вмѣстѣ съ Россіей гарантировать внутреннее устройство Польшы. Бросая общій взглядъ на дѣйствія въ Польшѣ свои и Фридриха, Панинъ ясно видитъ, что Фридрихъ принималъ въ нихъ несравненно меньшее участіе, что сначала въ его поведеніи замѣтна была неувѣренность въ успѣхѣ и нерѣшительность; желаніе его присвоить себѣ равное съ русскимъ участіе въ нихъ въ послѣднюю минуту, когда всѣ дѣйствія Россіи увѣичались полнымъ успѣхомъ, Панинъ понимаетъ, но не считаетъ нужнымъ исполнѣ его удовлетворить. Разъясняя все это Репнину, Панинъ въ другомъ письмѣ, одновременно говорилъ по поводу поведенія папскаго пунція въ дѣлѣ о диссидентахъ. Панинъ, въ дѣйствительности имѣлъ, конечно, простую цѣль—устранить возможную опасность для только что законченныхъ предпріятій; токъ письма нѣсколько страстный для документа, исходящаго отъ Панина; но оно все-таки очень любопытно по тѣмъ соображеніямъ, какія Панинъ указываетъ какъ пригодныя для того, чтобы отвращать вмѣшательство папы: теперь, когда дѣло диссидентовъ признано и узаконено республикою—нанести на него, порочить его—значитъ оскорблять республику; если бы папскія внушенія оказались въ силѣ какъ либо повліять на принятія республикою рѣшенія, и измѣнить ихъ — то сосѣднія державы, увидавши, что трактаты и обязательства недѣйствительны для республики, ибо папа можетъ помѣшать имъ, должны будутъ и со своей стороны не считать себя связанными предъ Польшею какими бы то ни было обязательствами. Эти соображенія подкрѣпляются еще раз-

годна для ея сосѣдей; такой взглядъ былъ даже общимъ мѣстомъ для политиковъ XVIII вѣка; очевидно, вмѣстѣ съ тѣмъ, что существованіе русской гарантіи вовсе не облегчало полякамъ борьбу съ этою силою. Что касается до упоминаемой Костомаровымъ возможности пользы отъ *liberum veto*, то очевидно, что она могла бы быть замѣтна лишь въ томъ случаѣ, если въ государствѣ имѣли бы преобладаніе элементы, стремившіеся провести постановленія вредныя для государства и если бы такія постановленія предлагались бы чаще, чѣмъ полезныя. Но очевидно же, что государство съ преобладаніемъ такихъ элементовъ все равно ни въ чему хорошему придти не могло.

сужденіями, что для Польши позорно въ просвѣщенный вѣкъ слишкомъ поддаваться внушеніямъ фанатизма. Въ то же самое время Панинъ съ удовольствіемъ говорить о возможности въ ближайшемъ же будущемъ примѣнить къ дѣлу русскую гарантію. Увѣряя въ письмѣ къ Станиславу-Августу, что единственною цѣлью его было скрѣпить союзъ обоихъ государствъ, обоимъ имъ равно выгодный, Панинъ въ перепискѣ съ Репнинымъ не скрываясь выражаетъ желаніе, чтобы Польша навсегда осталась въ томъ положеніи, въ какое ее поставили, говорить, что Россія приложитъ всѣ усилія, пойдетъ и на войну, чтобы такое положеніе дѣлъ сохранить. Панинъ не хотѣлъ въ это время соглашаться ни на какія уступки въ дѣлѣ диссидентовъ, хотя бы они и сами были согласны отречься отъ части своихъ новыхъ правъ. Что за два года передъ тѣмъ было хорошо, пишетъ Панинъ, то теперь уже не примѣнимо; теперь, послѣ всѣхъ нашихъ усилій, только какая нибудь послѣдняя крайность, „чего мы для себя предполагать отнюдь нужды не видимъ“, могла бы заставить насъ начать раздѣлывать свое собственное дѣло ¹⁾.

V.

Такимъ образомъ въ началѣ 1768 г. Россія занимала безусловно господствующее положеніе въ Польшѣ; но именно съ этого момента и начался неблагоприятный для русскихъ оборотъ дѣлъ въ республикѣ. Очевидно, что благодаря разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ Россія заняла такое положеніе, которое не соответствовало дѣйствительному отношенію силъ ея и Польши и вообще всѣмъ международнымъ отношеніямъ Европы. Можно было во время борьбы достигнуть того, чтобы поляки признали русскую гарантію, то-есть, дали Россіи возможность вмѣшиваться во всѣ внутреннія распоряженія Польши, но удержать такого положенія было невозможно. Безпримѣрный фактъ—арестованіе въ столицѣ одного государства трехъ сенаторовъ по приказанію посла чужой державы и высылка ихъ, — сковалъ на первое время всѣхъ ужасомъ — уже и это удивительно; но когда прошло первое изумленіе—въ сердцѣ каждаго поляка осталось такое чувство обиды и оскорбленія, которое вызывало его на борьбу противъ виновника ихъ во что бы то ни стало. Вмѣстѣ съ

¹⁾ *Сборникъ*, т. I.XXXVII, 12—22, 25, 31, 61, 71, 75, 81, 125—126, 540.

тѣмъ усилились и интриги государствъ, завидовавшихъ такому полному успѣху Россіи въ Польшѣ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій моментъ наибольшихъ успѣховъ Россіи въ Польшѣ послужилъ только началомъ новыхъ осложненій.

Едва успѣлъ Репнинъ подписать съ Польшею договоръ, ставившій республику по отношенію къ Россіи въ положеніе полуподчиненное, какъ Турція, которую уже давно поднималъ французскій посоль, потребовала отъ Обрѣзкова удаленія русскихъ войскъ изъ Польши въ такомъ рѣшительномъ тонѣ, что Обрѣзкову пришлось обѣщать, что требованіе Порты исполнено будетъ весною этого же года¹⁾. Но въ это самое время въ гор. Барѣ, вблизи самыхъ турецкихъ границъ, возникла враждебная Россіи конфедерация.

Первые 8 конфедератовъ собрались въ Барѣ 29-го февраля (ст. ст.) 1768 г.; среди нихъ наиболѣе видными были Красинскій, братъ епископа, и адвокатъ Іосифъ Пулавскій; изъ знатныхъ людей никто въ ней не участвовалъ. Хотя право конфедерацийъ было общимъ для всѣхъ недопольныхъ, но на практикѣ бывало всегда такъ, что конфедерации могущественныя признавались таковыми, слабыя же разсматривались какъ бунты; такъ взглянули въ Петербургѣ на барскую конфедерацию и въ перепискѣ всегда называли ее „скопище“ или „возмущеніе“ барское. Приняты были всѣ мѣры, чтобы не раздражать Турцію, соблюдать неприкосновенность ея территоріи: предъ Портою сдѣланы были представленія, чтобы она не оказывала бунтовщикамъ никакого содѣйствія и запретила бы татарамъ поддерживать ихъ. Конфедераты со своей стороны обратились къ Турціи съ просьбой о защитѣ и поддержкѣ; 25-го марта Порта заявила Обрѣзкову, что не вступитъ въ сношенія съ позмутителями²⁾, но трудно было рассчитывать, что такое настроеніе сохранится; довольно значительныя толпы татаръ, во всякомъ случаѣ, присоединились къ конфедератамъ; Австрія оказала имъ косвенную, но существенную поддержку, разрѣшивъ представителямъ ихъ постоянное пребываніе въ Тешенѣ, въ австрійской Силезіи³⁾. По всей Польшѣ явно замѣтно было сочувствіе къ конфедерации: мелкія конфедерации возникали повсюду положительно, какъ говорится, какъ грибы; русскіе отряды легко ихъ разгоняли, но столь же легко за ихъ спиною конфедерации поднимали

¹⁾ Сборникъ, т. LXXXVII, 20, 21, 29.

²⁾ Zinkeisen, Geschichte des osmanischen Reiches in Europa, V, 909, 910.

³⁾ Beer, I, 316—317.

лись снова; пѣнныхъ конфедератовъ сначала отпускали на честное слово не приставать снова къ бунтовщикамъ; но случаи нарушенія такого обѣщанія были такъ часты, что приказано было пѣнныхъ отсылать въ Кіевъ, а если тамъ трудно будетъ ихъ охранять или если откроются попытки бѣжать — то въ Казань и даже въ Сибирь; и дѣйствительно, въ Казань были нѣкоторые посланы. Русскаго войска въ это время въ Польшѣ было не болѣе 12.000 ¹⁾. да и оно было расположено преимущественно въ противоположномъ концѣ государства, такъ что не легко было сосредоточить его противъ главнаго скопища возставшихъ; польскія государственная войска въ силу союза должны были поддерживать русскихъ; но они дѣйствовали очень плохо, были плохо вооружены и обучены и довольно явно выражали нежеланіе сражаться противъ защитниковъ религіи; тѣмъ не менѣе Екатерина находила нужнымъ держать ихъ подъ ружьемъ, принявши всѣ расходы на себя изъ опасенія, чтобы они не присоединились къ конфедератамъ; только что награжденный сторонникъ Россіи князь Радзивицъ возбуждалъ большія опасенія относительно своей вѣрности; волненія замѣчались въ самой Варшавѣ; и русскій посолъ получилъ изъ Петербурга разрѣшеніе принять на себя охрану спокойствія въ столицѣ и объявить объ этомъ всѣмъ жителямъ. Съ обѣихъ сторонъ совершены были въ борьбѣ ужасныя жестокости ²⁾. Такъ тянулось дѣло до 9-го октября; 1-го октября конфедераты успѣли издать актъ, которымъ конфедерация и узаконилась ³⁾. Съ іюля дѣло еще осложнилось: конфедераты усилили свои просьбы предъ Турціей вмѣшаться и поддержать ихъ, французскій посолъ также очень объ этомъ старался ⁴⁾, а затѣмъ вспыхнуло возстаніе крестьянъ, такъ называемая гайдамачина; нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что украинскіе крестьяне поднялись безъ всякаго прямаго

¹⁾ *Соловьевъ*, Исторія паденія Польши, 119.

²⁾ *Вест*, I, 231—232, *Германн*, V, 462—264; Германнъ говоритъ со словъ Эссена, что особенно отличался въ 1771 г. жестокостью майоръ Древицъ, который „совершалъ неслыханныя въ этомъ мѣкѣ варварства“, — изъ *Сборника*, т. ХСVII, 442—443, узнаемъ, что Дервицу разрѣшено было по его просьбѣ собрать особый отрядъ изъ „иностранныхъ“ — „то-есть, изъ австрійскихъ и прусскихъ дезертировъ изъ уволенныхъ саксонскихъ солдатъ, а также изъ конфедератовъ, которыхъ онъ примечаетъ деньгами перейти на русскую сторону“.

³⁾ *Сборникъ*, т. LXXXVII, 60—68, 83, 95, 99—101, 164, 165, 170, 171, 214, 215, 380. Точныя и цѣнныя свѣдѣнія о началѣ конфедерации у *Петрова*, Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами, I, 42, 53.

⁴⁾ *Петровъ*, I, 56—63.

воздѣйствія русскаго правительства ¹⁾). Изъ Петербурга писали и графу Румянцеву, генераль-губернатору малороссійскому, и генераль-губернатору кievскому Воейкову, приказывая принимать самыя строгія мѣры противъ русскихъ участниковъ бунта, сдѣлали очень строгія замѣчанія епископу переяславскому Гернасію, одного изъ подчиненныхъ котораго не безъ основанія заподозрили въ поступкахъ, которые отчасти вызывали возбужденіе, въ томъ же духѣ писали войску запорожскому, виновныхъ предписывалось хватать и наказывать и нѣсколько человекъ, дѣйствительно, были наказаны. До Петербурга дошли слухи, что нѣкоторые бунтовщики ссылаются на какія-то „высочайшія повелѣнія“ подниматься и бить поляковъ и даже будто бы показываютъ копія съ такихъ грамотъ ²⁾; ихъ, конечно, не было и весьма правдоподобно найденное въ Петербургѣ объясненіе того, что могло послужить поводомъ для такихъ разглашеній: въ 1767 г. одинъ сотникъ казацкій получилъ комиссію закупать въ Венгріи вина для Высочайшаго двора; это дѣлалось изстари; со временъ Елизаветы Петровны были постоянно отправляемы въ Токай особыя русскіе уполномоченные ³⁾, которые тамъ вино закупали и затѣмъ подъ своимъ присмотромъ провозили черезъ Польшу, ибо при постоянныхъ беспорядкахъ Польшѣ иначе было почти невозможно доставить большіе транспорты въ Россію черезъ Польшу. Въ Петербургѣ и догадывались, что отъ посылки этого сотника, дѣйствительно имѣвшаго указъ отъ имени императрицы, и шелъ слухъ о вышеупомянутыхъ указахъ. Изъ Петербурга объясняли возстаніе православныхъ тѣмъ, что фанатизмъ проявляемый католиками возбуждалъ таковой же и въ православныхъ. Конечно, положеніе дѣлъ въ Польшѣ, внутреннія ея отношенія, были таковы, что возстаніе могло подняться каждую минуту; событія послѣднихъ лѣтъ, постоянныя движенія военныхъ отрядовъ и конфедератовъ еще больше способствовали тому, что образовались разбойничьи шайки, грабившія и выжигавшія сначала отдѣльно и по немногу, а потомъ соединившіяся въ довольно значительное возстаніе. Почва была подготовлена и возстаніе вспыхнуло по совершенно ничтожному поводу. Первоначально произошли беспорядки въ

¹⁾ См. *Соловьевъ*, XXVII, 307—308—ссылки на современные польскіе источники, признающіе это; *Herrmann*, IV, 444, говорятъ однако, что запорожцы были направлены русскимъ правительствомъ.

²⁾ *Русскій Архивъ*, 1875, II, 11—13.

³⁾ *Русскій Вѣстникъ*, т. CXIX, 181—218.

имѣнн слабоумнаго богача князя Любомірскаго: опекуны, завѣдывавшіе имѣніемъ, не допускали въ имѣніе людей, сумѣвшихъ получить полномочія отъ Любомірскаго; произошли схватки; служители опекуновъ, опасаясь появленія барскихъ конфедератовъ. призвать которыхъ грозили ихъ противники, бѣжали на русскую территорію; конфедераты дѣйствительно явились и учинили жестокую расправу надъ тѣми, кого захватили; но когда они удалились, бѣжавшіе вернулись и произвели свою расправу. Изъ имѣній Любомірскаго беспорядки распространились въ имѣніе князя Потоцкаго, Умань, гдѣ изъ-за жестокости и безтактности управляющаго, который незаслуженно оскорбилъ стараго начальника служившихъ у Потоцкаго казаковъ, Гонту, и разыгралась знаменитая ужасная уманьская рѣзня. Вскорѣ русскими и польскими силами возстаніе было усмирено; главные предводители были взяты въ плѣнъ; часть изъ нихъ была передана для наказанія русскимъ, часть польскимъ властямъ; Гонта попалъ въ руки поляковъ и былъ казненъ; сказать, что либо изъ подробностей этой казни значило бы терзать и себя, и другихъ! ¹⁾).

Это возстаніе важно не столько само по себѣ, сколько потому, что одинъ изъ набѣговъ этихъ гайдамаковъ послужилъ поводомъ къ вмѣшательству Турціи.

Одинъ изъ гайдамацкихъ отрядовъ въ іюлѣ же дошелъ до мѣстечка Балты, лежавшаго на р. Кодымѣ, на турецкой границѣ, противъ турецкаго селенія Галты; гайдамаки ограбили и избили въ Балтѣ многихъ жидовъ; кто изъ жидовъ успѣлъ. тѣ бѣжали за рѣку, на турецкую территорію; по уходѣ же изъ Балты гайдамаковъ жида, вмѣстѣ съ турками и татарами, напали на Балту и отомстили христіанамъ; услыхавъ объ этомъ гайдамаки вернулись, теперь въ свою очередь перешли на турецкую сторону и тамъ все, что могли, сожгли, всѣхъ, кого могли, вырѣзали.

Вѣсть объ этомъ происшествіи, достигшая до Константинополя въ крайне преувеличенномъ видѣ, при чемъ сожженными оказались не только Балта, но и Дубоссары, вызвала въ турецкой столицѣ чрезвычайное возбужденіе. Вскорѣ по полученіи тамъ вѣсти о происшедшемъ въ Балтѣ конфедераты услили свои просьбы предъ Портою о помощи, потому что въ ночь съ 6 на 7 августа нами взятъ былъ штурмомъ

¹⁾ Сборникъ, т. LXXXVII, 103—106, 109—111, 121, 124, 128, 159—162; Костомаровъ, Последніе годы Речи Посполитой, I, 130; Максимовичъ, „Сказаніе о Колівицшицѣ“, — Русскій Архивъ, 1875, II, 5—27.

Краковъ, самый сильный пунктъ конфедератовъ ¹⁾); французскій посоль удвоилъ свои усилія поднять Порту и наконецъ, поддерживаемый народнымъ возбужденіемъ, достигъ успѣха: въ Константинополѣ были смѣнены великій визирь и рейсъ-эффенди (чиновникъ, завѣдывавшій иностранными дѣлами), сравнительно миролюбиво настроенные, успокоительное письмо Палина къ визирю, съ изложеніемъ дѣла при Балтѣ и съ обѣщаніемъ строго наказать виновниковъ, не подействовало ²⁾. 25 октября 1768 г. Обрѣзковъ былъ позванъ къ новому визирю въ чрезвычайное собраніе всего султанскаго совѣта; визирь, очень раздражительнымъ тономъ, началъ читать Обрѣзкову изложеніе дѣйствій Россіи въ Польшѣ и требовалъ тутъ же обязательства, что русскія войска будутъ немедленно выведены изъ Польши; Обрѣзковъ отвѣчалъ, что войска удалятся, какъ только дѣла въ Польшѣ будутъ приведены въ порядокъ; тогда русскій резидентъ былъ высланъ вонъ и началось совѣщаніе турецкаго министерства; часа черезъ два Обрѣзкова ввели снова и визирь потребовалъ отъ него, чтобы онъ именемъ Россіи обязался, что русская гарантія и и всѣ постановленія въ пользу диссидентовъ будутъ уничтожены; Обрѣзковъ отвѣчалъ, что полномочія его вовсе не идутъ такъ далеко; тогда его снова выслали вонъ; нѣсколько турецкихъ сановниковъ отдѣльно приходили къ Обрѣзкову уговаривать его согласиться на эти требованія но, разумѣется, безуспѣшно; черезъ нѣсколько времени церемоніймейстеръ объявилъ Обрѣзкову, что онъ арестованъ; съ нимъ вмѣстѣ заключены были еще 11 чиновниковъ посольства, затѣмъ къ нимъ присоединены были еще 6 человекъ; передъ аре-

¹⁾ *Zinkeisen*, V, 316.

²⁾ *Сборникъ*, т. LXXXVII, 131—135; Палинъ говоритъ, что виновники разграбленія Галты будутъ наказаны частью въ Галтѣ, частью въ Сѣчѣ запорожской, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши, „жесточайшею казнью, какая только въ имперіи употребительна“ (139); Цинкейзенъ, слѣдуя тутъ Рюльеру, говоритъ, что для успокоенія Порты обѣщано было немедленное очищеніе Польши и выдача на казнь двухсотъ казаковъ — V, 311 — конечно, все это совершенно не вѣрно; вышеупомянутое письмо Палина къ визирю есть единственное до начала туркамъ войны, по этому поводу, и тамъ ничего подобнаго не говорится; послѣ же заключенія въ крѣпость Обрѣзкова, Екатерина уже не допускала никакихъ переговоровъ. *Wolf und Zwiédinek* говорятъ опять совершенно другое, и тоже — совершенно не вѣрно: *Pforte erklärte den Krieg an Russland weil Russen in türkisches Gebiet eingefallen waren und jede Genüthungen vernügerigten*, 119 — положительно, нельзя не удивляться, какъ поверхностно и даже небрежно говорятъ иностранные ученые обо всемъ, что касается Россіи.

стомъ Обрѣзковъ заявилъ, что онъ слагаетъ съ себя званіе русскаго резидента и болѣе уже не будетъ ни о чемъ официально переговариваться. Усиленные представленія англійскаго и прусскаго посланниковъ противъ такого обхожденія съ русскимъ представителемъ остались безуспѣшными; только въ декабрѣ, притворившись больнымъ и подкупивши докторовъ, Обрѣзковъ получилъ нѣкоторыя облегченія¹⁾. Такое обращеніе съ русскимъ резидентомъ очевидно, знаменовало начало войны.

Панинъ совершенно основательно замѣчаетъ, что самый поводъ, по которому Порты рѣшилась на войну, доказываетъ, что это былъ именно лишь поводъ, а не причина, и что война рѣшена была уже безъ этого. Въ началѣ 1768 г. онъ писалъ, что не время еще намъ начинать борьбу съ турками, но возможность ея ему уже представлена; по мѣрѣ приближенія роковаго момента, по мѣрѣ того, какъ донесенія изъ Константинополя становились все тревожнѣе и говорили о большемъ и большемъ возбужденіи Порты, онъ, не переставая изыскивать способы успокоить Порту и представить происшествія въ Польшѣ совершенно для нея безразличными, въ то же время прямо заявлялъ, что „ея императорское величество всемѣрно изволитъ предпочесть крайность войны крайности какой-либо важной уступки“²⁾. По поводу грубаго поступка Порты изъ Петербурга обратились ко всѣмъ иностраннымъ дворамъ съ циркуляромъ; иностранные дворы были приглашены употребить „пристойныя старанія къ освобожденію резидента“; англійскій посоль изъ Петербурга писалъ къ англійскому представителю въ Константинополь, чтобы онъ сдѣлалъ, что только можно, въ пользу Обрѣзкова³⁾. Первые дни по полученіи въ Петербургѣ вѣсти объ этихъ событіяхъ, всѣ ближайшіе сотрудники императрицы занимались обсужденіемъ вопросовъ, связанныхъ съ войною; Панинъ принималъ очень большое участіе въ этихъ совѣщаніяхъ, о чемъ

¹⁾ Письмо Обрѣзкова къ Цегалину, прусскому резиденту въ Константинополь. — *Сборникъ*, т. XXXVII, 166—169; т. LXXXVII, 191; *Соловьевъ*, т. XXVII, 313—314; *Исторія*, I, 70—73 — по рукописямъ архива военно-историческаго и топографическаго депо; *Zieler'sel*, V, 913.

²⁾ *Сборникъ*, т. LXXXVII, 61—63, 67, 73, 84, 92, 123, 131—140, 146, 159, 171, 185—192. Конечно, Фридрихъ II не зналъ personally Панина съ русскими дипломатами, но все-таки, не зная дѣла близко, не слѣдовало утверждать, какъ это дѣлаетъ онъ (*Oeuvres*, XVII, 312): „Les russes ne s'y attendaient pas du tout cette guerre“.

³⁾ *Сборникъ*, т. LXXXVII, 192, 197—201.

свидѣтельствуютъ и прямыя его указанія и тотъ фактъ, что за семь дней, съ 31 октября по 8 ноября 1768 г., нѣтъ ни одной исходящей бумаги по Коллегіи иностранныхъ дѣлъ; при ближайшемъ участіи Панина возникъ и тотъ совѣтъ, который затѣмъ уже не былъ уничтоженъ и обсуждалъ всѣ важнѣйшія дѣла. Въ публикѣ, и даже нѣкоторые друзья Панина, отчасти обвиняли его за то, что онъ довелъ дѣло до войны; но императрица по прежнему относилась къ Панину съ полнымъ довѣріемъ и даже, по сообщеніямъ Сольмса, вообще предлагала на обсужденіе совѣта только тѣ мѣры, о которыхъ предварительно имѣла уже разговоръ съ Панинымъ¹⁾. Только уже послѣ того, какъ первыя наиболѣе необходимыя мѣры были обсуждены, Панинъ вернулся къ своей дипломатической перепискѣ. Онъ предполагалъ, между прочимъ, возбудить для Турціи нѣкоторыя затрудненія черезъ Венецію, зондируя въ кн. Кауница, на счетъ того, какъ смотритъ Австрія на свои обязательства предъ Россіей относительно Турціи; конечно, Кауницъ отвѣтилъ, что выходъ Россіи изъ союза въ 1762 г. освободилъ Австрію отъ прежнихъ обязательствъ. Впрочемъ, Панинъ не придавалъ большаго значенія этимъ сношеніямъ; онъ самъ сознавалъ, что тутъ успѣха „скорѣе желать, чѣмъ надѣяться можно“²⁾; къ войнѣ же Россія относилась и принималась за нее со всею серьезностью.

На дѣлахъ польскихъ особенною яркостью отразился и самый тотъ фактъ, что на Россію поднялся новый врагъ, казавшійся очень опаснымъ, и всѣ отдѣльныя перипетіи борьбы.

Еще до начала войны русское правительство уже очень чувствовало утомленіе отъ замѣшательствъ польскихъ и еще въ началѣ августа 1768 г. Панинъ высказалъ согласіе на предложеніе Репнина—попытаться снова вступить въ переговоры съ партией Чарторижскихъ и съ ихъ помощью возстановить въ Польшѣ покой и ти-

¹⁾ *Сборникъ*, т. XXXVII, 184.

²⁾ *Сборникъ*, т. LXXXVII, 198, 200, 210, 217—220, 346—348; *Мартенсъ*, II, 9—10. Обращеніе Панина съ такимъ вопросомъ въ вѣнскомъ дворѣ, впрочемъ, не было такъ странно, какъ можетъ показаться: въ 1760 г., при возобновленіи союза съ Австріей, „наипаче же подтвержденъ во всей силѣ и безъ срока секретный сепаратный артикулъ, касающійся до Порты Оттоманской, которымъ оба императора обязались помогать одинъ другому въ случаѣ войны всѣми силами“. *Архивъ кн. Воронцова*, XXV, 280. Въ Вѣнѣ истолковали обращеніе Панина какъ доказательство неувѣренности въ успѣхъ — и тѣмъ рѣшительнѣе былъ отказъ. *Neer*, *Die orientalische Politik Oesterreichs*, 21.

шину. Панинъ говорилъ, что императрица готова предать забвенію прежнее поведеніе Чарторижскихъ, такъ какъ для успѣха дѣлъ она не останавливается предъ какими-либо „персональными предубѣжденіями“; Панинъ надѣялся, что Чарторижскіе, уклонившись отъ содѣйствіи видамъ Россіи въ диссидентскомъ дѣлѣ, которое такъ возбуждало католическую шляхту, теперь, видя, что дѣло сдѣлано безъ ихъ участія, не откажутся содѣйствовать возстановленію тишины и покоя въ своемъ отечествѣ; тутъ же впрочемъ, Панинъ заявилъ, что не допустить никакихъ уступокъ по пункту о диссидентахъ, хотя бы даже соглашались на это сами диссиденты ¹⁾. Навстрѣчу шло письмо Репнина къ Панину, въ которомъ посолъ сообщалъ, что Чарторижскіе готовы снова сблизиться съ русскою партіею, но непрѣннымъ условіемъ ставятъ предоставленіе диссидентамъ неполной равноправности съ католиками, а лишь свободы совѣсти. Панинъ отвѣчалъ, что Чарторижскіе, повидимому, ожидаютъ новыхъ затрудненій для Россіи, вѣроятно, со стороны Турціи, и надѣются вырвать у Россіи разныя уступки; но на этихъ условіяхъ онъ не желалъ ихъ содѣйствія, говорилъ, что Россія пойдетъ на всякія крайности для сохраненія достигнутыхъ успѣховъ и что, во всякомъ случаѣ, Россіи „не такъ скоро наскучитъ учить своихъ противниковъ, какъ имъ сносить эти поученія“ ²⁾.

Такъ писалъ Панинъ въ серединѣ августа 1768 г.; но начавшаяся война нѣсколько поколебала его твердость; у него не хватило уже смѣлости продолжать безъ малѣйшихъ уступокъ свою прежнюю политику и онъ пошелъ на нѣкоторыя уступки, на уступки въ томъ именно дѣлѣ, которое онъ объявлялъ совершенно неприкосновеннымъ— въ вопросѣ о гарантіи.

Немедленно послѣ полученія вѣсти объ арестѣ Обрѣзкова, Панинъ писалъ Репнину, отъ 29-го октября, что теперь необходимо „искуснымъ образомъ“ сохранять въ Польшѣ безпорядки и конфедерация, чтобы намъ имѣть возможность до нѣкоторой степени держаться въ Польшѣ какъ въ странѣ враждебной, брать провіантъ путемъ реквизицій и вообще менѣе стѣсняться, чѣмъ пришлось бы, еслибы вся страна была бы въ покоѣ и тишинѣ. Немного раиѣе какъ мы уже видѣли, Чарторижскіе отказались отъ всякаго сближенія съ Россіею безъ существенныхъ уступокъ въ диссидентскомъ дѣлѣ; теперь

¹⁾ Сборникъ, т. LXXXVII, 124—127.

²⁾ Сборникъ, т. LXXXVII, 151—153.

ки. Августъ Чарторижскій сказалъ Репнину, что можно еще оставить нетронутымъ все, что сдѣлано для диссидентовъ, но что особенно беспокоитъ лучшую часть націи „безпредѣльность“ гарантіи русской, которую многіе считаютъ прямымъ подчиненіемъ своего отечества Россіи ¹⁾). На сообщеніе объ этомъ Панинъ выразилъ Репнину согласіе особою деклараціей нѣсколько смягчить русскую гарантію, представить ее въ глазахъ общества въ такомъ характерѣ и значеніи, которые бы менѣе оскорбляли національное чувство поляковъ. Черезъ 10 дней декларація была готова и, отправляя ее, Репнину Панинъ разрѣшалъ ему даже въ самомъ текстѣ декларація сдѣлать небольшія измѣненія, если король или Чарторижскіе очень будутъ о чемъ-либо просить; Панинъ оговаривался, конечно, что существо декларація не должно быть затрагиваемо, но очень много было уже разрѣшеніе какихъ-либо перемѣнъ; декларація была составлена съ обычнымъ искусствомъ Панина, но безъ обычной его твердости; уступать въ ней еще что-нибудь было уже очень трудно; тогда пришлось бы коснуться самой гарантіи, измѣнить ее, ибо толкованіе заключало уже очень большія уступки требованіямъ поляковъ. Декларация эта гласила приблизительно слѣдующее: продолжающіеся въ Польшѣ безпорядки заставляютъ думать, что тутъ дѣйствуетъ „какое-либо могущественное, по крайней мѣрѣ на видъ, побужденіе“, ослѣпляющее гражданъ; императрица, исполнѣ сознавая чистоту своихъ намѣреній относительно Польши, тѣмъ не менѣе не побоялась отказаться отъ душевнаго спокойствія, доставляемаго этимъ сознаніемъ, чтобы изслѣдовать, не успѣла ли смутить гражданъ людская злоба ложнымъ толкованіемъ какихъ-либо ея дѣйствій. „Поэтому, если возможно, что для распространенія въ польскомъ народѣ недовѣрія и вызываемаго имъ фанатизма, злость иностранной интриги набросила гнусныя подозрѣнія на гарантію, данную ея величествомъ всему народу, то императрица поборетъ въ корнѣ это орудіе зависти и объяснитъ, какъ истинный и всегда безкорыстный другъ“. Гарантія можетъ быть или въ пользу кого-либо третьяго, отъ названнаго или подразумеваемаго прага, или взаимная, между двумя содоговаривающимися. Гарантія Россіи относится къ первому роду, и „примѣненіе ея несомнѣнно возможно лишь противъ третьяго, а никогда не противъ содоговаривающихся, въ пользу которыхъ она исключительно и постановлена“. Гарантія Россіею польскихъ законовъ „отнюдь не имѣетъ

¹⁾ Сборникъ, т. LXXXVII, 384—385

въ виду повреждать безусловный и законодательный авторитетъ, заключающійся непосредственно и во всей полнотѣ въ корпусѣ государства¹⁾, которое всегда и будетъ властно, на основаніи конституціи, которую оно себѣ дастъ, и единственно имѣть право себѣ давать, принимать такія рѣшенія, какія могутъ потребоваться въ силу обстоятельствъ и его потребностей; этотъ торжественный актъ, основанный единственно на дружбѣ и доброжелательствѣ, не только не можетъ быть разсматриваемъ, какъ актъ, связывающій польскій народъ по отношенію къ ея императорскому величеству и ея коронѣ, но онъ, напротивъ того, служитъ залогомъ его независимости, которой обезпечена еще и помощь Россійской имперіи противъ всякаго нападенія²⁾; императрица заявляетъ, что никогда никакихъ другихъ видовъ она и не имѣла³⁾. Но сколь ни положительны заявленія этой деклараціи—нельзя не видѣть, что даваемое въ ней толкованіе совершенно противорѣчитъ не только интимной перепискѣ русскихъ дипломатовъ, гдѣ они откровенно высказывались, что главная ихъ цѣль—достичь возможности на законномъ основаніи вмѣшиваться въ польскія дѣла всякій разъ, когда это представится нужнымъ, и способъ держать Польшу въ ея слабости, такъ какъ „для насъ всемирно лучше, чтобы Польша вовсе въ безобразіи и небытіи оставалась, нежели, чтобы бытіе ея сколько ни есть было вопреки интересамъ нашимъ“⁴⁾—но даже и тѣмъ заявленіямъ, какія Панинъ черезъ Обрѣзкова дѣлалъ въ Константинополѣ, указывая, что теперь *liberum veto* и другіе законы, ослабляющіе Польшу, поставлены подъ русскую гарантію такъ, что уже никогда, даже самыми конфедерациями, отиѣняемы быть не могутъ. Панинъ, несомнѣнно, теперь нѣсколько уступалъ, сравнительно съ прежними своими дѣйствіями; онъ предлагалъ даже Репнину, въ доказательство того, что Россія искренно такъ понимаетъ декларацію, передать на собственное рѣшеніе поляковъ нѣкоторыя измѣненія въ послѣднихъ конституціяхъ, напримѣръ, установленіе нѣкоторыхъ новыхъ податей для военной комиссіи; затѣмъ Панинъ обнаружилъ готовность пойти даже на нѣкоторыя уступки въ дѣлѣ диссидентовъ⁵⁾. Но поведение поляковъ сдѣлало невозможнымъ такіа соглашенія съ ними.

¹⁾ „Prejudicier à l'autorité absolue et législative qui résiste souverainement et immédiatement dans le corps de l'Etat“.

²⁾ *Сборникъ*, т. LXXXVII, 186, 201—207, 482.

³⁾ *Сборникъ*, т. LXXXVII, 487, 540.

⁴⁾ *Сборникъ*, т. LXXXVII, 501.

Въ Польшѣ начало Турціей войны произвело чрезвычайное впечатлѣніе; по своей способности увлекаться поляки быстро прониклись убѣжденіемъ, что Россію постигнетъ полный разгромъ; въ нихъ вооб-женіи рисовалась уже огромная коалиція противъ Россіи ¹⁾). Король, ознакомившись съ деклараціей, отвѣтилъ что она очень хороша и должна принести большую пользу, но Чарторижскіе заявили, что начало войны совершенно измѣнило все положеніе дѣлъ и что они вмѣстѣ со всею націею должны ожидать своего жребія отъ оружія воюющихъ сторонъ; скоро и король поддался общему увлеченію. Въ это время Репнинъ, по порученію изъ Петербурга, просилъ короля, чтобы русскимъ войскамъ позволено было занять крѣпость Каменецъ-Подольскъ, очень важную въ планѣ военныхъ дѣйствій, принятомъ Россіею. Король немедленно разгласилъ о просьбѣ Репнина; все польское правительство формально высказалось противъ разрѣшенія русскимъ занять Каменецъ, дѣло вызвало такое возбужденіе, такіе страстные толки, что Панинъ отказался, наконецъ, отъ мысли захватить Каменецъ или хитростью или подкупомъ командующаго въ немъ генерала, о чемъ онъ одно время думалъ ²⁾). Онъ писалъ теперь къ Репнину о Чарторижскихъ съ большимъ раздраженіемъ, говоря, что они все повышаютъ и повышаютъ свои требованія, до полного уничтоженія гарантіи и всего, сдѣланнаго въ пользу диссидентовъ, очевидно, надѣясь, что мы принуждены будемъ согласиться на все это; онъ говорилъ, что очень и очень трудно будетъ довести Россію до такой крайности, чтобы она согласилась на такія требованія; впрочемъ, онъ допускалъ, что при перемѣнѣ обстоятельствъ Чарторижскіе снова „съ полною свободою перевернутся“. Особенно удивлялся Панинъ ослѣпленію короля, который, повидимому, рѣшительно хочетъ порвать съ Россіей, зная вражду къ себѣ Франціи и полагаясь на очень туманныя двусмысленныя обнадеживанья Австріи ³⁾).

Въ началѣ 1769 г. Станиславъ Августъ написалъ Екатеринѣ письмо; утверждая, что перемѣны въ польскомъ устройствѣ, произведенныя при участіи Россіи, вызвали смуты и безпорядки, въ его королевствѣ господствующіе, онъ просилъ императрицу отказаться отъ нѣкоторыхъ

¹⁾ *Вест.* I, 245—246.

²⁾ *Сборникъ*, т. LXXXVII, 220, 221, 267, 268, 311, 312, 335, декабрь 1768—февраль 1769; *Соловьевъ*, XXVIII, 61—64.

³⁾ *Сборникъ*, т. LXXXVII 268—269, 309—311, 365.

постановленій. Екатерина отвѣтила письмомъ, характеръ котораго, сравнительно съ характеромъ писемъ Станислава-Августа, лучше всего объясняетъ событія въ Польшѣ и причины, почему Россія получила въ ней такое вліяніе. „Было бы несмысленно, пишетъ Екатерина, чтобы я согласилась добровольно уступить въ такомъ пунктѣ, относительно котораго меня можно принудить лишь силою оружія... Чѣмъ болѣе я сознаю обязанности моего положенія, чѣмъ добровольнѣе изъяснила ихъ въ дѣлѣ диссидентовъ, тѣмъ достойнѣе осужденія была бы я, покинувъ ихъ“. Далѣе императрица отрицаетъ, чтобы произведенныя при участіи Россіи перемѣны были причиною общаго неудовольствія и возстанія, о неизбѣжности чего говорилъ король; по этому вопросу „я взываю къ добросовѣстности всей націи“, пишетъ императрица. Противодѣйствіе возстановленію правъ диссидентовъ основано на частныхъ интересахъ, на убѣжденіяхъ или изувѣрствѣхъ отдѣльныхъ лицъ, и въ немъ не можетъ заключаться повода, достаточно сильнаго, чтобы вызвать возстаніе всей націи; русская гарантія, если её толковать правильно, есть нечто иное какъ обязательство въ пользу націи, если же на нее смотрятъ иначе, и изъ этого возникаетъ зло—то причина его не въ дѣлѣ императрицы, а въ неправильномъ его толкованіи. Въ заключеніе отвѣта своего императрица убѣждаетъ не ограничиваться лишь исправленіемъ недостатковъ въ государственномъ устройствѣ, а освободить государство отъ вредныхъ иностранныхъ вліяній, стремящихся произвести въ Польшѣ только смуты ¹⁾). Последняя фраза есть несимпатичный и извѣстный приѣмъ — съ неодобреніемъ отозваться о томъ, въ чемъ виновать самъ, чтобы не дать другому возможности прямо поставить это на видъ; да и вообще все это письмо есть ловкое истолкованіе въ свою пользу своихъ несомнѣнно несправедливыхъ поступковъ. Но въ письмѣ этомъ замѣчательно начало; поляки такъ даже и не говорили; они такъ долго не рѣшались на отчаянное сопротивленіе, перенесли такъ много такого, чего должны были не переносить, предъ неизбѣжностью чего они должны были подняться, какъ одинъ человекъ, на борьбу на жизнь или смерть — что доказали, что съ ними можно сдѣлать то, чего нельзя сдѣлать никакому другому государству и народу. Это письмо было сопровождено письмомъ къ королю Панина, въ которомъ русскій министръ прямо говоритъ королю, что въ Польшѣ если и будетъ возстаніе, то прежде всего и больше всего противъ него, что въ

¹⁾ *Сборникъ*, т. LXXXVII, 362—367.

Польшѣ нѣтъ партіи, которая бы въ 24 часа не согласилась бы на всякое требованіе императрицы, если бы только императрица объявила, что отказывается отъ всякой поддержки ему королю¹⁾; и это было, дѣйствительно, правда.

Встревожило начало войны и Фридриха; онъ испугался, чтобы Россія не вступила на путь сближеній съ Австріею, помощь которой противъ Турціи могла быть для Россіи, конечно, удобнѣе, чѣмъ помощь Фридриха²⁾. Поэтому Фридрихъ, начавши заговаривать о возобновеніи союза съ Россіей еще въ 1767 г., въ 1768 и 1769 когда началась война, не только не ослабилъ, а усилилъ свои настоянія; онъ предлагалъ союзъ не на 8 лѣтъ, какъ прежній, а на срокъ болѣе продолжительный и, въ крайнемъ случаѣ, поручалъ Сольмсу настоять, чтобы, если трактатъ возобновленъ будетъ на прежній срокъ, теченіе его считалось не со дня подписанія, а со дня истеченія срока прежняго трактата, то-есть съ 31 марта 1772 года. Въ предложенный теперь Фридрихомъ проектъ внесено было только одно новое условіе — гарантія ему графства Анспахскаго и Байрейтскаго, на которыя онъ уже давно заявлялъ свои права. Въ Петербургѣ, однако, вовсе не спѣшили отвѣтомъ на предложеніе Фридриха. Мы отлично знаемъ, что тамъ всего менѣе думали о сближеніи съ Австріей; но повидимому, не находили основаній спѣшить и съ удовлетвореніемъ желанія Фридриха, не желали показывать, будто этимъ предложеніямъ очень обрадовались. А Фридрихъ чрезвычайно волновался замедленіемъ отвѣта. Онъ спѣшилъ обезопасить себя и со стороны Австріи: въ августѣ 1769 г. состоялось свиданіе его съ императоромъ Іосифомъ въ Нейссъ; повидимому, Фридрихъ не убѣдился, что ему можно и не заботиться о союзѣ съ Россіей, онъ продолжалъ свои настоянія о возобновеніи его; въ Петербургѣ же, повидимому, начали теперь думать, что, пожалуй, если медлятъ еще, Фридрихъ найдетъ способъ ближе согласиться съ Австріей—и 12 октября (ст. ст.) 1769 г. трактатъ былъ возобновленъ опять на 8 лѣтъ, считая съ 31 марта 1772 г. По предложенію русскаго двора, статья объ Анспахѣ и Байрейтѣ была отнесена въ секретныя; за то Фридрихъ обязался войскомъ помочь Россіи, и въ

¹⁾ Сборникъ, т. LXXXVII, 368—370.

²⁾ Припомнимъ, что этимъ и Панинъ грозилъ, черезъ Обрѣзкова, въ Константинополѣ еще давно; Кауницъ тоже этого ожидалъ. *Beer, Die orientalische Politik Oesterreichs*, 21.

случаѣ нападенія на нее Швеціи, а не Австріи только, какъ было въ прежнемъ договорѣ. Изъ всего этого видно, какъ дорожилъ Фридрихъ русскимъ союзомъ...¹⁾

Въ это самое время состоялось отозваніе Репнина. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что это было слѣдствіемъ недовольства его дѣйствіями²⁾; скорѣе можно думать, что въ Петербургѣ, рѣшившись на нѣкоторыя уступки полякамъ, не хотѣли ставить Репнина въ непріятное положеніе раздѣлявать то, чего добился онъ съ такимъ талантомъ и энергіею; и на мѣстѣ въ Варшавѣ и по смѣнѣ съ него Репнинъ постоянно видѣлъ знаки особаго благоволенія императрицы; онъ былъ впослѣдствіи отправленъ чрезвычайнымъ посломъ въ Турцію, послѣ заключенія мира. Впрочемъ, Репнинъ самъ уже давно просилъ объ отозваніи его изъ Варшавы, и послѣ того, какъ оно состоялось, онъ еще болѣе полугодомъ остался въ Варшавѣ, тогда какъ, конечно, мѣсяцевъ двухъ было вполне достаточно для замѣны его другимъ лицомъ³⁾. Преемникомъ ему былъ назначенъ генералъ-аншефъ князь Михаилъ Никитичъ Волконскій.

¹⁾ *Сборникъ*, т. XXXVII, 201—204, 227—230; *Мартенсъ*, VI, 48—64; *Соловьевъ*, XXVIII, 88—85. Не говоря уже о Сенъ-При, и Германъ утверждаетъ, что помогались возобновленія союза съ русской стороны—см. *Saint-Priest, Études diplomatiques et littéraires*, I, 214; *Herrmann*, V, 509—510.

²⁾ Фридрихъ довольно часто говорилъ о крайне деспотичномъ поведеніи Репнина.—*Сборникъ*, т. XXXVII, 97—101; см. еще *Beer*, II, 95—отзывъ Бенуа; Панинъ отвѣчалъ Сольмсу, передававшему слова короля, что онъ, Панинъ, не считаетъ Репнина способнымъ къ поступкамъ безтактнымъ. Мы вообще видимъ только въ поступкахъ Репнина чрезвычайную рѣшительность; имѣемъ, впрочемъ одно почти неопровержимое очевидѣтельство, что Репнинъ иногда позволялъ себѣ невозвратное: лордъ Мальмесбюри разказываетъ въ своихъ запискахъ, что самъ слышалъ, какъ однажды, въ довольно многочисленномъ обществѣ, когда Станиславъ-Августъ сталъ говорить, что не можетъ себѣ представить, какъ-бы онъ могъ добывать себѣ хлѣбъ трудомъ, Репнинъ сказалъ ему: „но, ваше величество, вы такъ хорошо танцуете, что могли-бы быть отличнымъ учителемъ танцевъ!“—*„Memoiren des Grafen v. Malmesbury“*, въ *„Bibliothek ausgewählter Memoiren des XVIII und XIX Jahrhunderts“*, I, 18. Можно, впрочемъ, замѣтить, что подобный фактъ уничтожаетъ зато всякую возможность ирригія, что Репнинъ получалъ отъ короля польскаго пенсію.

³⁾ *Сборникъ*, т. LXXXVII, 267, 372, 464: рескриптъ объ отозваніи Репнина подписанъ 28 декабря 1768 г., 31 марта 1769 г. была готова инструкция Волконскому, а прибылъ онъ въ Варшаву въ іюль 1769. Соловьевъ приводит множество, положительно можно сказать, отчаянныхъ просьбъ объ отозваніи его, и объ избавленіи отъ „той каторги“, въ которой онъ находится, а также жалобъ на тяжелую для нервовъ обстановку,—см. XXVII, 169, 284—285, 240, 298; иѣ-

Въ Польшѣ, конечно, сейчасъ-же возликовали при отзывѣ Репнина, въ увѣренности, что съ переменною посла переменится и система. И не убѣдившись еще въ этомъ ничѣмъ, кромѣ собственной твердой увѣренности, что такая переменна произойдетъ, Чарторижскіе стали требовать многихъ переменъ въ деклараціи и наконецъ заявляли, что даже и съ какими угодно переменами въ деклараціи, но безъ существенныхъ уступокъ по диссидентскому дѣлу, ничего для умирненія Польши сдѣлать невозможно¹⁾. Король въ это время не обнаруживалъ со своей стороны никакой склонности сдѣлать что-либо по требованіямъ Россіи; но онъ попросилъ въ это время опять денегъ; 7 сентября 1769 года изъ Петербурга разрѣшено было выдать ему 5,000 червонцевъ...²⁾.

Россія искала себѣ въ то же время другихъ „партизановъ“, готовыхъ дѣйствовать въ ея видахъ. Осенью-же 1769 году получены были въ Петербургѣ два новые „плана умиротворенія“ Польши, какъ ихъ называли, въ сущности-же два проекта конфедерацій. Одинъ былъ отъ князя Масальскаго и графа Флемминга, другой отъ графа Поняпскаго и графа Браницкаго (референдаря, а не бывшаго гетмана). Панинъ былъ болѣе доволенъ планомъ вторыхъ двухъ; онъ находилъ, что Масальскій и Флеммингъ обнаруживаютъ слишкомъ большія притязанія на вознагражденіе себя и своихъ сторонниковъ, обѣщанія же даютъ не особенно цѣнныя, да и не въ особенно опредѣленной формѣ; въ планѣ же Поняпскаго и Браницкаго онъ особенно высоко цѣнилъ то, что они ручались за образованіе конфедераціи, которая прямо и открыто приметъ покровительство и поддержку императрицы. Они обѣщали, что основаніемъ соглашенія будетъ принята декларація о гарантіи. Со своей стороны Панинъ готовъ былъ даже допустить и нѣкоторыя уступки въ диссидентскомъ дѣлѣ, лишь-бы только явнымъ образомъ не отъ насъ исходила инициатива въ отказѣ

которые отзывы Репнина слишкомъ даже рѣзки, такъ что мы не будемъ ужъ ихъ и приводить. Совершенно также затѣмъ жаловались на крайнее нервное утомленіе и Волконскій, и Сальдернъ, — см. *Соловьевъ*, Исторія паденія Польши, 140, 144; въ Польшѣ смѣнилось въ царствованіе Екатерины восемь или девять пословъ, тогда какъ, напримѣръ въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Стокгольмѣ всего по два; если обратить вниманіе на то, что тѣ же самые дипломаты вовсе не жаловались на свое пребываніе при другихъ дворахъ и страшно тяготились пребываніемъ въ Варшавѣ, то надо признать, что на это были, дѣйствительно, причины.

¹⁾ Сборникъ, т. LXXXVII, 471.

²⁾ Сборникъ, т. LXXXVII, 481.

отъ того, чего мы достигли, а если-бы сами диссиденты заявили о своей готовности уступить нѣчто изъ тѣхъ правъ, которыя были имъ предоставлены на послѣднемъ сеймѣ. Панинъ разрѣшалъ даже Волконскому вызвать диссидентовъ на такое заявленіе, но непременно черезъ очень надежныхъ третьихъ лицъ, чтобы участіе въ этомъ Россіи было совершенно незамѣтно; кромѣ того, Панинъ поручалъ Волконскому дѣйствовать такъ, чтобы создать въ Польшѣ генеральную конфедерацію, которая бы поддержала Россію въ борьбѣ съ Турціей; за это онъ готовъ былъ обѣщать Польшѣ территориальное вознагражденіе на счетъ Турціи, напримѣръ, часть Молдавіи или Валахія ¹⁾. Флеммингу, Браницкому, Понинскому, Гюльзену, Мишску и другимъ, обнаружившимъ готовность вступить въ сближеніе съ Россіей, были отправлены благодарственные и похвальные письма ²⁾.

Между тѣмъ король и Чарторижскіе совершенно открыто заняли положеніе, явно недружелюбное относительно Россіи. Они собрали *senatus consilium* и онъ объявлялъ невозможность согласиться со всѣмъ, что было сдѣлано подъ вліяніемъ Россіи; онъ обвинялъ Реннина въ различныхъ притѣсненіяхъ отъ него Польшѣ, и наконецъ, объявлялъ актомъ насилія вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу и пребываніе ихъ тамъ; рѣшено было отправить ко всѣмъ важнѣйшимъ дворамъ Европы, въ томъ числѣ и въ Петербургъ, посольства, чтобы просить о содѣйствіи Польшѣ выйдти изъ такого положенія. Въ октябрѣ король написалъ объ этихъ рѣшеніяхъ и лично императрицѣ и своему резиденту въ Петербургѣ, Исарскому; императрицу онъ просилъ помочь ему вывести народъ изъ такого положенія, вслѣдствіе котораго онъ, король, всѣми ненавидимъ настолько, что, какъ ему извѣстно, составилъ заговоръ съ цѣлью убить его.

Въ Петербургѣ приняли эти извѣстія и письма короля очень сурово. Прежде всего, отвѣтилъ ему только Панинъ, ибо императрица „неизволила“, какъ писалъ Панинъ Волконскому, „признать за слодственное съ высочайшимъ ея достоинствомъ непосредственно отвѣствовать на королевское къ ней письмо, ибо тутъ по необходимости надлежало бы войдти ей самой въ раздробленіе многихъ королю польскому непріятныхъ и чувствительныхъ правъ“; въ письмѣ къ королю Панинъ говорилъ, что императрица „сочла себя въ правѣ

¹⁾ Сборникъ, т. LXXXVII, 493—496, 498—504, 515.

²⁾ Сборникъ, т. XCVII, 1—6, 168.

избавить себя отъ непріятности высказывать истины, отъ которыхъ она не можетъ отказаться ради своей славы и чувствительности, а ваше величество отъ непріятности читать ихъ написанными ея рукою". Затѣмъ Панинъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ возражаетъ противъ рѣшимости „кого бы то ни было въ свѣтѣ" оцѣнивать предъ лицомъ императрицы дѣйствія ея какъ дѣйствія частнаго лица. такъ какъ ясно, что ея посолъ былъ лишь точнымъ исполнителемъ ея приказаній. Панинъ говоритъ, что такой поступокъ польскаго сената будетъ сочтенъ почти равнымъ объявленію войны; онъ говоритъ, что если признать Россію обязанною согласиться на перемиріе, какихъ просятъ поляки, то придется признать, что вообще не существуетъ трактатовъ, обязательныхъ для подписавшихъ, ибо всякій трактатъ заключается при извѣстныхъ обстоятельствахъ и при измѣнившихся обстоятельствахъ всякій могъ бы быть объявляемъ актомъ насилія. Затѣмъ Панинъ указывалъ королю—и это было такъ въ самомъ дѣлѣ,—что именно люди, теперь составившіе такое сенатское рѣшеніе, сами же и были первыми виновниками вступленія въ Польшу русскихъ войскъ, что они именно первые и просили помощи Россіи. Въ отвѣтъ на сообщеніе о заговорѣ Панинъ пишетъ, что „сіе кажется неслыханнымъ, чтобы можно было видѣть выраженіе народа въ двадцати личностяхъ, рѣшившихся на самое гнусное преступленіе, убійство"; онъ говоритъ, что было бы скорѣе оскорбленіемъ для народа, чѣмъ выраженіемъ уваженія и вниманія къ нему—признать шайку разбойниковъ за выразителей народной воли. Въ заключеніе Панинъ, отъ имени императрицы, проситъ короля остановить посольство, чтобы формальнымъ отклоненіемъ его императрица не показала открыто своего охлажденія къ нему. Это письмо сопровождалось еще частнымъ письмомъ Панина къ Станиславу-Августу; тутъ онъ говоритъ, что постановленіе сената есть собственно не что иное, какъ ловушка для него самого, чтобы достигнуть сверженія его съ престола, которое несомнѣнно послѣдуетъ, какъ только Россія окончательно отъ него откажется, чего, конечно, ожидали авторы этого сенатскаго постановленія ¹⁾. Посольство въ Петербургъ отправлено не было. Въ то же время поляки усиленно хлопотали въ Парижѣ, чтобы получить дѣятельную поддержку; появившіеся въ столицѣ Франціи поляки, нерѣдко самозванно присвоивавшіе себѣ значеніе представителей Польши, занимались тамъ преимущественно интригами другъ противъ друга и ввозили одинъ на

¹⁾ Сборникъ т. LXXXVII, 513—520, 542—543; Beer, I, 245—248.

другаго самыя ужасныя обвиненія; конечно, они не достигли ничего серьезнаго ¹⁾).

Отправивъ эти письма къ королю, Панинъ уже окончательно рѣшился порвать всякія связи съ прежними партизанами Россіи, которые столько разъ мѣняли свое поведеніе относительно Россіи: то прибѣгали къ Россіи съ униженными просьбами, то быстро отказывались отъ своихъ обѣщаній и нарушали свои обязательства, то выпрашивали денежныя подачки, то, какъ только имъ казалось, что Россія въ затруднительномъ положеніи — быстро принимали надменный тонъ и предъявляли уже почти требованія; въ началѣ декабря 1769 г. Панинъ, обсуждая въ письмахъ къ Волконскому, составленіе конфедерации, предписываетъ послу давать „точное и ясное отъ двора ея императорскаго величества увѣреніе, что Чарторижскіе и всѣ ихъ креатуры не только отъ дѣлъ единожды на всегда отторгнуты, но и вся ихъ сила, знатность и инфлюенція въ отечествѣ своемъ въ конецъ и до послѣдняго края моральнаго небытія истреблены быть должны, яко сіе есть правило уже совсѣмъ рѣшенное въ политической системѣ нашего высочайшаго двора относительно до Польши, въ чемъ по извѣданному предъ тѣмъ отъ Чарторижскихъ неоднократному вѣроломству и необузданному властолюбію никакой съ ихъ стороны оборотъ нисколько уже пособить не можетъ“ ²⁾).

Отношеніе Екатерины къ послѣднему письму Полятовскаго оченъ его смутило и въ февралѣ 1770 г. онъ прислалъ новое, съ болѣе сдержаннымъ изложеніемъ желаній своихъ относительно умиротворенія Польши и съ болѣе осторожнымъ изложеніемъ рѣшеній сената; на это письмо императрица отвѣчала сама; но она говорила, что мысль о какой либо медиации между ею и Польшею—мысль невозможная, и отказывалась вѣрить, что она принадлежитъ королю; она утверждала, что такая медиация вовсе и не нужна, ибо она по прежнему руководится чистосердечнымъ желаніемъ добра Польшѣ; „меня не видятъ измѣняющеюся сообразно событіямъ, пользующеюся благоприятными обстоятельствами для повышенія своихъ требованій“, писала она между прочимъ. Въ письмѣ къ Волконскому, отправленномъ одновременно съ этимъ, Панинъ говоритъ, что невозможно понять ослабленія короля, который воображаетъ, что если онъ станетъ

¹⁾ *Вест.*, I, 251—262.

²⁾ *Сборникъ*, т. LXXXVII, 639.

рѣшительно противъ Россіи, то успѣеть соединить въ свою пользу въ сущности непримиримыя стремленія своихъ дядей, саксонской партіи, вообще не довольныхъ имъ поляковъ и Франціи. Панинъ выражалъ твердую увѣренность, что вновь принимаемыя военныя мѣры дадутъ намъ возможность привести польскія дѣла въ болѣе благоприятное для насъ теченіе; „и враги наши не могутъ не понимать, говорилъ онъ, что скоро или поздно долженствуемъ мы, однакожь, взять въ Польшѣ верхъ“; Станислава-Августа Панинъ считалъ необходимымъ сохранить на престолѣ, какъ ни мало надеженъ онъ для поддержки требованій Россіи—потому, что „иначе весь свѣтъ заключить, что Россія по недостатку своихъ естественныхъ силъ не могла охранить политическаго зданія, ею одною воздвигнутаго“¹⁾.

Въ іюнѣ, дѣйствительно, введены были въ Польшу новые отряды русскихъ войскъ и теперь Панинъ писалъ генералу Веймарну, замѣнявшему Волконскаго во время его поѣздки на воды въ Германію, что теперь у насъ въ Польшѣ достаточно силъ, чтобы начать рѣшительно „поученія“ нашимъ противникамъ, къ чему приступать прежде онъ находилъ неудобнымъ, потому что, при недостаточномъ количествѣ русскихъ войскъ, это могло только вызвать болѣе энергичныя дѣйствія со стороны нашихъ противниковъ; Панинъ предписывалъ теперь налагать большія контрибуціи на имѣнія Чарторижскихъ, бездечно забирать въ нихъ провіантъ, такъ чтобы заставить Чарторижскихъ изъ страха совершеннаго разоренія окончательно удалиться отъ государственной дѣятельности²⁾.

Въ іюлѣ 1770 г. русскіе сдержали блестящіе успѣхи надъ турками; послѣ этого не было уже никакого основанія опасаться за исходъ войны, онъ становился лишь вопросомъ времени; польскія замѣшательства теперь утратили всякій характеръ опасныхъ и остались лишь безпокойными. Переговоры о составленіи въ Польшѣ конфедераціи дружественной Россіи получали больше и больше вѣроятности достигнуть благополучнаго конца. Панинъ желалъ, чтобы согласнымъ на нее внушаема была мысль, что Чарторижскіе противодѣйствовали сохраненію *liberum veto* и русской гарантіи „не по внутреннему о вредности ихъ удостовѣренію, но единственно по злобѣ и зависти къ дѣлу рукъ персональных ихъ непріятелей. обуздавшему ихъ вредныя и опасныя замыслы противъ вольности и равенства въ респу-

¹⁾ Сборникъ, т. ХСVII, 46, 48, 52, 55, 147, 170—171.

²⁾ Сборникъ, т. ХСVII, 82—84, 145.

ближѣ“; что касается введенныхъ Чарторижскими измѣненій польскаго государственнаго устройства, то сохранить ихъ или нѣтъ — Панинъ предоставлялъ соглашенію Волконскаго съ нашими новыми партизанами; даже въ томъ, что касалось диссидентовъ онъ, по прежнему, не повышалъ требованій, говорилъ, что „гарантія ихъ правъ, будучи въ пользу третьяго, не далѣе потому самому и распространяться долженствуетъ, какъ поелику сей третій самъ въ пользу свою ей мѣсто даетъ“; поэтому Панинъ соглашался на какія угодно уступки со стороны диссидентовъ, „лишь бы соглашеніе въ семъ случаѣ происходило и совершалось безъ видимаго въ томъ участія нашего“¹⁾. Въ ноябрѣ изъ Польши предлагали уже провозглашеніе генеральной конфедераціи; но Панинъ требовалъ предварительно полнаго и точнаго соглашенія по всѣмъ важнѣйшимъ пунктамъ „съ первыми, надежнѣйшими и искусными актерами“, „дабы генеральная конфедерація не болѣе имѣла дѣла, какъ только сдѣланное уже для одной формы разсмотрѣть и дать на оное торжественнымъ своимъ приговоромъ послѣднюю санкцію“; такъ какъ иначе — „познавъ довольно нравъ господъ поляковъ, писалъ Панинъ, скажу я, я думаю безъ ошибки, что множество ихъ очень скоро и легко приступитъ къ нашей конфедераціи, но не съ тѣмъ, чтобы примиренію отечества своего прямодушно способствовать, но чтобъ тутъ голосами и кредитомъ своимъ торговать и продавать ихъ при каждомъ частномъ дѣлѣ сколько можно дорогою цѣною“²⁾.

Во время этихъ переговоровъ Волконскій былъ отозванъ изъ Варшавы и на его мѣсто назначенъ былъ посломъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Каспаръ Сальдернъ³⁾. Какъ и Ренинъ Волконскій много разъ самъ просилъ объ освобожденіи его отъ обязанностей посла въ Польшѣ; онъ получилъ разные знаки вниманія императрицы и былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Москву, гдѣ только что передъ тѣмъ разыгралась чума и сопровождавшіе ее безпорядки; на этомъ мѣстѣ онъ оставался и во все то время, когда возстаніе Пугачева дѣлало положеніе столицы очень заботливымъ.

Сальдернъ, когда ему предложено было мѣсто въ Варшавѣ, со-

¹⁾ Сборникъ, т. ХСVII, 146 - 148.

²⁾ Сборникъ, т. ХСVII, 174.

³⁾ Панинъ извѣщалъ Волконскаго о назначеніи на его мѣсто Сальдерна 16-го января 1771 г.; инструкція Сальдерну подписана 5-го марта 1771 г.; прибылъ онъ въ Варшаву въ серединѣ апрѣля. — Сборникъ, т. ХСVII, 195, 216—228, 259.

ставилъ записку, въ которой изложилъ свои мнѣнія о томъ, какъ надо дѣйствовать въ Польшѣ; однимъ изъ первыхъ шаговъ должно было быть, по его мнѣнію, опубликованіе особой деклараціи, проектъ которой онъ и представлялъ. Его предположенія были въ общемъ одобрены, но въ основу дѣйствій ему указано было принять инструкцію, данную прежде Волконскому; особенному вниманію его поручались три пункта: союзный трактатъ съ республикою, сепаратный артикулъ относительно основныхъ законовъ (то-есть русская гарантія) и артикулъ о диссидентахъ. Декларация, предложенная Сальдерномъ, была написана довольно высокопарно и напыщенно: онъ говорилъ объ ужасномъ положеніи націи и государства, убѣждалъ поляковъ позаботиться объ умирненіи своего отечества; въ деклараціи утверждалось, что императрица искренне желаетъ содѣйствовать этому и что она рѣшилась употребить послѣднія усилія для возстановленія порядка въ Польшѣ; поэтому она приглашаетъ „весь народъ соединиться, отложивъ всякую частную ненависть, и серьезно заняться способами къ окончанію бѣдствій своего отечества“; послу своему императрица дала точныя свѣдѣнія о своихъ намѣреніяхъ и онъ уполномоченъ сдѣлать всѣ возможные уступки; поднявшіе оружіе приглашаются его оставить, а русскимъ войскамъ приказано по возможности воздерживаться отъ военныхъ дѣйствій¹⁾.

На основаніи этой деклараціи Сальдернъ и началъ дѣйствовать; но дѣйствія его не были особенно удачны. Прежде всего и декларація Сальдерна не заключала въ себѣ ничего такого, что могло бы облегчить осуществленіе на практикѣ высказанныхъ въ ней пожеланій; затѣмъ и лично въ своей дѣятельности Сальдернъ вовсе не обнаружилъ качествъ выдающагося ума, какія ему часто почему-то приписываются; его дѣятельность была суевѣрна, безпокойна, но безрезультатна. Прибывъ въ Варшаву въ серединѣ апрѣля, Сальдернъ уже 10-го мая даетъ въ донесеніи къ Панину общую характеристику какъ всего положенія, такъ и дѣйствующихъ лицъ, характеристику очень рѣшительную въ выраженіяхъ, и даже настолько опредѣленную, что намъ она представляется гораздо болѣе изложеніемъ того, что авторъ себѣ вообразилъ, чѣмъ результатомъ изученія съ его стороны дѣла и вѣрнаго ихъ пониманія. Во многихъ случаяхъ онъ обнаружилъ какую-то странную мелочность и горячность. Такъ, онъ сдѣлалъ цѣлую исторію, дошедшую до императрицы, по поводу того, что ему

¹⁾ Сборникъ, т. ХСVII, 348—353.

показался совершенно невозможнымъ для обитанія домъ, въ которомъ жили, однако, и Репнинъ и Волконскій; затѣмъ онъ вздумалъ просить, чтобы для командованія русскими войсками въ Польшѣ, то-есть на мѣсто, отчасти ему подчиненное, былъ присланъ кн. Н. П. Репнинъ, — очевидно, что это было невозможно, и ему отвѣтили изъ Петербурга, что Репнинъ нуженъ въ арміи Румянцева, гдѣ онъ командуетъ почти половиною арміи, и послали вмѣсто Репнина А. И. Бибикова; Бибиковымъ Сальдернъ былъ очень недоволенъ и жаловался на него Панину, изображая Бибикова совсѣмъ непохожимъ на того Бибикова, какого мы знаемъ изъ времени усмиренія имъ Пугачевщины; со своей стороны Бибиковъ рисовалъ Сальдерна чертами далеко не симпатичными и, сколько можемъ мы судить по общему тону донесеній Сальдерна, довольно близко къ истинѣ ¹⁾). Въ то же время Сальдернъ письменно обращался къ императрицѣ съ предложеніемъ написать ея исторію. Вообще, личность Сальдерна, съ именемъ котораго связана одна несовсѣмъ еще разслѣдованная дворцовая исторія въ 70-хъ годахъ, ждетъ еще болѣе точнаго изученія для того, чтобы можно было высказаться о немъ рѣшительно.

Во всякомъ случаѣ въ Варшавѣ Сальдернъ не достигъ особенныхъ результатовъ. Онъ быстро обострилъ до крайности отношенія съ примасомъ Подосскимъ, человѣкомъ, которымъ Репнинъ и Волконскій умѣли пользоваться въ выгодахъ Россіи; гр. Огинскій, прежде одинъ изъ преданнѣйшихъ Россіи людей, теперь началъ готовить конфедерацію, враждебную Россіи; диссиденты, съ которыми велъ Сальдернъ переговоры, далеко не обнаруживали такой податливости, какую желали бы видѣть въ Петербургѣ, и Панинъ писалъ, что ему „вовсе не нравится та сдержанность, съ какою они относятся къ переговорамъ, къ которымъ имъ дѣлаютъ честь допускать ихъ. Не такому министру, какъ вы, мнѣ давать какія-либо предписанія по этому дѣлу. Я знаю, что во всемъ этомъ дѣлѣ вы сумѣете держать ихъ на подобающемъ мѣстѣ и что совѣты русскаго посла будутъ имъ закономъ“ ²⁾). Сальдернъ получилъ отъ короля особое письменное обязательство совѣтоваться во всемъ съ императрицею и слѣдовать ея совѣтамъ—конечно, это былъ шагъ довольно оригинальный; предшественники Сальдерна не дѣлали ничего подобнаго, но знаніе

¹⁾ *Оборникъ*, т. ХСVII, 267, 327; *Соловьевъ*, Исторія паденія Польши, 189, 144—145.

²⁾ *Оборникъ*, т. ХСVII, 354, 357, 422, 426, 426.

положенія польскихъ дѣлъ должно было бы и Сальдерну внушить мысль, что это шагъ ни къ чему не ведущій ¹⁾).

Впрочемъ, дѣятельность русскаго посла въ Варшавѣ въ это время утратила уже часть своего прежняго значенія. Дѣло въ томъ, что въ депешѣ отъ 28-го августа 1771 г. Панинъ раскрылъ Сальдерну „новую систему“, сообразованную съ которою онъ и совѣтовалъ послу въ своихъ дальнѣйшихъ предписаніяхъ ²⁾. Система же эта была не что иное какъ окончательно рѣшенный въ Петербургѣ раздѣлъ польскихъ земель. Теперь Панинъ совѣтовалъ Сальдерну принимать всѣ мѣры, чтобы держать поляковъ въ усыпленіи и бездѣйствіи. „Ваше поведеніе, писалъ онъ, должно быть совершенно пассивно, хотя и будетъ состоять въ постоянныхъ стараніяхъ съ нашей стороны поддерживать въ королѣ и во всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ мнѣніе, что вы только и думаете о замиреніи, дабы ограничить этою сферою всѣ интриги и козни“. Такимъ образомъ дѣятельность Сальдерна лишалась самостоятельнаго, существеннаго значенія; она являлась, такъ сказать, лишь прикрытіемъ, ширмами для болѣе важныхъ переговоровъ, которые давно уже велись въ Петербургѣ, теперь приходили къ окончанію и вскорѣ закончились первымъ раздѣломъ Польши.

И. Чечулинъ.

¹⁾ Обязательство это напечатано у *Соловьева*: *Исторія паденія Польши* 119; въ перепискѣ своей съ Сальдерномъ Панинъ не упоминаетъ объ этомъ обязательствѣ, точно онъ хотѣлъ показать, что не придаетъ ему особеннаго значенія...

²⁾ *Сборникъ*, т. ХСVII, 417.